

ВЛАСОВ КАК «МОНУМЕНТ ПРЕДАТЕЛЬСТВУ»

ХХ военные
тайны
века

**ВЛАСОВ
КАК «МОНУМЕНТ
ПРЕДАТЕЛЬСТВУ»**

ХХ военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Annotation

Личность генерала Власова до сих пор вызывает острую полемику в обществе. Используя новые документы, Олег Смыслов рассказывает о судьбе пленного генерала и объясняет, почему его личность стала «монументом предательству». В книге обильно цитируются документы из личного и судебного дел Андрея Власова, некоторые публикуются впервые.

Книга издается в авторской редакции.

- [О.С. СМЫСЛОВ](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [«АГЕНТ ВЛИЯНИЯ» ИЛИ СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [КАК ВЛАСОВ СТАЛ ВОЖДЁМ РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)

- [1.](#)
- [2.](#)
- [3.](#)
- [4.](#)
- [5.](#)
- [6.](#)
- [7.](#)

- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)

- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)

- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)

- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)

- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)

- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)

- [342](#)
 - [343](#)
 - [344](#)
 - [345](#)
 - [346](#)
 - [347](#)
 - [348](#)
 - [349](#)
 - [350](#)
 - [351](#)
 - [352](#)
 - [353](#)
 - [354](#)
 - [355](#)
 - [356](#)
 - [357](#)
 - [358](#)
 - [359](#)
 - [360](#)
 - [361](#)
 - [362](#)
 - [363](#)
 - [364](#)
 - [365](#)
 - [366](#)
 - [367](#)
 - [368](#)
 - [369](#)
 - [370](#)
-

**О.С. СМЫСЛОВ
ВЛАСОВ КАК «МОНУМЕНТ
ПРЕДАТЕЛЬСТВУ»**

XX *военные
тайны
века*

ОТ АВТОРА

Тема предательства — тема древнейшая. Предательство всегда осуждалось абсолютным большинством религий, как величайший грех. Предательство всегда порицалось морально-нравственными законами любого общества. Предательство всегда каралось смертной казнью, будь то переход на сторону врага, неисполнение долга, нарушение присяги и государственная измена.

Примечательно, что сущность предательства и его последствия не изменились и в наше время, однако отношение к нему, по самым разным причинам, стало более терпимым. Иные стали находить предательству весьма ловкие, но не очень весомые объяснения. И это обстоятельство не может не беспокоить нас, потому что только морально и нравственно здоровая, сильная духом нация, способная различать героев и предателей, способна оставаться таковой и в будущем.

Одним из самых известных предателей в нашей новейшей истории был и остается бывший генерал-лейтенант Красной Армии А.А. Власов. Этот русский человек, выходец из народа, в силу обстоятельств, при советской власти сделал поистине головокружительную карьеру. А затем, оказавшись в плену, даже не будучи раненым, смалодушничал и нарушил воинскую присягу.

Примечательно, что на стороне врага советского генерала-предателя использовали лишь в пропагандистских кампаниях и акциях. Так, например, отделом ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. ОКВ — Верховное главнокомандование вермахта) в 1942 г. было разработано воззвание так называемого Русского комитета, получившее название «Смоленской декларации». В 1944 г. следующим мероприятием спецслужб, в которой главная роль снова отводилась имени генерала-предателя Власова, стало создание Комитета освобождения народов России. Именно так, под патронажем одного из главных политических и военных деятелей фашистской Германии рейхсфюрера СС, рейхсминистра внутренних дел и рейхсляйтера Генриха Гиммлера, было создано так называемое «власовское движение», которое должно было на некоторое время оттянуть время окончательного поражения Третьего рейха. При этом, как подчеркивает в своем труде «Особый фронт» (2007) доктор исторических наук А.В. Окорочков, германская «пропаганда должна была способствовать распаду Советского Союза на отдельные государства, но в то же время скрывать

истинные намерения немцев относительно будущего этой страны.

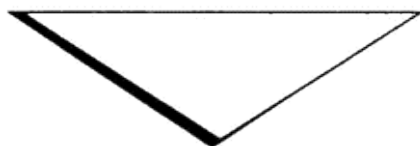
Что же касается усилий, направленных на привлечение народов СССР к активной борьбе на стороне Германии и формирование симпатий к отдельным аспектам «нового порядка» (то есть политические методы ведения войны), то они полностью исключались. В планируемой... победоносной кампании такие действия, по мнению нацистского руководства, были излишними. Участие же в войне представителей советских народов под какими-либо политическими лозунгами, будь то борьба за уничтожение большевизма или восстановление национальной независимости, представлялось просто невыносимым».

Но, что любопытно, русская служба «Радио «Свобода» начала свое вещание в марте 1953 г. (в год и месяц смерти И. Сталина) под именем «Радио «Освобождение». С первых дней финансовое и административное содействие работе этой радиостанции оказывал Конгресс США, а радиовещание велось из Германии (Мюнхен) устами членов Народно-трудового союза (НТС) и коллаборационистов Второй мировой войны. Только в 1971 г. ЦРУ США признает свое участие в финансировании и управлении «Радио «Свобода».

Словом, и после поражения Третьего рейха, который связал имя Власова с Комитетом освобождения народов России исключительно в пропагандистских целях, информационная и психологическая война против СССР продолжалась спецслужбами США под точно таким же лозунгом «освобождения». Имя же генерала-предателя Власова стало использоваться ими с той же целью, но только уже в холодной войне.

Таким образом, бывший советский генерал А.А. Власов стал обретать свою известную популярность после суда и казни в 1946 г., и как оказалось, обрел ее. Советский Союз распался, а плоды 20-летней деградации российского исторического образования вполне достаточно поспособствовали оправданию его предательства, породив при этом огромное количество власовцев.

Эта книга — плод долгих лет и огромных усилий во имя истины. Она о том, как вполне заурядный человек сначала стал советским генералом, а потом предателем и номинальным вождем Русского освободительного движения.

«АГЕНТ ВЛИЯНИЯ» ИЛИ СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» генерал-майор В. Филатов в девяностые годы, теперь уже прошлого столетия, попытался разобраться, сколько было лиц у генерала Власова. Но получилось так, что весь его разбор свёлся к интерпретации событий и слов. Например, в своей книге он приводит слова Благовещенского (одного из сподручных А.А. Власова), сказанные им на закрытом судебном заседании 30 июля 1945 г., а именно: «— Я признаю себя виновным частично. В обвинительном заключении указано, что после капитуляции гитлеровской Германии Благовещенский бежал в зону американских войск и предпринял попытки вступить в переговоры по представлению убежища членам КОНР (Комитет освобождения народов России. — В.Ф.). Это не соответствует действительности, а наоборот, сам лично добровольно явился и сдался органам советской власти.

В антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым, я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью разлагательской работы. Свою деятельность на оккупированной немцами территории полностью признаю»^{1}.

Словом, стоило Благовещенскому не совсем ясно выразить свою мысль, как спустя десятилетия генерал Филатов принялся размышлять на тему «прямых указаний от советских органов». Дальше — больше! В. Филатов подчёркивает форму Власова, которая резко отличалась от формы «его Вооружённых Сил». А именно: «Власов носил свою собственную форму, отличную как от немецкой, так и от РОА, — френч военного образца с большими накладными карманами и шинелью без погон, но брюки с лампасами. Излюбленная поза при разговорах с людьми — большой палец правой руки засунут под борт френча или шинели на груди, а ладонь поверх борта»^{2}.

И здесь он пытается убедить читателя в некой «независимости» Власова от его хозяев...

Прекрасно понимая, что «У нас в стране генерал Власов бесспорно, предатель № 1», а «на Западе генерал Власов, бесспорно, борец № 1 со Сталиным», Филатов не без умысла спрашивает: «Почему тех, с кем генерал Власов предавал Родину, он называет не иначе как «охвостьем» и «подонками»?^{3}.

И вот оно долгожданное предложение генерала от журналистики: «Отчего всё-таки не посмотреть, хоть одним глазком, на генерала Власова не как на предателя № 1, а как, допустим, на русского генерала Власова, выполнявшего, к примеру, в Германском великом рейхе специальное задание?»^{4}.

Кроме того, предложение подкрепляется ещё и ссылкой на исследование «Иуды. Власовцы на службе фашизма», где говорится следующее: «Взаимоотношения марионеточной «освободительной» армии со своими «хозяевами» были довольно сложными и запутанными. Командование вермахта в целях пропаганды, стремясь придать РОА «патриотический, добровольческий» характер, на всех перекрёстках объявляло о самостоятельности «команды Власова», дескать, лучшие представители русского народа, да и сам народ восстал против Советов. Но... заставляло представителей вермахта держать командование и личный состав РОА под неусыпным строжайшим наблюдением, на любом участке иметь своих инструкторов и наблюдателей, а для пущей надёжности сделать и «освободителей» агентами и осведомителями гестапо. Отнюдь не случайно в материалах, хранящихся в уголовном деле Власова и его сообщников, множество разноречивых показаний»^{5}.

По личному мнению (однозначному и бесповоротному) генерала Филатова, Власов «берёт на себя ещё большую вину...» Тут надо отметить, что у генерала Филатова фантазия достаточно богатая, и он не без подвоха, как ему кажется, снова спрашивает: «Почему действительно так странно ведёт себя на допросе Власов? Он же не враг себе...»^{6}.

Пребывание Власова в Китае В. Филатов комментирует так: «Группу военных советников в Китае возглавлял комдив Черепанов — разведчик до мозга костей. Вскоре его «почему-то» «внезапно» отозвали в Москву, и Власова «почему-то» назначили на его место. Но если рядовым советником действительно может быть любой толковый офицер, то на должности руководителя группы военных советников даже очень толковый армейский офицер может быть только, скажем так, гипотетически. Почему? Потому что во все времена эта должность была за ГРУ. Что это значит? Это значит, Власова зачем-то «натаскивали» на работу с «коллективом сослуживцев» по руководству громадной «русской колонией» в условиях чужой и враждебной страны, но при этом «коллектив сослуживцев», «ядро» не должно знать, кто он на самом деле и какова его роль вообще».

«Позарез требовался нам «свой человек» в Берлине — в вермахте и в СС, в гестапо и в канцелярии Гитлера... Выбор пал на Власова. Почему?

Во-первых, изъян в автобиографии — окончил духовное училище, учился в духовной семинарии, а это значит, притесняем большевиками, изгой, то есть заклятый враг большевиков. Во-вторых, более 10 лет сидел в одном и том же полку — значит, затираем большевиками. В-третьих, служил в штабах, да ещё в отделах боевой подготовки в двух самых важных для немцев наших военных округах. Заполучить такого офицера — мечта каждой разведки.

Китай в то время кишмя кишел немцами и японцами. Расчёт был на немцев. Власов должен был повести себя в Китае так, чтобы им заинтересовались именно немцы»^[7].

Ещё один «аргумент», по Филатову, — это партбилет Власова, который он почти всю войну «на всякий случай» держал при себе.

«А почему бы партийный билет, — пишет генерал, — который Власов пронёс буквально у сердца все годы, находясь среди немцев, не «прочитать» так: «Я, Власов, никогда не изменял линии партии, никогда не уклонялся от генеральной линии партии: ни в 30-е — в битве с троцкистами, ни в 40-е — в битве с фашистами»?

Надо знать, что такое был партийный билет для людей того героического времени. Все успехи свои личные и Родины в целом они справедливо связывали непременно с партией. Лишиться партийного билета для настоящего партийца было личной трагедией, катастрофой. Куда смотрело ГРУ, когда инструктировало в последний раз Власова? ГРУ смотрело правильно. Очень хорош был бы Власов, заявись он к немцам без партбилета. Власов без партбилета у немцев — это не Власов из ГРУ».

Словом, откровенно, прямо, без лишних сантиментов, генерал В. Филатов выкладывает нам свою версию событий далёкого прошлого, по сути, переворачивая с ног на голову всю историю Великой Отечественной войны.

Он даже знает, когда Власова ГРУ планировало забросить к немцам: «после 22 июня 1941 г., но 22 июня 1941 г. Гитлер напал на СССР, началась Великая Отечественная война. Пошла другая игра...»

Таким образом, пленение Власова, Филатов объясняет, не иначе как внедрением в стан врага. А как же иначе, ведь «Власов в этой связи — замысел всеславянский, сгусток вековой мудрости русских, результат непрерывной борьбы русских с иноземными захватчиками, в которой бывало всё: отвага и хитрость, самопожертвование, скрытое и явное, битва «на миру», в которой «и смерть красна», и битва потаённая, невидимая даже для самых родных глаз, в которой свои, родные считают тебя врагом наизлейшим. Вот по этим чертежам был создан Власов. На это ушли годы.

«Конструкция» «изделия» была проверена в условиях «космических» перегрузок. Прежде чем «уйти» к немцам, его провели в буквальном смысле слова через «огни, воды и медные труды». Выдержал!

Генерал Власов — суперкласс разведки. Он — создание интеллекта неординарного. Сегодня разведчики этого уровня имеют точное название — «агент влияния»^{8}.

Вот так вот, дорогие господа и товарищи! Ни много — ни мало, а можно и диссертацию защищать.

Со временем у генерал-майора В. Филатова появятся и последователи, позаимствовавшие его идею.

Один из них в 2007 г. опубликует статью с весьма любопытным названием «Генерал Власов выполнял личные указания Сталина».

«К 1942 г., — пишет её автор С. Лекарев, — в плену у немцев оказались более 4 миллионов красноармейцев. Угроза переброски этого, не ждавшего милости от советской власти контингента на фронт или (что ещё хуже) в тыл могла стать губельной для Красной Армии...

В начале января 1942 г. ГРУ Генштаба продолжило операцию по подставе абверу генерала Власова. Использовался богатый довоенный опыт по созданию лгвгдированных антисоветских организаций (операция «Трест») для внедрения в политические и секретные структуры противника. Сталин дал своё согласие, после чего руководство этой стратегической операцией перешло в ведение его личной разведки...

Взять под контроль и нейтрализовать угрозу использования немцами в своих интересах пленных красноармейцев было решено сделать с помощью Власова.

Подобные операции обычно начинаются с создания соответствующих благоприятных условий. Для этого 8 января 1942 г. на одном из участков Ленинградского фронта на немецкую сторону под видом парламентёра перешёл военинженер 1-го ранга Иван Иванович Иванов в сопровождении двух капитанов. При встрече с уполномоченным командующего вермахтом Иванов уведомил последнего о том, что в Ленинграде существует группа высокопоставленных заговорщиков, в состав которой входят лица из числа командования войсками. Эта группа якобы готова на борьбу с коммунизмом.

После этого Власову было поручено возглавить находившуюся в безнадёжном положении 2-ю ударную армию. Именно на этот заведомо обречённый участок и направили генерал-лейтенанта А.А. Власова. Во 2-ю ударную его привезли Лаврентий Берия и Климент Ворошилов...

Расчёт делался на скорое пленение такого важного генерала немцами.

С целью увеличения значимости Власова в глазах немцев он был назначен и заместителем командующего Волховским фронтом»^{9}.

Пленение Власова автор объясняет не иначе, как «завершением гроссмейстерской партии ГРУ — результатом десятилетней кропотливой работы многих блестящих умов и выдающихся талантов».

В заключение С. Лекарев говорит следующее: «Дальнейшие события официальная пропаганда преподнесла так — генерал-изменник А. Власов добровольно сдался в плен. Со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Однако было несколько исключений из стандартных в подобных случаях правил. Обычно родственники «изменников Родины», занимавших высокое социальное положение, подвергались жесточайшим репрессиям. Как правило, их уничтожали в ГУЛАГе. В данной ситуации всё было с точностью да наоборот. Кроме того, после того как Власов оказался у немцев, НКВД и СМЕРШ, по поручению Сталина, провели тщательное расследование ситуации, сложившейся со Второй ударной армией. Результаты были положены на стол Сталину, который пришёл к выводу — признать несостоятельность обвинений, выдвинутых против генерала Власова в гибели 2-й ударной армии и в его военной неподготовленности...

Власов был объявлен во всесоюзный розыск и находился в розыске вплоть до 1946 г.»^{10}.

Скажите, пожалуйста, как можно вообще это комментировать? Люди с богатой и, видимо, очень разнообразной фантазией пытаются не просто переписать историю Великой Отечественной войны. Они желают запудрить мозги прежде всего молодому поколению высосанным из пальца бредом сумасшедшего. По другому эти «опусы» лично я назвать не могу. Их авторы словно издеваются и над нами, и над нашей историей.

В 2006 г. генерал-майор Филатов уже «С фронтов Еврейской Империи» сообщает нам свежую новость: «Есть Вторая мировая война, которую знают все. И есть Вторая мировая война, которую знали только генерал Сталин и его генерал — Власов. Эту войну они вели вдвоём. Когда впервые в журнале «Молодая гвардия» появились главы из книги «Сколько лиц было у генерала Власова», в редакцию пришло письмо за подписью начальника ГРУ — Главного разведывательного управления. В официальной бумаге начальник ГРУ урезонивал автора: оказывалось, что по его личному указанию самым тщательным образом была проверена вся картотека на разведчиков ГРУ. Генерал Власов в картотеке ГРУ не значится. Начальник ГРУ был совершенно прав, хотя никто его не тянул за язык и

журнал не запрашивал сведений о генерале Власове у ГРУ»^{11}.

И тем не менее и в этих, и в других публикациях Власову придают значения гораздо больше, чем он весил от природы. Так выгодно тем, кто уже нажил или только собирается нажить капитал на имени Иуды.

Бредовые идеи сегодня, как никогда, пользуются спросом. Нужно только очень постараться. И многие стараются, лезут на потолок, выворачиваются наизнанку, а сами не понимают абсолютно простых вещей, которые можно уяснить, только лишь получив высшее военное образование, прослужив не только в полках, но и в больших штабах. А как же иначе? Словом, опять-таки знания, умения и навыки в военном деле. Без этого ни Власова, ни других персонажей из Красной Армии, да и не только, понять и оценить очень сложно. Городить же огород, придумывать анекдоты дело для истории вредное.

В ней и так наврали «с три короба», да развенчать эту ложь удаётся с огромным трудом, благодаря кропотливой работе всего лишь немногих, бесспорно одарённых и талантливых первопроходцев.

«Ледоколы» же некомпетентности или вольного обращения с историческими фактами опасная тенденция нового столетия...

По мнению писателя Н. Коняева, «исследователи личности генерала Власова искажают «информационно-духовное поле»... Дело доходит до курьёзов... Когда в книжном магазине спрашивают, есть ли книга про генерала, продавец задаёт встречный вопрос: а вам нужна книга про какого Власова — борца со сталинизмом, коммуниста или предателя? Оказывается, об этой исторической личности уже написаны книги на любой вкус»^{12}.

Так что два лица (или множество лиц) генерала Власова на сегодняшний день вовсе не байка. Вот только душа у него была всего лишь одна...

Не от масок ли генерала, как гримасы истории, появился прежде «командир-стахановец», потом предатель, потом «освободитель от Сталина», а теперь ещё и «агент влияния»?

Почему-то почти все биографы Власова считают, что не стань он предателем, то его ожидала бы в дальнейшем блестящая карьера полководца. «Сложись история иначе, и «Красная Звезда» регулярно отмечала бы круглые даты одного крупного военачальника, — пишет Л. Млечин. — Он, правда, и без того вошёл в историю, но совсем не так, как ему хотелось. В определённом смысле ему сильно не повезло. А то мог бы закончить войну с маршальскими звёздами на погонах. И со временем захоронили бы урну с его прахом в Кремлёвской стене, назвали бы в его честь одну из улиц в Москве. Но получилось иначе»^{13}. А ведь история не любит сослагательного наклонения. В ней всё, что было, так и остаётся. Вот только мы пытаемся додумать её на своё собственное усмотрение, переписать, а зачем? Чтобы увидеть в ней то, что нам хочется... А надо ли это делать?

По поводу светлого будущего Власова «бабка надвое сказала», ведь своей карьерой Андрей Андреевич был обязан, прежде всего, репрессиям, ну а затем маршалу Тимошенко и самому Сталину. Но даже великие не однажды ошибаются. Жизнь она и есть жизнь!

Будущий генерал родился «1 сентября 1901 г. в с. Ломакино Гагинского района, Горьковской области /с. Ломакино, Покровской волости, Сергачёвского уезда, Нижегородской губ./ в семье крестьянина-кустаря»^{14}.

Сравнивая записи его личного дела с записями в учётно-послужных картах^{15} можно убедиться в несоответствии дат приказов о назначении Власова на многочисленные должности. Тем не менее, чтобы как-то восполнить этот пробел, мы ознакомимся со справкой на командира 99-й стрелковой дивизии комбрига Власова А.А., составленной по материалам личного дела и подписанной интендантом 3-го ранга Бородиным 28 февраля 1940 г. В ней указано:

«Тов. ВЛАСОВ Андрей Андреевич.

Занимаемая должность и звание — Командир 99-й стрелковой дивизии. КОМБРИГ.

Награды — Орден «Красное Знамя» в 1939 г.^{16}

Социальное положение и происхождение (о родителях подробно)

Служащий-студент, из семьи кустаря-портного, занимавшегося и сельским хозяйством. Хозяйство было середняцким.

Год и место рождения, национальность — 1901 г. рождения, село Ломакино, бывш. Покровской вол., Сергачёвского уезда, Нижегородской губ., русский.

Образование: а) общее — Школа II ступ, в 1918 г. и 4 курс университета в 1919 г.^{17}

б) военное — Пех. ком. курсы в 1920 г., КУКС «Выстрел» в 1929 г.

Связь с заграницей — Не имеет.

Время вступления в ВКП /б/ с 1930 г. п/б. обр. 1936 г. №0471565

Выбывал ли из ВКП (б), когда и почему — Не выбывал.

Состоял ли в других партиях, каких, когда — Не состоял.

Политические колебания и партвызыскания (какие, когда и где) — Политических колебаний не имел, партвызысканиям не подвергался.

Партполитхарактеристика

Партии ЛЕНИНА — Сталина и Социалистической родине предан. Идеологически и морально устойчив. В партийной работе принимает активное участие. Работает над повышением своего идейно-политического уровня. Был на руководящей партийной работе. Чуткий и отзывчивый товарищ. Пользуется авторитетом среди парторганизации.

Аттестация

В военном отношении хорошо подготовленный командир. Работая командиром полка, много работал над ликвидацией вредительства, повысил дисциплину. Занятия с комначсоставом проводит методически правильно, живо и поучительно. Большой силы воли и с хорошими организаторскими способностями командир. Находясь в правительственной командировке, проявил себя с положительной стороны.

Служба в старой армии (время, должность и чин) — Не служил.

Служба в белой армии, пребывание в плену, нахождение на территории белых (когда, где, в какой должности) — В белой армии не служил, в плену не пребывал, на территории белых не находился.

Участие в Гражданской войне и должность — В 1920 г. против Врангеля — командиром взвода и в 1921 г. против банд Донецкой, Воронежской и Харьковской областях.

Ранения и контузии, где, когда — Не имеет.

Работа в прошлом и служба в РККА

(с начала трудовой деятельности)

Год и месяц ... НАЗВАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ИЛИ КАКУЮ РАБОТУ ВЫПОЛНЯЛ

1915–1917 — Учился в духовной семинарии — г. Нижний Новгород.

1917–1919 — Ученик 2-й Нижегородской Трудшколы 2-й ступени.

1919–5.1920 — Студент агро-факультета Нижегородского...

5.1920–6.1920 — Красноармеец 27-го Приволжского стрелкового полка.

11.1920–4.1921 — Сотрудник штаба тылового района 2-й Донецкой...

4.1921–6.1922 — Комвзвода, пом. ком. роты 27-го запасного стрелкового полка.

6.1922–8.1922 — Ком. взвода 5-го Петроградского стрелкового полка.

8.1922–2.1926 — Пом. ком. роты и ком. роты 26-го стрелкового полка.

2.1926–11.1928 — Начальник школы 26-го стрелкового полка.

11.1928–4.1929 — Слушатель курсов усовершенствования «Выстрел».

4.1929–12.1930 — Ком. батальона 26-го стрелкового полка.

12.1930–4.1932 — Преподаватель тактики Ленинградской школы комсостава запаса.

4.1932–3.1933 — Пом. нач. учебной школы Детскосельской объединённой школы.

3.1933–3.1936 — Пом. начальника 2-го отдела Штаба ЛЕЮ.

3.1936–8.1937 — Начальник учебной части Ленинградских курсов военных переводчиков.

8.1937–4.1938 — Командир 133-го /бывш. 215-го/ стрелкового полка.

4.1938–6.1938 — Помощник командира 72-й стрелковой дивизии.

6.1938–10.1938 — Начальник 2-го отдела Штаба Киевского Особого военного округа.

10.1938–11.1939 — В особой командировке.

11.1939–1.1940 — Состоящий в распоряжении Управления по начсоставу Красной Армии /находился в отпуске после командировки/.

1.1940 — Командир 99-й стрелковой дивизии...»^[18].

В другой справке «О прохождении службы Командиром 99-й Стрелковой дивизии КОВО комбригом Власовым Андреем Андреевичем», составленной начальником отдела начсостава КОВО — полковником Горшковым, обозначаются сроки в должностях:

«В РККА с «5» мая 1920 г.

В должностях начсостава с «—» октября 1920 г.

ЗАНИМАЛ ОСНОВНЫЕ ДОЛЖНОСТИ: Красноармеец, курсант «—» лет «5» мес. Командир взвода «1» лет «—» мес. Командир роты «4» лет «5» мес. Начальник полковой школы «3» лет «1» мес. Командир батальона «1» лет «8» мес.

Преподаватель тактики и пом. нач. учебного отдела норм, шк. «2» лет «3» мес.

Пом. н-ка 1-го сектора 2-го отдела штаба округа «2» лет «—» мес.

Пом. начотдела боевой подготовки штаба округа «1» лет «5» мес.

Командир полка «—» лет «10» мес.

Начальник 2-го отдела штаба округа «—» лет «4» мес.

Командир стрелковой дивизии «1» лет «8» мес...»^{19}.

Когда началось восхождение Власова к вершинам его карьеры?

Судя по данным личного дела в 1937 г., когда он был назначен командиром полка (сначала исполняющим должность), так как без прохождения этой ступени он бы вряд ли был бы назначен помощником командира дивизии, а уж тем более и командиром дивизии.

Вне строя он прослужил (преподавателем и в штабах) до этого назначения более семи лет. То есть человек долгие годы был оторван от службы в боевых частях. Всё это время он занимался чтением лекций и бумажной работой, которая несколько далека от повседневной рутины частей и соединений того же Ленинградского округа.

Кстати сказать, некоторые биографы банально путаются, когда приписывают Власову командование двумя полками: 215-ми 133-м. На самом деле это один и тот же полк, у которого однажды поменялась нумерация. В личном деле это отмечено.

Но всё по порядку.

На сегодняшний день считается, что при введении персональных военных званий Власову было присвоено «высокое стартовое звание» — майор (январь 1936 г., приказ НКО СССР №039^{20}).

«Присвоение персональных военных званий в 1935–1936 гг. явилось важным этапом в укреплении положения комначсостава РККА, — пишет О. Сувениров. — Но, по мнению многих командиров, оно явилось и своеобразной чисткой армии. Значительно сужен был контингент лиц, отнесённых к командному составу. Сюда теперь входили командир, его заместитель по строевой части и начальник штаба. Все остальные получали военные звания интендантского, инженерного и т.п. состава. У профессиональных военных это вызывало значительное недовольство. Многие получили персональные военные звания и соответствующие им знаки различия значительно ниже носимых ранее по занимаемой должности и соответствующей служебной категории. Преподаватель Военно-химической академии Какоулин заявил по этому поводу: «Молодею с каждым днём, скоро буду лейтенантом». Недовольство высказывалось и в сфере высшего комсостава. Начальник кафедры тактики Военно-транспортной академии В.С. Лазаревич был явно раздосадован тем, что ему присвоили звание «только» комдива. На просьбу дать материалы для

командирской учёбы он заявил: «Я теперь комдив, и с меня спрашивайте только как с начальника кафедры, больше я ничего не знаю».

Остро ощущались и переживания многих командиров, связанные с неизменным проведением «классового подхода» в явно гипертрофированной форме. Начальник Инженерного правления РККА Н.Н. Петин получил высокое звание «комкор». Но ведь всё познаётся в сравнении. Его коллеге — начальнику АБТУ РККА И.А. Халепскому присвоили ещё более высокое звание командарма 2-го ранга. И Петин жаловался своему заместителю Смирнову: «Разве нам с тобой, Серёжа, можно было ждать чего-нибудь хорошего, ведь ты поп, а я бывший офицер».

Весьма болезненно реагировали командиры, особенно молодые, на проявление откровенной грубости, а то и неприкрытого хамства со стороны старших начальников. Это началось буквально с первых дней создания армии «нового типа». Многие искренне полагали, что с отменой военных званий и знаков различия, ликвидацией титулования всякая вежливость является чуть ли не дурным тоном. Негативно влиял и чрезвычайно низкий общеобразовательный уровень подавляющего большинства выдвинутых «с низов» командиров, даже не представлявших себе, что обращение начальника с подчинённым может быть вполне вежливым. И когда кое-кто всё-таки высказывал сетования по поводу излишней грубости со стороны тех или иных начальников, они не без гордости отвечали: «Мы университетов (вариант: академиев) не кончали». Выступая на совещании в ПУРе в феврале 1935 г., начальник Военно-политической академии Б.М. Иппо говорил: «Значительная часть слушателей не отвечает требованиям. Мы в наших академиях вынуждены обучать людей арифметике, самому элементарному правописанию. Ведь он ещё пишет не «донесение», а «донисение», он ещё пишет не «взвод», а «звод».

Зато «матерный язык» такие, не обременённые культурой, командиры осваивали чуть ли не в совершенстве...»^{21}.

К слову, сам Власов «академиев» не заканчивал, но при этом слыл «виртуозным матерщинником», а ещё отличался «поразительной неграмотностью», то есть писал с чудовищными ошибками. «Власов писал со множеством грамматических и орфографических ошибок», — напишет в своей книге Л. Млечин^{22}. Но зато он был «в доску» свой из крестьян-середняков села Ломакино. В белых и иностранных армиях не служил, в других партиях не состоял, в старой армии не служил, на территории, занятой белыми, не был, в плену во время Гражданской войны не был, в

оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. В общем, свой, на все сто!

Пётр Григорьевич Григоренко оказался непосредственным свидетелем присвоения новых званий. В частности, он пишет: «Дело в том, что знаки различия для званий были оставлены те же самые, что носились по должностям (квадраты, прямоугольники, ромбы). Но звания давали (по знакам) значительно ниже должностных. Бывали даже случаи, когда человек, носивший по должности три ромба, по званию вынужден был одевать три квадрата. Померанцев вместо трёх ромбов одел по званию один. Вишнеревский вместо двух — тоже один. Оба этих присвоения относились к числу «счастливых» случаев. Как правило, бывало хуже. Бывало немало случаев, когда человек получал не только более низкие знаки, но и интендантское звание, что для командного состава было оскорбительно. Многие старались скрыть свои новые знаки. Широко, в холодное время года, стали пользоваться бекешами, на меховые воротники которых петлицы не нашивались. Ходили всяческие горькие шуточки. Начальник штаба УРа (у Померанцева), получивший звание первым в УРе, вместо двух ромбов одел один и на следующий день шутил: «У моего сына в школе ребята спрашивают — что теперь твой папа носит? — а он — один ромб и одну дырочку». Другие на подобный вопрос отвечали: «Две шпалы... на двух петлицах». Была масса обиженных. Был даже случай, опубликованный в приказе Наркома обороны, когда офицер отказался от присвоения ему звания. И нарком без зазрения совести писал об этом офицере в приказе: «Всю свою службу околачивался в штабах». Этим он пытался обосновать оскорбительно низкое звание, но унизил штабную службу. Помню, какое невыгодное впечатление произвёл этот приказ на штабных командиров. Их теперь официально отнесли к второстепенным военным работникам.

Высокие командирские звания получали лишь те, кто всё время командовал. Годы учёбы, служба в штабах и тылах, преподавательская работа не только не учитывались для званий, а влияли отрицательно. Звания присваивали центральные комиссии. Одну возглавлял Будённый, другую Тимошенко. Рассказы о работе этих комиссий передавали из уст в уста. Вот, например, Будённый открывает заседание. Мелкий военный чиновник докладывает прохождение службы. Например: в армии пять лет. Командовал взводом, ротой, недавно назначен командиром батальона. Будённый изрекает «майор». Все соглашаются. Никто даже фамилией не интересуется. В то же время военнообразованные, знающие своё дело начальники штабов дивизий, начальники оперативных отделов корпусов

тоже очень часто получали звание майора. А вот доклад о другом кандидате. Подпоручик старой армии, участник Гражданской войны, на штабных должностях; окончил военную академию, сейчас преподаёт в ней. Будённый: давно служит, но как-то всё где-то по закоулкам. Дадим ему полковника интендантской службы. Человеку нанесена самая тяжкая обида.

Интендант по-тогдашнему — это вроде не военный. Я лично знал молодого человека с тремя ромбами. Он работал в Управлении боевой подготовки Красной Армии инспектором физической культуры и спорта. Ожидая звания, он был буквально больным:

«— Дадут мне интенданта», — сокрушался он. И как же он радовался, когда ему дали старшего лейтенанта, т.е. три квадрата вместо трёх ромбов. Но оскорбительные интендантские звания давали широко, распространённо. Я видел начальников штабов полков и дивизий, начальников оперативных отделов дивизий и корпусов с интендантскими званиями. Это было оскорбление людям, но это было и унижение важнейших должностей, подрыв престижа этих должностей. О людях с интендантскими званиями, какой бы они пост ни занимали, презрительно говорили: «У него три шпалы на зелёном поле (на зелёных петлицах). Да что иное и могли сделать «икона с усами», как назвал Будённого генерал Шарабурко, «дубовый маршал», как звали в армии Тимошенко. Им и подобным вверили это ответственное дело, чтобы они натворили побольше недовольных и тем помогли выявить тех, кто способен не соглашаться с начальством, не говорить «спасибо», когда плюют в глаза. Впоследствии многие из арестованных офицеров рассказывали, что одним из обвинений было: «Проявил недовольство полученным званием и высказывал критические суждения»^{23}.

А Власова оценили на «майора», всё-таки командовал взводом, ротой, батальоном. Правда, был и на преподавательской работе, служил в штабе.

Согласно Постановлению ЦИК и СНК Союза ССР от 22 сентября 1935 г. № 19/2135^{24} срок пребывания в звании «лейтенант» устанавливался — три года, срок пребывания в звании «старший лейтенант» — три года и в звании «капитан» — четыре года. Словом для получения звания «майор» было необходимо в соответствующей занимаемой должности прослужить всего лишь десять лет. Власов на момент аттестации после окончания пехотной школы прослужил пятнадцать! А значит, ещё целых пять лет вроде бы как пересидел.

В штабе Ленинградского округа Власов служил в отделе боевой подготовки (хотя некоторые авторы продолжают связывать цифру «2» с

разведотделом), а затем его назначают на должность начальника учебной части курсов военных переводчиков (иногда пишется «учебного отдела»). Но парадокс заключается в том, что сам Власов владел иностранным языком даже не как «пользователь», а гораздо хуже: «Немецкий: читает и пишет со словарём, говорит с трудом»^{25}.

В переводе же майора Власова из Ленинградского округа в Киевский на должность командира стрелкового полка удивительного ничего нет. Где-то в 1936 г. у Андрея Андреевича завязался пылкий роман с некой Юлией Осадчей (по другим данным, Ульяной), итогом которого стало рождение дочери и подача его подругой документов на выплату алиментов. «Однако возникший скандал, — считает П. Пальчиков, — на фоне продолжавшихся в стране репрессий оказался никчемным и не повредил карьере краскома. Видимо, не до мелочей тогда было: ограничились переводом в другой военный округ»^{26}.

Но неужели вы думаете, что Власову не хватило бы места в ЛенВО? Ведь только за семь месяцев (с июня по декабрь 1938 г.) в штабе ЛенВО было арестовано 22 работника штаба. «Кроме того, по политическим мотивам и «практической нецелесообразности» 36 человек были уволены из РККА, а 38 штабистов переведены на работу в части»^{27}.

Более того, в результате репрессий в 1939 г. рядом дивизий в ЛенВО командовали даже капитаны^{28}. То есть должности там, в строю, бесспорно, были.

В Киевском округе Власов исполняет должность командира стрелкового полка (с августа 1937 г.). Только в феврале 1938 г. его утверждают в этой должности.

Мне удалось выяснить некоторые детали этого назначения.

С марта 1937 г. 133-м полком командовал Наум Семёнович Пиказин. Он родился в 1898 г. в Кишинёве. В 1921 г. окончил 4-ю Киевскую артиллерийскую школу, в 1923 г. артиллерийское отделение Высшей объединённой школы им. Главкома С.С. Каменева в г. Киев, в 1927 г. Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе, в 1931 г. артиллерийское отделение на Курсах технического усовершенствования начсостава Центрального управления РККА. В межвоенный период проходил службу на следующих должностях: комиссар 56-х Черниговских пехотных курсов комсостава, командир артиллерийского взвода и врид комиссара учебного отряда 25-й стрелковой дивизии, комиссар 15-х пехотных командных курсов, помощник комиссара учебного отряда Высшей Объединённой военной школы им. Каменева, врид командира батареи гаубичного

артиллерийского дивизиона 1-го конного корпуса, командир батареи артдивизиона 45-й территориальной стрелковой дивизии 14-го стрелкового корпуса, заместитель командира дивизиона, начальник штаба артполка 1-й Кавказской стрелковой дивизии, врио командира полка, начальник 3-го отдела, помощник начальника 6-го отдела, с мая — начальник сектора 2-го управления Штаба РККА.

В феврале 1931 г. Пиказин был переведён в 5-е управление Штаба РККА, где исполнял должность начальника 6-го сектора, а затем был назначен начальником 2-го отдела.

С января 1935 г. — инспектор, с апреля 1936 г. — старший инспектор в Группе контроля при НКО СССР. На этих должностях Наум Семенович «проявил себя как очень способный, быстро схватывающий дело работник. Хорошее общее развитие, большой опыт работы в Штабе РККА, личные способности позволяют ему быстро осваиваться с новыми вопросами»^[29].

Лишь один был «недостаток» у полковника Пиказина — он был евреем. В январе 1938 г., после того как он подготовит Власова в качестве командира полка, его переведут на незначительную должность начальника военно-хозяйственного снабжения 96-й стрелковой дивизии КВО. А Власова будет ждать очередная взлёт. В апреле 1938 г. его назначают помощником командира 72 стрелковой дивизии, а в мае этого же года — исполняющим должность начальника 2-го отдела (боевой подготовки) штаба КВО.

До Андрея Андреевича эту должность занимал Константин Степанович Колганов. Он родился в 1896 г. В русской армии с 1915 г., прапорщик. В Красной Армии с октября 1918 г. В 1917 г. окончил 1-ю Омскую школу прапорщиков, в 1933 г. Военную академию им. М.В. Фрунзе заочно. В Гражданскую командовал ротой и батальоном, был помощником адъютанта стрелкового полка, адъютантом стрелкового полка, помощником начальника штаба стрелковой бригады, начальником штаба стрелкового полка.

В межвоенный период командовал батальоном, был начальником штаба и командиром стрелкового полка^[30].

16 августа 1938 г. Власову присваивают звание «полковник» (воинского звания «подполковник» тогда ещё не было) приказом НКО СССР № 01378, затем в октябре 1938 г. назначают на должность командира 72-й стрелковой дивизии.

К слову, срок пребывания в звании «майор» устанавливался в четыре года. Андрей Андреевич же майором проходил всего немногим более двух

лет! Но в «Положении о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» имелись существенные «лазейки». Первой была следующая: «для получения военного 'звания полковник (капитан 2-го ранга) устанавливается срок пребывания в предыдущем военном звании 3 г., из коих в течение одного года обязательно фактическое командование батальоном (дивизионом и т.п.), если ранее этот командир не командовал батальоном (дивизионом и т.п.)...» А второй ещё более универсальная: «В отдельных случаях, при наличии выдающихся успехов в работе или особых заслуг, командному и начальствующему составу могут быть присвоены очередные военные звания ранее истечения установленных сроков...»^[31].

Молниеносный взлёт Власова в Киевском округе поясняет следующий документ:

«Материалы к протоколу заседания Военного совета Киевского военного округа № 2 от 26 марта 1938 г. Из ДОКЛАДА о состоянии кадров Киевского военного округа

1. Враги народа, имевшие своей целью подготовку поражения РККА, на все руководящие должности подбирали свои кадры, выдвигали узкий круг людей на высшие должности, а растущих преданных партийных и не партийных большевиков «мариновали» на низовой работе.

В результате этого в большинстве на руководящих должностях штаба округа, командиров, комиссаров, начштабов корпусов и дивизий, частично и полков, оказались враги народа и их приспешники.

Поэтому Военный совет поставил центральной задачей «выкорчёвывание» врагов народа и подбор на руководящие должности преданных и растущих командиров.

В итоге беспощадного «выкорчёвывания» троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов на 25 марта 1938 г. произведено следующее обновление руководящего состава округа:

Наименование должностей ... По штату ... Обновлено (% обновления)

Командиров корпусов ... 9 ... 9 (100)

Командиров дивизий ... 25 ... 24 (96)

Командиров бригад ... 9 ... 5 (55)

Командиров полков ... 135 ... 87 (64)

2. Выполняя указания тт. Сталина и Ворошилова, Военный совет округа провёл большую работу по очищению кадров командного состава не

только высшей, но и средней и старшей группы от всех враждебных и политически неустойчивых элементов, и эта работа продолжается в дальнейшем.

Всего было уволено из частей округа по политико-моральным причинам 2922 человека, из них арестовано органами НКВД 1066 человек...»^{32}.

Вот и получается, что «растущего», «преданного партийного большевика» Власова долгое время «мариновали» на низовой работе. А теперь, когда стали разоблачать «врагов народа и их приспешников» на руководящих должностях, на Власова обратили внимание и выдвинули, да так, что у него от успехов, упавших с неба, начала кружиться голова.

Разговоры о том, что Власов был членом окружного трибунала и принимал участие в подписании приговоров, вовсе не являются беспочвенными.

Например, в автобиографии полковника Власова, написанной 23 декабря 1939 г. им самим указывается: «Около десяти лет состоял Заседателем военного трибунала КВО и ПВО»^{33}.

В апреле 1940 г. он напишет: «Был избран членом военного трибунала округа...»^{34}.

Но этого, видимо, мало для тех, кто убеждён в непогрешимости Власова. Тогда есть ещё партхарактеристики, где чёрным по белому написано: «Уклонов от генеральной линии партии у тов. Власова не было. Работает честно и правдиво. Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства части» (16 марта 1938 г.); «Уклонов от генеральной линии партии у т. Власова не было. Работает честно и правдиво. Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части» (5 апреля 1938 г.); «В партийно-политической жизни парторганизация отдела и Штаба КОВО принимает активное участие. Партзадания выполняет аккуратно и добросовестно. Идеологически выдержан. Предан партии Ленина — Сталина. Партвзысканий не имел» (29.8.38 г.).

Как вы думаете, если майор, а потом и полковник Власов 10 лет был заседателем военных трибуналов, он что, в период массовых репрессий брал справку о болезни или демонстративно не ставил свою подпись? Стал бы он тогда полковником или командиром дивизии? А если бы он активно не боролся с вредительством и не выступал на партсобраниях, что бы с ним самим могло быть? Наверное, то же, что и с «врагами народа». Ведь в 1937–1938 гг., в период массовых репрессий, военные трибуналы, в том числе рассматривали и контрреволюционные дела и, как правило, не

выносили по ним оправдательные приговоры.

Например, в процессе своего исследования О. Сувенирову удалось выявить «Обзор работы военных трибуналов Киевского Особого военного округа и судимости в воинских частях округа за 1938 г.».

«Обзор этот подписан временно исполнявшим должность председателя ВТ КОВО бригадвоенюристом Галенковым и 5 февраля 1939 г. был отправлен председателю Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриху, — пишет О. Сувениров. — В обзоре содержится немало данных и о 1937 г. Хотя в разных данных имеются «нестыковки» на одного-двух человек (очевидно, по небрежности составителей), в целом этот документ представляется мне довольно достоверным, позволяющим более-менее полно представить себе картину о том, кого и за что судили в 1937–1938 гг. в Киевском военном округе.

Согласно этому официальному обзору, всего за 1937 и 1938 гг. за контрреволюционные преступления в КОВО было осуждено 1097 военнослужащих. (Сразу же необходимо заметить, что в данном случае речь идёт об осуждённых лишь военными трибуналами — лицах от красноармейца до майора включительно. Командиры и политработники в званиях от полковника (полкового комиссара) и выше подлежали, как правило, суду Военной коллегии Верховного суда СССР и здесь не учтены.)

Поскольку в те годы то или иное отношение военнослужащего к ВКП(б) имело очень большое значение, рассмотрим сначала, как обстояло дело с партийной принадлежностью ... среди всех осуждённых в КОВО в 1937–1938 гг. «за контрреволюционные преступления», члены и кандидаты в члены ВКП (б) составили менее 10,4% всех осуждённых, комсомольцы — чуть более 15%, а почти три четверти осуждённых «контрреволюционеров», это — беспартийные. А если в разряд беспартийных включить и комсомольцев (которые, строго говоря, не принадлежали к числу партийных), то доля беспартийных среди осуждённых возрастает до 90%. Это позволяет сделать вывод о том, что основной удар в антиармейских репрессиях 1937–1938 гг. был нанесён не столько по партийному активу (хотя и ему досталось преизрядно), сколько по массам беспартийных воинов, по разным причинам обвинённых в совершении «контрреволюционных преступлений». По крайней мере, именно так обстояло дело в Киевском военном округе.

Значительный интерес представляет распределение осуждённых по их военным званиям. Из 1097 военнослужащих КОВО, осуждённых «за контрреволюционные преступления» в 1937–1938 гг., лиц старшего начсостава оказалось 86 (менее 8% от общего числа), среднего — 218

(около 20%), а младшие командиры и красноармейцы составили более 72% всех осуждённых военнослужащих...»^{35}.

Дополняя эту жуткую картину произвола, О. Сувениров в своей книге особо подчёркивает: «Характерной чертой всего судопроизводства Военной коллегии Верховного суда СССР и руководимых ею военных трибуналов был явно выраженный обвинительный уклон».

И ещё Сувениров пишет: «красноармейцев не жалели — более 98% всех осуждённых рядовых получали срок лишения свободы от трёх до пяти, а то и больше лет. Но в то же время по отношению к красноармейцам расстрельный приговор (по крайней мере, в Киевском военном округе) в 1937–1938 гг. не применялся. По отношению к начсоставу (включая младший) приговоры трибуналов были гораздо более суровые, а в 1938 г. почти каждый пятый из осуждённых военными трибуналами лиц начсостава КОВО приговаривался к расстрелу»^{36}.

С октября 1938 г. по ноябрь 1939 г. полковник А.А. Власов находится в особой командировке. А именно в Китае. Это всего лишь продолжение карьеры, а не её начало.

И тем не менее некоторые исследователи считают её знаменательной в биографии Андрея Андреевича. Кроме того, с этой поездкой связывается его, якобы разведывательная работа, а также особое расположение к нему самого Чан Кайши, награждение орденом Золотого Дракона и масса других нелепостей, которые прыгают из одной публикации в другую.

У «Власова» действительно в Китае был псевдоним «Волков». А всё остальное надумано или придумано им самим уже в плену. Понять это можно, но мы же хотим знать истину.

А она достаточно проста. «До февраля 1939 г. (Власов) стажировался в штабе главного военного советника (комдива А. Черепанова). Читал лекции чинам китайской армии и жандармерии по тактике стрелковых подразделений. С февраля 1939 г. находился в качестве советника при штабе маршала Янь Си-шаня, возглавлявшего 2-й военный район (провинция Шань-си). В августе 1939 г. «за нарушение норм поведения советского коммуниста за рубежом» был переведён в приграничные районы Монголии. 3 ноября 1939 г. вернулся в СССР», — сообщает А. Окорков в своей книге про русских добровольцев^{37}.

На сегодняшний день известно, что «Первая группа советников в количестве 27 человек прибыла в Китай в конце мая — начале июня 1938 г. (к октябрю 1939 г. их число возросло до 80). Тогда же, в мае 1938 г. на пост главного военного советника китайской армии был назначен комкор М.И.

Дратвин (в середине 1920-х годов военный советник по связи), который прибыл в Китай ещё в конце ноября 1937 г. в качестве военного атташе при посольстве СССР и оставался им до августа 1938 г. В последующие годы главными советниками являлись А.И. Черепанов (август 1938 — август 1939 г.), К.А. Качанов (сентябрь 1939 — февраль 1941 г.), В.И. Чуйков (февраль 1941 — февраль 1942 г.), работавший в Китае ещё в 1927 г. Последний одновременно являлся и советским военным атташе. В 1938–1940 гг. военным атташе при посольстве СССР в Китае были Н.И. Иванов и П.С. Рыбалко. К первой половине 1939 г. советский советнический аппарат был практически сформирован. Его деятельность охватила центральные военные органы и действующую армию (основные военные районы). В аппарате представлены фактически все рода войск. При Ставке и в войсках в разное время (1937–1939 гг.) военными советниками работали: И.П. Алфёров (5-й военный район), Ф.Ф. Алябушев (9-й военрайон), П.Ф. Батицкий, А.К. Берестов (2-й военрайон), Н.А. Бобров, А.Н. Боголюбов, А.Ф. Васильев (советник северо-западного направления), М.М. Матвеев (3-й военрайон), Р.И. Панин (советник юго-западного направления), П.С. Рыбалко, М.А. Щукин (1-й военрайон) и др. Старшими советниками по авиации были Г.И. Тхор, П.В. Рычагов, Ф.П. Польшин, П.Н. Анисимов, Т.Т. Хрюкин, А.Г. Рытов; по танкам: П.Д. Белов, Н.К. Чесноков; по артиллерии и ПВО: И.Б. Голубев, Русских, Я.М. Табунченко, И.А. Шилов; по инженерным войскам: А.Я. Калягин, И.П. Батуров, А.П. Ковалёв; по связи — Бурков, Геранов; по военно-медицинской службе — П.М. Журавлёв; по оперативным вопросам — Чижов, Ильяшов; по оперативно-тактической разведке — И.Г. Ленчик, С.П. Константинов, М.С. Шмелёв. А также военные советники: Я.С. Воробьёв, полковник А.А. Власов, и др. Всего же, согласно данным, приведённым в воспоминаниях А.Я. Калягина, в 1937–1942 гг. в Китае работало свыше 300 советских военных советников...»^[38].

По воспоминаниям военных советников, работавших в Китае, их работа изначально опиралась на дипломатию и психологию. Советы необходимо было давать только на основе фактов, подтверждённых документально. При этом нужно было заботиться о престиже собеседника, одновременно читая его намерения. Во взаимоотношениях следовало быть осторожными, как бы примеряя особый подход к военным руководителям Китая. Требовалось учитывать их особую чувствительность к сложившимся обычаям, нетерпимость к критике, даже разумной.

О проблемах советников в Китае рассказал в своих мемуарах генерал А.Я. Калягин:

«Вторая проблема — немалый разрыв в воинских званиях. К примеру:

советником при командующем 1-м военным районом генерале Вэй Лихуане работал майор М.А. Щукин... В ряде мест советниками были капитаны. Согласитесь, не каждый генерал сразу примет предложения советника-капитана, если даже эти предложения отлично обоснованы и безупречно сформулированы.

Китайские генералы заботились прежде всего о своём престиже, сохранении авторитета. «Потеря лица» считалась непоправимым позором. В практике нашей работы предложения «капитанов» иногда изучались так долго, что острота ситуации пропадала. Предложения устаревали, зато «престиж генерала» оставался незыблемым...

Другой вопрос — возрастной барьер. Советниками были капитаны и майоры 25–30 лет, подполковники и полковники 35–40 лет. Генералу, с которым работал советник, как правило, было 55–70 лет. Старость традиционно почитаема в Китае даже вне зависимости от чинов и должностей. Игнорировать этот барьер мы не могли и преодолевали его при помощи скромности, простоты в обращении и внимательности, что действовало безошибочно...

Третья проблема, с которой столкнулись все советники, — языковой барьер. Мне сначала показалось, что китайский язык не так уж труден. Выучить 500–800 иероглифов под силу каждому. Другого мнения был наш общий друг — переводчик посла Илья Михайлович Ошанин... Он утверждал, что в китайском языке свыше 50 тыс. иероглифов и что военный советник должен знать до 5000. Мы знали иероглифов 50. Конечно, с таким словарным запасом далеко не уедешь...

Мы по-разному преодолевали этот барьер, иногда используя язык-посредник: в наших академиях офицеры изучали английский, немецкий, французский, как и многие китайские офицеры...

Совершенно очевидно, что вдобавок ко всему сказанному советский военный советник должен был обладать высокими личными качествами: быть деятельным, изобретательным, тактичным, вежливым и аккуратным в работе, волевым и настойчивым при проведении в жизнь своих предложений.

Само собой разумеется, что советник должен иметь солидную оперативно-тактическую подготовку, знать организацию армии, в которой он работает, и армии её противника; изучить военно-промышленный потенциал страны и противника; быть в курсе достижений современной военной техники и её возможностей»^{39}.

Главный военный советник в Китае В.И. Чуйков в своей книге отметил, что некоторые советские командиры не всегда правильно строили

свои взаимоотношения с военным министерством и китайскими генералами в районах и армиях. Их слабым местом было недостаточное знание Китая, его традиций.

В частности, он пишет: «Скажем, китайский генерал принимает решение на оборону или на наступление. В этом решении много несуразностей, чтобы не сказать большего. Если советник открыто раскритикует план, он этим наживёт себе врага, в лучшем случае китайский генерал будет его игнорировать и не станет приглашать к разработке планов и решений.

Во всех случаях советник, изучая решение или план китайского военачальника, должен во всеуслышание признать и объявить его хорошим, если не гениальным или превосходным. Но под предлогом, чтобы подчинённые китайского генерала лучше поняли и усвоили план, попросить разрешения внести несколько уточнений. Можно ручаться, что после такого восхваления решения или плана китайский руководитель позволит внести «некоторые» уточнения. Этими уточнениями советник может вложить в решение всё, что нужно. Такая помощь будет принята, и предложение советника станет проводиться в жизнь как решение или план самого китайского командующего.

В случае успешного выполнения этого решения или плана операции советник должен оставаться в стороне, все лавры победы или успеха во всеуслышание адресовать своему генералу, а при неудаче — найти причины, оправдывающие действия командира и войск, и даже поздравить с победой»^{40}.

В настоящее время о работе Власова в Китае можно судить только косвенно.

Итак, до февраля 1939 г. Власов проходил стажировку, читал лекции по тактике. С февраля состоял советником при штабе маршала Янь Сишаня. О взаимоотношениях этого китайского военачальника с Чан Кайши, который будто бы наградил Андрея Андреевича орденом, рассказал военный советник А.Я. Калягин: «В середине января (1939 г.) в штаб главного военного советника явился молодой генерал Лю Хуа-у. Он прибыл по важному делу к главному советнику. Александр Иванович был в оперативном управлении, и мы предложили посетителю подождать.

Лю Хуа-у прекрасно говорил по-русски, что было редкостью среди гоминьдановских генералов, и мы, естественно, заинтересовались, откуда он знает язык. Словоохотливый Лю рассказал нам всю свою биографию. Оказалось, что он сын купца из Сыпингая (город в Маньчжурии), в семь лет лишился родителей. В 1904 г. грузинский князь Вачнадзе увёз его с

собой в Грузию. Там он вырос, окончил гимназию, военное училище и в качестве офицера царской армии участвовал в Первой мировой войне. Имеет ряд русских орденов. В 1921 г. он покинул Грузию и уехал в Германию, где женился на немке, и через два года вернулся в Китай, в Мукден. В Мукдене поступил в управление КВЖД в качестве заместителя главного контролёра дороги и прослужил 12 лет. После ухода с КВЖД был взят Янь Си-шанем на должность штабного офицера и вскоре получил чин генерала. Янь Си-шаню служит за деньги, о чём сказал совершенно открыто: «Чей хлеб жуём, того и песенки поём». К нам он прибыл как заместитель представителя Янь Си-шаня при Ставке в Чунцине. Кроме русского хорошо знал грузинский, немецкий, английский языки.

Лю Хуа-у был прекрасно осведомлён в оперативной обстановке. Позже мы узнали, что большая часть переводчиков — бывшие служащие КВЖД, связанные с Лю Хуа-у. Через них он узнавал положение на фронте и в стране и, естественно, обо всём доносил Янь Си-шаню. Оклад у него был солидный — 400 юаней в месяц, тогда как в гоминьдановской армии генерал-майор получал всего 150 юаней.

Когда пришёл Александр Иванович, Лю Хуа-у сообщил ему о желании Янь Си-шаня закупить в Советском Союзе вооружение и боеприпасы. Янь Си-шань, дескать, просит главного военного советника оказать ему содействие в этом вопросе, так как Янь Си-шань и Чан Кайши находятся... и Лю соединил указательные пальцы своих рук.

Александр Иванович разъяснил ему, что вопросы поставок вооружения в его компетенцию не входят, что это дело правительств и что по этому вопросу следует обратиться к военному министру Хэ Ин-циню.

Недовольный, Лю Хуа-у покинул штаб и больше у нас никогда не появлялся. Однако из этого посещения мы сделали вывод, что Чан Кайши держит Янь Си-шаня на голодном пайке и вооружения не даёт...»^[41].

Основная задача советских военных советников заключалась в помощи Китаю отразить японскую агрессию. При этом советское руководство сомневалось в решительной победе войск Чан Кайши. Исходя из этого, расчёт делался на затяжную войну, которая, в конечном счёте, и должна была принести Китаю победу. Япония всё больше задействовала там своих дивизий, а также увеличивала людской состав, рассчитывая на скорый успех. Но они буквально завязли в Китае. Таким образом, советская сторона держала там мощный заслон против возможного наступления Японии на стороне Германии.

Собственно пребывание Власова в числе других военных советников в Китае и было связано с выполнением этой главной задачи.

Военный советник К.М. Покровский лично встречался и общался с Андреем Андреевичем. Об этом он вспоминает следующее: «Мой переводчик Хуа был предупредителен, внимателен и готов, как он мне говорил, выполнить любое моё желание. За время совместного пути в Куньмин мы привыкли друг к другу. Я, не агитируя, как говорится, за советскую власть, тем не менее много рассказывал по его просьбе о своей стране...

Вопросы питания советских военных советников и специалистов возлагались на переводчиков. С этого начался наш доверительный разговор с Хуа о роли переводчиков в процессе их работы и общения с советскими специалистами. Мне показалось это интересным — Генералиссимус сам написал инструкцию для нас, — рассказал Хуа. — Инструкция строгая и требовательная. — Вы даже уверены, что писал её сам главком? — спросил я. — Да, конечно. Я даже сам принимал в этом участие. Она подчёркивает, это сказано в самом начале, что советские военные советники — люди дела, не любят пустословия и безделья, на их содержание государство тратит большие деньги, поэтому каждый переводчик должен это учитывать и создавать русским такие условия, при которых бы они затрачивали минимум своего полезного времени на быт. — Что под этим имеется в виду? — Квартира, питание, транспорт. Рикшами вы не пользуетесь, значит, надо заботиться об автотранспорте. Кроме того, — здесь он улыбнулся и, слегка понизив голос, добавил: — Вообще удовлетворение, всех ваших желаний. Я не обратил тогда внимание на эту фразу, хотя мне показалось, что этим вопросом он занялся бы охотнее...

После долгого, в течение всего дня, перегона наша машина остановилась у подъезда лучшей, хорошо сохранившейся после бомбёжек гостиницы в одном из известных городов Китая — Гуйлине. Входя в зал фешенебельного ресторана, я заметил за столиками «золотую» китайскую молодёжь, много иностранцев. Почувствовал, как привлекло внимание присутствующих появление советского человека в китайской военной форме. Но оказалось, что здесь был ещё один советский военный и тоже в китайской форме. Он подсел к нашему столику, и тут выяснилось, что полковник Власов в Гуйлине один и потому, как он выразился, прозябает здесь в окружении «одних китайцев». Его иронию я отнёс к излишнему пользованию чайником с рисовой водкой, которую здесь подают в подогретом виде. Из дальнейшего разговора, его откровенных признаний и поведения я понял, что Власов потерял человеческое обличье, пал, поддавшись «заботе об удовлетворении всех желаний». Было совершенно очевидным, что дальнейшее пребывание Власова на своём посту

недопустимо. Вскоре он был отозван и отправлен в Союз...»^{42}. Эта встреча произошла в ноябре 1939 г.

А предшествовало ей другое событие. В мае Александра Ивановича Черепанова (главного военного советника) срочно отзывают в Москву. С июня 1939 г. он находится в распоряжении 11-го отдела Генштаба Красной Армии^{43}. Именно в мае Власов временно исполняет обязанности главного военного советника до августа 1939 г., т.е. до того дня, когда его переведут в приграничные районы Монголии «за нарушение норм поведения советского коммуниста за рубежом».

Так что же произошло? «Некоторые исследователи жизни Андрея Андреевича полагают, что он больше викторий одержал в постельных баталиях, чем на поле брани. И им возразить трудно. Впрочем, судите сами.

Во время командировки в Китай он сумел соблазнить жену Чан Кайши. В то же время Андрей Андреевич не пожалел денег, чтобы купить сроком на 3 месяца 16-летнюю китайку для своих любовных утех», — утверждает П. Пальчиков^{44}.

По этому поводу есть и ещё одно документальное подтверждение, а именно в исследовании А.Ф. Катусева и В.Г. Оппокова, которые достаточно основательно ознакомились с уголовным делом Власова. «Вершиной карьеры Власова в тридцатые годы стала командировка в Китай, что являлось актом высокого доверия и открывало ему ещё более заманчивую перспективу. Так вот, именно на это время — на 1939 г., а не на 1937-й, как записано в протоколе допроса, о котором идёт речь, Власов имел повод пожаловаться. Именно тогда у него могла возникнуть обида. Хотя обижаться следовало только на самого себя, поскольку его выдворили из Китая... за моральное разложение»^{45}.

В сентябре 1939 г. в Китай приезжает вновь назначенный главный военный советник Кузьма Максимович Качанов. Он решает вопрос с Власовым в некотором роде «мирным» путём. Почему?

Потому что, он хорошо лично знал Власова по штабу ЛенВО. Они вместе служили в одно время. Качанов в Ленинграде занимал должности помощника начальника сектора 1-го отдела и заместителя начальника штаба ЛенВО^{46}.

Но то, что Власов действительно поскользнулся в Китае на своём недостойном поведении, сомневаться не стоит. Абсолютно всех советников по окончании особой командировки награждали орденами СССР. Представляли и Власова, но он единственный награждён орденом не был^{47}.

А по поводу ордена Золотого Дракона можно лишь отметить следующее. По обычаю всю группу сменяемых советников принимал от имени президента республики Хэ Ин-цинъ, который и вручал каждому командиру китайский орден «За заслуги в строительстве и боевых действиях сухопутных, морских и воздушных сил страны». При вручении Хэ Ин-цинъ хвалил всех награждённых и особенно советское правительство. И благодарил за помощь. Лишь на другой день банкет в честь отъезжающих устраивал сам генералиссимус Чан Кайши. Причём вместо водки на столах в числе множества всевозможных блюд стояла сельтерская вода. Говорил он мало и при произношении речей икал^{48}.

К слову, китайские ордена на границе у наших советников никто не отбирал. А у Власова орден Золотого Дракона могли отобрать только потому, что его им не награждали, иначе его пришлось бы показывать. А уж прихвастнуть Андрей Андреевич любил.

С ноября 1939 г. по январь 1940 г. полковник Власов состоит в распоряжении Управления по начсоставу Красной Армии и находится в отпуске после командировки^{49}.

Побывал Андрей Андреевич и на родине в селе Ломакино Гагинского района Горьковской области. В этом селе добрая половина носила фамилию Власовых и, безусловно, им гордились, его боготворили. Большой человек! Каждый его приезд был настоящим праздником. Всегда привозил с собой подарки: то махришко для ребятишек, то материалу — ситцу или сатину. Говорят, что в обиде никого не оставлял! Встречали Власова в Лукоянове, с музыкой. Молодёжь пела песни, девушки подавали с поклоном хлеб-соль. Домой везли на лошадях с бубенчиками. Очевидцы запомнили его в военной форме, красивым, в очках-велосипедах. Его характер на отдыхе всем виделся лёгким, компанейским. Любил посидеть с друзьями на берегу Пьяны, где ловил карасей. Если улов был хорошим, то устраивали на лугу «пикник», варили уху, плясали до изнеможения и играли на гармошке. Сам Власов, говорят, любил музицировать, душевно петь русские народные и пить самогон^{50}.

Земляк Власова Василий Тулупов помнит Андрея Андреевича с детства: «Мне тогда было лет пять. Гуляло всё село. Нам, мальчишкам, из окон дома бросали монеты и конфетки. А невеста Власова, Анна Воронина, жила как раз напротив нашего дома. Девушка она была видная, симпатичная. Вряд ли Анна вышла замуж по любви: Власов был долговязый, нескладный, в очках. Не будь он командиром, ни одна девка за него не пошла. А так родители сговорились». О родителях Власова земляк поведал следующее: «В селе их уважали. Отец и мать были верующими, пекли просvirки при церкви. Андрей был у них единственным сыном. Когда создали колхоз, они половину дома отдали под размещение конторы, в их дворе стояли двадцать колхозных лошадей.

Тесть Власова был не из бедняков: вместе с братом держали 52 улья. Делали братья медовуху на продажу. Две кружки махнул и — ползком домой»^{51}.

Ещё жил отец Андрей Владимирович 1858 г. рождения (инвалид 1 группы) с мачехой, мать Андрея Андреевича умерла в 1933 г. Отец работал в колхозе «Память Ильича» с 1930 г. портным, до революции занимался земледелием, считался крестьянином-средняком. Власов и писал, что

родился в семье крестьянина-кустаря^{52}.

Женился Андрей Андреевич в 1926 г. на Анне Михайловне Ворониной, ставшей Власовой (1906 г.р.). На их свадьбе гуляли по-деревенски, с размахом. «Сначала девичник, запой. Невесте в подарок преподнесли несколько кусков мыла — по старой традиции. Детей у них не было, не судьба, видно. Анна сделала первый аборт и после этого уже никогда не беременела. Операцию, наверное, проводил какой-нибудь столичный шарлатан», — вспоминает Нина Михайловна Баранова, внучатая племянница генерала^{53}.

Данные о своих родственниках Власов кратко указал в автобиографии: «Отец жены так же на родине, её мать умерла в 1929 г. Кроме отца, у меня ближайших родственников никого в живых нет. Брат погиб в гражданскую войну в борьбе против Колчака в Красной Армии. Сестра умерла в 1935 г. Два брата жены работают в гор. Горьком на Горьковском автозаводе им. Молотова. Одна сестра работает мастером на Кировском заводе в г. Ленинграде, и одна сестра на родине замужем за сельским учителем»^{54}.

Сегодня собираются в родном селе Власова открыть его музей. Освещая эту новость, Флора Кошунцева рассказывает: «Дом № 17 по улице Садовой за 70 лет постарел и обветшал. Тех предметов, которые обычно выставляют на экспозицию в музее, здесь давно уже нет. Все эти годы на дырявые стены и облупившуюся краску прохожие смотрели равнодушно.

Теперь в опустевшем доме Власовых поселилась одинокая старушка. В единственную комнату провели электричество, а стены завесили коврами. От капитального ремонта хозяйка отказалась категорически, в память об отце и его близком друге обстановку постаралась не нарушать.

— Власов с моим папой большие друзья были, — утверждает Александра Кузнецова, жительница села Ломакино Нижегородской области. — Из армии вместе приехали. Они приехали на побывку в 40-м. Два офицера Красной Армии в скрипучих хромовых сапогах только что вернулись с Халхин-Гола...

— Помню даже, как Власов плясал, — подтвердил исторический приезд на родную землю другой житель села Ломакино Роман Конов. — Всё это у меня в памяти осталось...

В мае 1945-го Власова захватили в Чехословакии. Через год его признали виновным в государственной измене и повесили по приговору суда. Узнав об этом, в селе Ломакино сожгли его фотографии и уничтожили всё, что так или иначе было связано с семьёй.

— Тут была русская печь, — говорит Александра Кузнецова,

жительница села Ломакино. — Мы её в сени вытащили. — Приехали НКВД-шники и мачеху его увезли. Никто не знает куда. Чашки, ложки — всё это погрузили и увезли...

— Коммерсанты вроде бы хотят открыть здесь музей, так они сказали, — поведал Александр Кузнецов, бывший хозяин дома и внук друга Андрея Власова. — За дом мне предложили 40 тысяч рублей.

Сумма, кстати, по местным деревенским меркам немаленькая. Тем более что изба уже старенькая, чуть ли не разваливается по швам. Между прочим, точно такой же дом на краю села оценивают максимум в 5 тысяч, но кого интересует изба, в которой Власов никогда не был? Почему же решили открыть музей в доме Власова?

Представитель владельца музея в Ломакино Андрей Канаев считает так:

— Появился объект, появился интерес к нему, и если сейчас не позаботиться о нём, всё будет утрачено. Никто не хочет чёрное сделать белым, а белое чёрным. Выводы о генерале Власове можно сделать только в том случае, если будут открыты все документы, а они не открыты. Есть люди, которые мыслят не так, как большинство людей...

До того как музей начнёт работать, остались считанные дни. Сейчас заканчивается оформление дома на имя нового собственника. Этим занимаются дальние родственники генерала. Местных жителей с фамилией Власов в Ломакино давно уже нет.

Но новые владельцы дома-музея Власова — руководители Пешеланского гипсового завода смотрят в будущее с оптимизмом...»^{55}.

Но вернёмся в то время, когда у Власова истёк срок отпуска. Его назначают командиром дивизии. В архиве я нашёл документ, подтверждающий это назначение. Вот его текст:

«Секретно

Выписка из приказа

Народного Комиссара Обороны СССР

по личному составу № 081

10 января 1940 г.

г. Москва

...3. Состоящий в распоряжении Управления Начсоставу РККА полковник Власов Андрей Андреевич назначается командиром 99 Стрелковой Дивизии

Народный Комиссар Обороны ССР

Маршал Советского Союза — К. Ворошилов

Пом. начальника 3 отделения ОНС КОВО

т/интендант 2 ранга (Бусленко) подпись»^{56}.

Этим же приказом, этой же датой освобождался с занимаемой должности комбриг Иван Евдокимович Турунов. Его переназначили командиром 169-й стрелковой дивизии^{57}.

Насколько мне стало известно, а об этом говорят в первую очередь архивные документы, Власов должен был снова вернуться командиром на 72-ю стрелковую дивизию. Но по каким-то, неизвестным нам причинам, его назначают на 99-ю. Как вы думаете, случайность ли это?

В обобщённой справке «Работа в прошлом и служба в РККА», составленной на Власова в кадрах 28 февраля 1940 г., по каким-то причинам его прохождение службы на должности командира 72-й стрелковой дивизии не указывается^{58}. До командировки в Китай отмечена как последняя должность «Начальник 2 отдела Штаба Киевского Особого военного округа»^{59}.

При этом, в одной учётно-послужной карте указано: «2.10.38 72 с.д. (КОВО) командир НКО 00673», а в другой: «72 стр. дивизия КОВО командир дивизии — 1940 январь»^{60}.

Как известно, в особой командировке Власов числился с ноября 1939 г., а значит, дивизией покомандовать он не успел. Следовательно, только по этой причине эта должность в «Справке» указана не была.

Да и помощником командира 72-й стрелковой дивизией он был совсем немного, чтобы как-то проявить себя или запомниться. В одной учётно-послужной карте указано: «22.04–38–72 стр. див. пом. ком-ра НКО 0373», а в другой об этой должности вообще не упоминается^{61}.

Кстати сказать, в личном деле А.А. Власова должность помощника командира 72-й стрелковой дивизии не указана вообще, зато должность командира этой дивизии записана так: «сентябрь 1938 январь 1940 Командир дивизии 72-й Стрелковой Дивизии Киевского Особого военного Округа». Это как раз и тот период, что он был в особой командировке в Китае.

К слову сказать, я потратил немало лет на сбор документов про А.А. Власова. Но тяжелее всего для меня оказалось получить доступ к его личному делу. Что мне это стоило, знает один Бог! Я, безусловно, говорю

не о материальной стороне.

Я говорю о своих нервах, которые порядком расшатал, убеждая, доказывая и т.д. Гораздо проще тем, кто пишет о нём как об «освободителе», как о «полководце». Доказывать обратное, к сожалению, очень и очень трудно. И тем не менее лично меня это увлекает. Увлекает сам процесс поиска и исследования.

Но мы отвлеклись. Первой оценкой командира 99-й стрелковой дивизии стала его аттестация, подписанная командиром 17-го стрелкового корпуса комдивом Колгановым и бригадным комиссаром Кальченко 10 мая 1940 г. Там написано: «Два месяца показали, что т. Власов с работой по управлению дивизией справляется. Предан делу партии Ленина — Сталина и Социалистической родине. Политически и морально устойчив. Бдителен и умеет хранить военную тайну. Политически подготовлен, с массами связан.

...Авторитетом пользуется. Волевой командир. Энергичен и инициативен. Организовать дело умеет, настойчиво проводит в жизнь свои решения.

Дисциплинирован. Здоров. Оперативно-тактически подготовлен удовлетворительно. Опыта в управлении дивизии ещё нет, и здесь требуется ещё значительная тренировка.

99 сд к 1.5.40 пришла сплочённой и боеспособной с резко подтянувшимся общим порядком. Тактическая, политическая и строевая подготовка удовлетворительна. Огневая удовлетворительна. Оружие, боевая техника и все виды имущества хранятся и содержатся в порядке. Хранение секретной переписки налажено. Должности командира дивизии соответствует»^{62}.

Для информации: Колганова Константина Степановича Власов сменил в штабе Киевского округа на должности начальника 2-ю отдела (боевой подготовки)^{63}. Он знал Андрея Андреевича.

Далее следует резолюция вышестоящего начальника. Она любопытна: «С аттестацией и выводами согласен. Достоин присвоения военного звания «генерал-майор». Дивизией командует два месяца. Производит впечатление твёрдого, волевого командира. Уровень тактической подготовки в масштабе дивизии хороший».

Подписался под этими словами, не кто иной, как сам комкор Голиков, командующий 6-й армией^{64}.

К слову, звание «комбриг» Власову было присвоено 20 февраля 1940 г. (№ приказа НКО — 0765)^{65}. В положении о прохождении службы

командным и начальствующим составом РККА срок пребывания в звании «полковник» был установлен чётко — восемь лет. При этом оговаривалось: «для получения военного звания комбриг (капитан 1-го ранга) устанавливается срок пребывания в предыдущем военном звании 6 лет, из коих в течение двух лет обязательно фактическое командование полком (отдельной частью), если ранее этот командир не командовал полком (отдельной частью).

Было там и такое примечание: «Народному Комиссару Обороны ССР предоставляется право в исключительных случаях присваивать отдельным лицам последующие командные и специальные военные звания без соблюдения очерёдности, установленной настоящим Положением»^{66}.

4 июня 1940 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР Власову присваивают звание «генерал-майор»^{67}. А на инспекторском смотровом учении, проведённом Народным Комиссаром Обороны, Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко (25–27 сентября 1940 г.) его 99-я дивизия получает хорошую оценку и награждается переходящими знамёнами Красной Армии^{68}.

Отчего такие почести вдруг ниоткуда появившемуся генералу?

Может быть, он оказался в то самое время, в том самом месте и в той самой дивизии?

В преддверии инспекторского смотра в директиве войскам Киевского особого военного округа № Г-0222 от 17 июля 1940 г., которым командовал Г.К. Жуков говорилось:

«...приказываю:

1. Под личную ответственность Военных советов армий, командиров и комиссаров соединений и частей к 15.8.40 г. ликвидировать отставание в вопросах боевой готовности частей, для чего:

а) К 25.7.40 г. проверить и спустить до части все необходимые запасы боеприпасов, горючего, продфуража и другого имущества и в частях разложить его по подразделениям.

б) К тому же времени разработать конкретные инструкции, определяющие боевую готовность бойца, командира, подразделения и части в целом.

в) К 1.8.40 г. путём проведения ряда тренировок подъёма по тревоге, отработать боевую готовность бойца и командира.

К 5.8.40 г. отработать в целом роту, батарею, эскадрон, штаб, политаппарат, военные прокуратуру, трибунал и особые отделы.

К 15.8.40 г. отработать боевую готовность частей и соединений.

г) На все полевые учения с батальона войска поднимать только по тревоге.

...3. Тактическую подготовку подразделений и частей закончить: взвода — к 1 августа; роты, эскадрона — к 15 августа; батальона — к 1 сентября.

Сентябрь месяц отвести на дополнительную тренировку батальона, полковые и дивизионные учения и инспекторские смотры...

Подготовке начсостава уделить исключительное внимание, считая это одной из центральных задач.

Целью командирской учёбы поставить полную подготовку командира по занимаемой должности и дальнейшее расширение его оперативно-тактического кругозора.

Организационными мероприятиями и распорядком дня обязать в обязательном порядке комначсостав заниматься и работать над собой вечерами.

Решительно улучшить методику занятий с начсоставом. Не допускать поверхностной проработки тем, а каждую тему прорабатывать углубленно, изучив весь комплекс вопросов, связанных с данной темой...

4. Подготовку и слаженность ячеек управления и штабов закончить: отделений управления рот и эскадронов к 1 августа; штабов батальонов и кавалерийских полков к 15 августа; штабов полков и дивизий к 1 сентября...»^{69}.

Кроме того, «Г.К. Жуков отдаёт ряд других приказов и директив, направленных в первую очередь на улучшение командирской учёбы (№ 0158 от 29 июля), огневой подготовки войск (№ Г-3/0508 от 5 августа)...

Всё лето командующий с работниками штаба округа провёл в войсках. Главное внимание уделялось полевой выучке командного состава, штабов и войск всех родов оружия, умению поддерживать взаимодействие друг с другом во всех видах стремительного современного боя»^{70}.

Все эти и другие мероприятия предусматривались приказом Наркома обороны от 16 мая 1940 г., в котором чётко говорилось о том, что «Опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недочёты в боевом обучении и воспитании армии».

В заключение приказа нарком ориентировал всю Красную Армию на итоговые инспекторские смотры боевой подготовки, которые планировалось провести в сентябре 1940 г. объединёнными комиссиями по его назначению.

Далее там говорилось: «4. Инспекторскому смотру подвергаются:

- а) в соединении — все части соединения, штабы, службы и тыла;
- б) в части — учебное подразделение, не менее Уз основных подразделений, все специальные подразделения, штаб и органы тыла;
- г) в подразделении — весь личный состав (100%).

5) В программу инспекторских смотров входит проверка политической, тактической, огневой, технической и строевой подготовки в объёме программы за период обучения подразделения, части, соединения.

б) Качество боевой подготовки и боеготовность подразделений и частей должны лечь в основу аттестования и прохождения службы командным и политическим составом...»^{71}.

Как пишет В. Краснов, «в сентябре к Жукову приехал нарком обороны С.К. Тимошенко для проверки войск округа. Георгию Константиновичу не пришлось краснеть. Смотр ряда стрелковых и танковых соединений показал только хорошие и отличные результаты. Штабы проявили высокую организованность и творческое отношение к делу, обеспечивавшие командованию условия для непрерывного управления войсками в сложной и быстро меняющейся обстановке...

За отличную выучку некоторые соединения были награждены переходящими Красными Знамёнами»^{72}.

Сам Георгий Константинович в своих мемуарах обмолвится об этом скромно: «В сентябре 1940 г. в округ прибыл нарком обороны С.К. Тимошенко для проверки войск округа. (С.К. Тимошенко был назначен наркомом обороны 8 мая 1940 г.)

С 22 по 24 сентября состоялся смотр тактической подготовки 41-й стрелковой дивизии в районе Рава-Русская. В двухстороннем полевом учении принимала участие авиация округа. Хорошо показала себя артиллерия 41-й стрелковой дивизии.

С 25 по 27 сентября смотровые учения состоялись в 99-й дивизии. Дивизия продемонстрировала отличные результаты и была награждена Красным знаменем. Артиллерия дивизии была награждена переходящим Красным знаменем артиллерии Красной Армии.

С 27 сентября по 4 октября прошли смотровые полевые учения штабов 37-го стрелкового корпуса, 6-го стрелкового корпуса, 36-й танковой бригады и 97-й стрелковой дивизии...

За отличную выучку штаб 37-го стрелкового корпуса был награждён переходящим Красным знаменем Генерального штаба Красной Армии, а комкор С.М. Кондусев, начштаба Меандров — золотыми часами. Многие командиры получили ценные подарки»^{73}.

Кроме 99-й стрелковой дивизии на смотровых учениях осенью 1940 г. отличились и другие соединения Красной Армии. Например, 137-я стрелковая дивизия Московского военного округа.

Её также наградили Красным знаменем^{74}. Но почему именно дивизия Власова в одночасье стала такой известной на всю страну? Объяснение здесь простое. Во-первых, новый нарком обороны лично проверял только Киевский округ, а его заместители другие округа. Во-вторых, вместе с Тимошенко с целью пиара и пропаганды выехала группа корреспондентов. Они не выезжали с его заместителями. Словом, Власову просто повезло.

И всё же, что он такое сделал, что его лично заметил маршал Тимошенко?

В служебной характеристике на командира 99-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса генерал-майора Власова, подшитой в личном деле написано: «На инспекторском смотровом учении, проведённом Народным Комиссаром Обороны... дивизия (пехота и артиллерия) получила хорошую оценку и награждена переходящими знамёнами Красной Армии»^{75}. То есть если маршал Жуков пишет про отличные результаты, то в документах говорится только про хорошую оценку. Однако награждают дивизию как отличную. Чего уж говорить про самого Власова. Его вообще возносят до небес. А собственно, за что?

Первый приказ частям своей дивизии он подписал 13 марта 1940 г. за № 0111^{76}.

А значит, 99-й он командовал всего полгода. Как мы уже говорили, до этого он соединением не командовал вообще. Но ведь у командира есть первый заместитель — начальник штаба. Он вполне мог и подготовить соединение к проверке, если позволяли опыт и соответствующие знания. За спиной же Власова оказался Сергей Фёдорович Горохов ровесник Власова. Он родился 6 октября 1901 г. в Тульской области.

В Красной Армии также с 1920-го. В этом же году окончил пулемётную школу младшего комсостава 1-й запасной бригады СКВО, в 1921 г. 48-е Ставропольские пехотно-пулемётные командные курсы СКВО, в 1927 г. повторные КУКС МВО, в 1936 г. 1-й курс Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе и в 1939 г. Военно-хозяйственную академию РККА.

В Гражданскую войну был красноармейцем и курсантом. В межвоенный период командовал взводом, был помощником начальника пулемётной команды, затем начальником пулемётной команды, командиром пулемётной роты, помощником командира пулемётного батальона, врид

начальника полковой школы.

С августа 1930 г. — инструктор 1-го разряда, затем старший руководитель части опытных стрельб научно-испытательного орудийно-пулемётного полигона МВО, с июля 1933 г. — и.д. помощника начальника и врид начальника части опытных стрельб этого полигона.

По окончании академии им. В.М. Молотова в мае 1939 г. С.Ф. Горохов был назначен начальником военно-хозяйственного снабжения 99-й стрелковой дивизии КОВО, а в марте 1940 г. начальником штаба этой дивизии^{77}.

Специально ли назначили Горохова на эту должность заместителем Власова или случайно, теперь уже никто не узнает. Но факт остаётся фактом, именно Горохов мог сделать то, за что дивизия получила переходящие Красные знамёна!

Вскоре Власов уйдёт на повышение, а Горохов останется на прежней должности.

Именно он вместе с новым командиром дивизии полковником Н.И. Дементьевым (был начальником штаба этой дивизии^{78} до Горохова, с 17 января 1941 г. командир 99-й) будут командовать соединением в первые дни Великой Отечественной войны.

Об этом сохранилось воспоминание Н.А. Антипенко: «...99-я стрелковая дивизия, находившаяся перед началом войны в районе Перемышля, была приведена в боевую готовность лишь после того, как начался артиллерийский и авиационный обстрел нашей территории. Но первый удар фашистских войск приняли на себя пограничники 92-го отряда, и это дало возможность командиру 99-й стрелковой дивизии привести её в боевую готовность. Ю. Стрижков сообщает, что до 12 часов дня 22 июня 1941 г. линия государственной границы стойко удерживалась главным образом силами пограничного отряда. Это позволило частям 99-й стрелковой дивизии выдвинуться в назначенные им полосы обороны. Завязались кровопролитные бои. Правда, Перемышль был всё же взят немцами к исходу 22 июня; но в результате решительных и умелых действий частей 99-й стрелковой дивизии под командованием полковника Н.И. Дементьева и сводного пограничного батальона... а также Укрепрайона к 17 часам 23 июня город был нами освобождён. Противник оставил на улицах свыше 300 трупов, 12 пулемётов, несколько орудий и 2 танка... лишь 28 июня 99-я дивизия и пограничники 92-го отряда оставили город по приказу вышестоящего командования»^{79}.

Кстати сказать, именно Перемышль стал первым городом,

освобождённым частями Красной Армии в ходе войны.

Получается, что два начальника штаба руководили частями 99-й дивизии. Руководили достаточно умело. А Власов здесь ни при чём. До них ему было слишком далеко. Ведь не секрет, что, выдвигая наверх, некоторые начальники имеют свойство ошибаться. Ошиблись и с ним.

В начале августа 1941-го 99-я дивизия оказалась в окружении в районе Умани. Две тысячи бойцов и командиров дивизии вырвались из окружения и вынесли знамя дивизии, а также знамёна частей. Известно, что организовано из окружения вышли начальник штаба дивизии полковник С.Ф. Горохов и начальник артиллерии полковник И.Д. Романов.

Полковник С.Ф. Горохов с группой бойцов в конце октября вышел к своим войскам в районе г. Харьков без оружия и документов. С октября находился в резерве Военного совета Юго-Западного фронта, затем Юж.-УрВО. С января 1942 г. — командир 124-й отдельной стрелковой бригады 62-й армии Сталинградского фронта. В боевой характеристике на него командующий 62-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков напишет: «Тов. Горохов... за время командования 124-й отдельной стрелковой бригадой показал способности волевого, решительного командира, способного в любых условиях решать сложные боевые задачи... Бригада, продолжительное время находясь в исключительно тяжёлых условиях боя, выполняла твёрдо приказ наркома № 227, несмотря на численное превосходство противника...»

С декабря 1942 г. генерал-майор Горохов — заместитель командующего 51-й армией^{80}.

И тем не менее Власов вполне мог понравиться Тимошенко. Что называется, отход — подход и оценка отлично! Но чем и как, мы ещё обсудим позже.

А пока о новом назначении Андрея Андреевича. 17 января 1941 г. приказом НКО № 0175 его назначают на должность командира 14-го механизированного корпуса^{81}, а более чем через пять месяцев начнётся война.

Известно, что итоговое учение 6-й армии, куда входил 4-й механизированный корпус, состоялось 26–28 сентября 1940 г. Тема учения по тем временам была актуальной: «Наступление армии и ввод механизированного корпуса в прорыв».

16 октября 1940 г. состоялось ещё одно учение: «Марш и встречный бой мехкорпуса». В нём участвовали штабы 8-й танковой и 81-й моторизованной дивизий. Цель учения: «Проверка возможности подготовки и проведения марша в сжатые сроки, а также отработка вопросов доведения до подчинённых решения комкора на резкий поворот в ходе марша на новые маршруты в готовности к встречному бою».

Первое же командно-штабное учение по вводу мехкорпуса в прорыв было проведено в августе 1940 г. под руководством самого командующего КОВО генералом армии П.К. Жуковым. Тогда были выявлены серьёзные недостатки в управлении войсками. В том же августе было проведено и первое войсковое учение корпуса с использованием авиации по теме: «Ввод мехкорпуса в прорыв». Однако в октябре как говорится, «цели занятий были достигнуты»... «Результаты учения высоко оценил генерал армии Г.К. Жуков. Руководящий состав корпуса получил ценные подарки от командования округа. Отработанные в ходе учения документы были доведены в письменной форме до командного состава всех механизированных корпусов РККА. Успехи корпуса в боевой подготовке отразились на дальнейшем служебном росте некоторых командиров. Командир 81-й моторизованной дивизии полковник Варыпаев участвовал в декабрьском совещании высшего командного состава в Москве. Командир корпуса 17 января 1941 г. был назначен командующим 5-й армией»^[82].

Таким образом, Власов был выдвинут на корпус только после этих учений, а также после декабрьского совещания. Выдвинут кем? Маршалом Тимошенко. Маршал Будённый в своих дневниковых записях укажет: «Группой командовал некий Власов, которого Тимошенко в своё время выпятил как лучшего командира стр. дивизии на манёврах и расписал его во всех газетах страны. Этот единственный кадр Тимошенко впоследствии оказался предателем нашей Родины»^[83]. Отметим лишь, что генерал-майор танковых войск М.И. Потапов и был назначен на 5-ю армию. Власов же командовал корпусом не более пяти месяцев. В подобных учениях участия не принимал. Однако на протяжении всего этого времени занимался

приёмом и пополнением боевой техники. Причём пик поступления в корпус новой материальной части считается апрель — май 1941 г.^{84}.

Подчеркнём и его военное образование: 24-е Нижегородские пехотные курсы командного состава с июня по октябрь 1920 г. (всего 4 месяца), на которых, кстати сказать, даже имея за спиной один курс государственного университета, он в числе семи курсантов 1-го специального отделения показал слабые успехи. И только после пересдачи был выпущен взводным командиром в связи с необходимостью досрочного выпуска по телеграмме.

А ведь всего восемь предметов (русский язык, арифметика, география, гигиена, военная администрация, политграмота, уставы) не могли представлять особых сложностей для такого курсанта, как Власов^{85}.

Кроме того, Высшие стрелково-тактические курсы Усовершенствования командного состава РККА «ВЫСТРЕЛ» в 1929 г.^{86}. Эти курсы были не только обязательным требованием к кандидатам на должность командира батальона, но и условием их дальнейшего служебного роста.

На курсах «Выстрел» в Москве Власов учился один год. Подготовка на них слагалась из следующих этапов:

«Изучение новостей военной техники. Изучение приёмов применения в бою этой новой техники во взаимодействии с пехотой. Изучение новых методов использования в бою огневых средств пехоты и практика в управлении современными тактическими соединениями. Усовершенствование в организации и проведении политработы в мирное и военное время»^{87}.

Как пишет, В.Н. Замулин, «в 20–30-е гг. подавляющее большинство будущих советских военачальников прошли подготовку. Однако все эти «ускоренные», «повторные», «краткосрочные» курсы не давали фундаментальной военной подготовки. Максимум, что удавалось, так это сдать экзамены за семилетку да несколько повысить свою специальную квалификацию. На более высоком уровне шло обучение в Военной академии им. Фрунзе...»^{88}.

Более того, у выдвиженца маршала Тимошенко — Власова, перерыв в обучении (он больше не учился ни на каких курсах) составил 12 лет. Каким он был командиром нового и современного механизированного корпуса, можно только представить. И это при том, что его механизированный корпус «являлся одним из самых оснащённых и подготовленных в Красной Армии. Он постоянно пополнялся боевой техникой, в том числе новейшей»^{89}.

Например, известно, что на 22 июня 1941 г. 4-й механизированный корпус в наличии имел только танков — 979. В 8-м МК Киевского Особого военного округа их было 898, в 15-м — 749, в 22-м — 712, в 16-м — 482, в 19-м — 453, в 9-м — 298, в 24-м — 222.^{90}

При этом как воевал Власов, если так можно поставить вопрос?

«На третий день войны Рокоссовский крупно потеснил южнее Клевани 3-й моторизованный корпус немцев, а наш 19-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск Н.В. Фекленко отбросил немцев на 25 километров на юго-запад от Ровно (ЦАМО.Ф. 8. Оп. 9306887. Д. 99. Л. 21). 4-й мехкорпус Власова вообще-то никак не принимал участия в контрударах ни 23, ни 24, ни 25 июня. Его основные силы направили в район Мостиска для контрудара по противнику, прорвавшемуся в стыке между 6-й и 26-й (командующий генерал-лейтенант Костенко) армиями. Но из этого маневра так ничего путного и не вышло»^{91}.

Тогда как же можно оценить Власова в должности комкора?

Ну, например, к исходу дня 22 июня соединения его корпуса продолжали сосредоточение... 23 июня корпус использовался по частям, при этом только два танковых и один мотострелковый батальоны вели совместно с передовыми частями 15-го мехкорпуса бой с 7 до 20 часов.

Утром 24 июня 1941 г. 8-я танковая дивизия была выведена из состава корпуса и до начала июля действовала в составе 15-го механизированного корпуса. 32-й танковой дивизии лишь к вечеру 24 июня удалось вырваться из города Львова, выработав значительную часть своих моторесурсов за марш в 350 км.

30 июня отходившие части 4-го механизированного корпуса были сменены восстановленной 159-й стрелковой дивизией, усиленной мотострелковым полком. Происходило это на восточной окраине Львова^{92}.

А как же тогда слова Андрея Андреевича, что его корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление?^{93} Чистой воды пропаганда, потому что оценить его как командира 4-го механизированного корпуса невозможно. Но и тут можно возразить: а как же действия 4-го механизированного корпуса по прикрытию отхода войск 6-й армии, которые попали в послевоенные учебники тактики, в качестве образца грамотной организации оборонительных боёв танковыми частями? Но так ведь это личная заслуга командира 8-й танковой дивизии. Командовал этим соединением полковник

Фотченков Пётр Семёнович. И под Львовом и под Бердичевым он водил её в бой. Как писал Е. Долматовский, «он погиб при первой попытке вывести из окружения штаб группы Понеделина. Об этом рассказывал мне, в частности, генерал Я.И. Тонконогов, писали очевидцы.

Легенда утверждает, что последний танк, за фрикционами которого находился комдив-8, кавалер орденов Ленина и Красной Звезды, комиссар интербригады в Испании, рухнул в воды Синюхи и ушёл на дно...»^{94}. В июне 1941-го без вести пропал и командир 81-й моторизованной дивизии полковник Варыпаев П.М. Из всех комдивов выжил только полковник Ефим Григорьевич Пушкин. Он-то и возглавил потом 8-ю танковую дивизию.

Он был старше Власова всего на 2 г. С сентября 1932 г., после окончания Ленинградских автобронетанковых КУКС РККА был начальником штаба 14-го механизированного полка. С октября 1938 г. состоял для особых поручений при Военном совете КОВО. В феврале 1941 г. был назначен командиром 32-й танковой дивизии. В ноябре 1941 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб в бою в 1944 г. в звании генерал-лейтенанта и в должности командира танкового корпуса^{95}.

А Власов выскользнул, чтобы оказаться командующим 37-й армии...

«В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины», — напишет в плену Власов^{96}. Но и эта его личная заслуга вызывает сомнение. Слишком много людей было задействовано тогда в руководстве обороной Киева, чтобы можно было конкретно говорить о незаменимости Власова.

Как вспоминал маршал Будённый, это он назначил тогда комендантом по обороне г. Киева Власова. «Вначале он действовал хорошо (правда, ему некуда было деваться, так как за Киевом очень следили), бои были упорные...»^{97}.

Итак, Власов командующий 37-й армией с июля по сентябрь 1941 г. 8 августа 1941 г. он подписывает приказ № 01 о переходе в контрнаступление в южном секторе КиУРа. При этом для усиления войск укрепрайона передавались 284-я и 295-я стрелковые дивизии, 3-й воздушно-десантный корпус, 2-й отряд моряков Пинской флотилии, отряды народного ополчения киевлян. Силы защитников города составили свыше 120 тысяч человек^{98}. Что означает: армия Власова была значительно усилена. Например, только 11 августа распоряжением Ставки ВГК в Киев были направлены 284-я и 295-я стрелковые дивизии. В этот день прибыла и была введена в бой 284-я С.Д. Она же и была награждена Красным знаменем^{99}.

Но ведь были и огромные потери! Когда начальнику штаба 37-й армии, начальник оперативного отдела Юго-Западного фронта полковник И.Х. Баграмян указал на озабоченность командующего войсками фронта именно этим показателем, то тот без обиняков ответил: «...бригады понесли значительные потери в том числе — что особенно горько — в командном составе, но зато, как показывают пленные, фашисты стали панически бояться наших бойцов, одетых в авиационную форму»^{100}. Имеются в виду десантники. Как это происходило, достаточно ознакомиться с письмом немецкого офицера: «...С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой волне атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперёд. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперёд. Вторая волна тоже понесла потери, но сомкнула ряды над трупами своих товарищей, павших в первой волне. Затем, как по сигналу, цепи людей начали бежать. С их приближением доносилось нестройное раскатистое: «Ура-а-а!»... Первые три волны были уничтожены нашим огнём... натиск четвёртой волны был более медленный: люди прокладывали путь по ковру трупов... Пулемёты раскались от непрерывного огня, и часто приходилось прекращать стрельбу для замены стволов...»^{101}.

Таким образом, утром 10 августа части 37-й армии перешли в контрнаступление в районе Голосеево и на других участках фронта, а спустя два дня от немцев были освобождены Жуляны. На четвёртый день наступления войска 37-й армии достигли тех рубежей, с которых немцы начали своё августовское наступление^{102}.

А что немцы? Они поступили гораздо разумнее. Оставив под Киевом несколько пехотных дивизий, целью которых было периодически демонстрировать штурм города, основные силы бросили в обход. Может быть, поэтому Власов считается защитником Киева? Тогда что удивительного в том, что 15 сентября 1941 г. 1-я и 2-я немецкие группы соединились в районе Лохвицы, что на Полтавщине, и завершили окружение основных сил 5, 21, 26, 37 и 40-й. армий этого фронта. И вот в гигантском «котле» оказалось почти 460 тысяч советских бойцов и командиров^{103}.

Лично для меня нет никаких сомнений в том, что на месте Власова справился бы гораздо лучше любой другой генерал или даже полковник. Но произошло то, что произошло. Вот только о каких заслугах и великих победах может идти речь. Ведь и здесь Андрей Андреевич не смог в

полной мере проявить себя.

Некоторые исследователи говорят, что Власов сформировал армию из необученных резервов, объединил под своим командованием части, фактически не имевшие управления, за короткое время сумел наладить их взаимодействие и т.д. Но неужели всё один Власов? И в атаку, может быть, тоже Власов поднимал? А как же его штаб? А как же его первый заместитель — начальник штаба?

На всякий случай штаб — это основной орган управления войсками и в боевой обстановке и в мирное время. Он руководит их обучением, воспитанием и повседневной деятельностью. Его основные задачи таковы: поддержание постоянной боевой и мобилизационной готовности войск; сбор, изучение и обработка данных обстановки; производство оперативно-тактических расчётов и подготовка предложений, необходимых для принятия командиром или командующим решений; планирование военных действий и своевременное доведение задач до войск; организация всесторонней подготовки и обеспечения военных действий; организация и поддержание взаимодействия; обеспечение надёжной связи; организация пунктов управления и т.д.

А если командир или командующий слаб, то кто, как не начальник штаба, может прикрыть его и помочь ему! Таким у Власова с августа 1941 г. был генерал-майор Константин Леонидович Добросердов. Он родился 24 октября 1891 г. в Москве. В Русской Армии с 1914 г. В Красной Армии с 1919 г.

В 1915 г. окончил Московскую школу прапорщиков, в 1925 г. — Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел», в 1930 г. — КУВНАС при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, в 1941 г. КУКС при Академии Генштаба им. К.Е. Ворошилова. Думаю, даже по сравнению с Власовым образования, что называется, «выше крыши»!

В Первую мировую Добросердов командовал ротой в чине поручика. В Гражданскую был командиром роты, командиром батальона, командиром полка. В межвоенный период командовал отдельным караульным батальоном, был начальником дивизионной учебной школы, помощником командира 25-го полка, командиром ряда стрелковых полков. С февраля 1931 г. назначен помощником командира стрелковой дивизии, с февраля 1937 г. — командир стрелковой дивизии, с февраля 1938 г. — командир 7-го стрелкового корпуса. С началом войны корпус под командованием Константина Леонидовича в составе Юго-Западного фронта (с 10 июля — в 6-й армии этого же фронта) вёл боевые действия в районе городов Славута

и Изяслав, а затем отходил к Киеву. С конца июля 1941 г. К.Л. Добросердов находился в распоряжении командующего войсками Юго-Западного фронта^{104}. Кстати сказать, Добросердов был единственным начальником штаба, с кем у Власова не получилось дружбы. Видимо, сказались разница в возрасте (10 лет) и тот уровень образования и опыта, который лишь увеличивал разрыв между ними. В сущности, они могли быть реальными соперниками. Причём Добросердов вполне мог и не скрывать чувства своего превосходства.

До этого у Власова ещё с мехкорпуса начальником штаба был А.А. Мартьянов, и они сильно дружили. Но Добросердова вскоре назначили вместо Мартьянова, посчитав более сильным в роли начальника штаба 37-й армии.

Из окружения Власов выйдет 1 ноября в районе Курска вместе со своей походно-полевой женой. В своих воспоминаниях Хрущёв напишет, что он был «в крестьянской одежде и с привязанной на верёвке козой»^{105}. А генерал К.Л. Добросердов будет пленён 5 октября. После всех пережитых им ужасов плена сумеет выжить, пройти спецпроверку и восстановиться в кадрах Советской Армии^{106}.

В двадцатых числах ноября 1941 г. Власова разыскивает Главное управление кадров в связи с предполагаемым назначением, командующим вновь формируемой 20-й армии.

На запрос Главного управления кадров из штаба Юго-Западного фронта по телеграфу ответили:

«Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25–26 ноября в связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха.

Начальник штаба ЮЗФ Бодин

Зам. нач военсанупра ЮЗФ Бяляк-Васюкевич»^{107}.

Начальником штаба 20-й армии был назначен полковник Л.М. Сандалов. 28 ноября 1941 г. он прямо с аэродрома прибыл в Генеральный штаб для беседы по поводу назначения.

Находясь в кабинете маршала Б.М. Шапошникова, Леонид Михайлович поинтересовался:

— А кто назначен командующим армией?

— Недавно вышедший из окружения командующий 37-й армией Юго-Западного фронта, — ответил Борис Михайлович и назвал фамилию не известного прежде Сандалову генерала. — Но учтите, что он сейчас болен. В ближайшее время вам придётся обходиться без него. Однако все важные вопросы согласовывайте с ним. В штаб фронта ехать вам уже нет времени, да к тому же вас знают там по первым месяцам войны. Напутствие вам такое — быстрее сформировать армейское управление, развернуть армию, создать оборону и готовиться к наступлению^{108}.

Поздно вечером 29 ноября Ставка приняла решение о начале контрнаступления под Москвой, а уже утром 30-го Военный совет Западного фронта представил свои соображения, и план был утверждён.

20-я армия получила приказ нанести главный удар в направлении Солнечногорска и во взаимодействии с 1-й ударной и 16-й армиями овладеть городом.

В самый сложный период подготовки армии к боевым действиям генерал Власов так и не прибыл. Не появился он и в начале декабря...

8 декабря была взята Красная Поляна, 12 декабря — Солнечногорск и

20 декабря — Волоколамск.

Леонид Михайлович Сандалов в письме начальнику Генерального штаба маршалу М.В. Захарову в декабре 1964 г. писал: «Во время Московской битвы я — во второй половине ноября 1941 г. — стал начальником штаба новой только что сформированной 20-й армии. Это сильная полнокровная армия, вместе с такой же — 1-й ударной армией, возглавил наступление Западного фронта (Клин-Солнечногорская операция) под Москвой.

20-я армия освободила Красную Поляну, овладела городом Солнечногорском. А затем по распоряжению командования Западного фронта повернула на Волоколамск. Часть сил оставила для наступления по шоссе от Солнечногорска на Клин, в полосе 1-й ударной армии. 20-я армия от Солнечногорска с боями наступала на Чудоль, Чисмену, Волоколамск. Надо сказать, что назначенный командующим 20-й армии Власов... до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал. Он объявил себя больным (плохо видит, плохо слышит, разламывается голова). До начала операции жил в гостинице ЦДКА, а затем его переводили с одного армейского КП на другой под охраной врача, медсестры и адъютанта. Подходить к нему не разрешали. Все документы для подписи я посылал Власову через его адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления.

Впервые я, да и другие офицеры штаба увидели Власова в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске. Поэтому от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Лизюковым А.И....и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П.Н. приходилось руководить действиями войск армии непосредственно самим»^{109}.

Первая встреча Сандалова с Власовым была весьма любопытной: «В полдень 19 декабря в с. Чисмены начал развёртываться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошёл адъютант командующего армией и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в тёмных очках. На нём была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки.

Это был генерал Власов. Он зашёл на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным

наступлением армии и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катукова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах. Молча, насупившись, слушал всё это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул, что чувствует себя лучше и через день-два возьмёт управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино»^{110}.

Что характерно, именно за Волоколамскую операцию Л.М. Сандалову было присвоено звание генерал-майора. Всю Клинско-Солнечногорскую операцию, все телефонные переговоры с Жуковым, Шапошниковым и В.В. Курасовым (направленцем Генерального штаба) вёл только Сандалов.

И ещё. Леонид Михайлович Сандалов, в отличие от Власова, был образованным и опытным генералом, блестящим штабистом. Такие, как он, в 1941 г., к сожалению, были большой редкостью в Красной Армии. В 1920 г. он окончил Ивано-Вознесенские пехотные курсы. Командовал взводом, был адъютантом батальона на Туркестанском и Южном фронтах. С 1921 г. — командир роты. В 1926-м окончил двухгодичную Киевскую объединённую школу командиров им. С.С. Каменева.

Три года службы — и вновь учёба, но только теперь в Военной академии им. М.В. Фрунзе. По окончании её в 1934 г. Сандалов служил в штабе Киевского округа, а в 1936 г. по рекомендации И.Э. Якира поступил в Академию Генерального штаба. С сентября 1937 г. — он начальник оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, с 1940 г. — начальник штаба 4-й армии ЗОВО. С 30 июня по 23 июля — врид командующего 4-й армией Западного фронта. В августе — ноябре 1941 г. — начальник штаба Центрального и Брянского фронтов^{111}.

Знания, приобретённые во время учёбы, опыт службы, глубокий аналитический ум позволили Л.М. Сандалову выработать широкий оперативный кругозор, редкое умение точно обобщать военные события и подчас принимать смелые решения.

Вступая в полемику с писателем В. Богомоловым, писатель Г. Владимов (автор книги «Генерал и его армия») сообщал: «В Германии Власов рассказывал, как в ноябре 1941-го Сталин вызвал его к себе, дал ему из своего резерва 15 танков и направил заместителем к командующему, который заново формировал 20-ю армию (расформированную после

выхода из окружения под Вязьмой).

Власов застал командующего тяжело больным — действительно с конца ноября, числа с 25-го, — и принял от него командование. Имени своего предшественника он не назвал — либо из деликатности, либо из-за малой известности генерала Н.И. Кирюхина»^{112}.

Но всё было совершенно не так. Генерал-майор Николай Иванович Кирюхин действительно командовал 20-й армией. С октября 1942 г. армия вела наступление на сычёвском направлении, но не имела успеха, за что Н.И. Кирюхин был отстранён от должности и в декабре 1942 г. назначен заместителем командующего 29-й армией^{113}.

Писатель В.О. Богомолов провёл немало времени в Центральном архиве Министерства обороны. О его кропотливой работе мне лично рассказывали старожилы. Он очень скрупулёзно разбирался с вопросом назначения Власова командующим 20-й армией.

«Назначенный командующим 20-й армией 30 ноября 1941 г. Власов с конца этого месяца и до 21 декабря болел тяжелейшим гнойным воспалением среднего уха, от которого чуть не умер, и позднее страдал упадком слуха, а в первой половине декабря — вестибулярным нарушением. Болезнь Власова и его отсутствие в течение трёх недель на командном пункте, в штабе и в войсках зафиксированы в переговорах начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова и начальника штаба фронта генерала В.Д. Соколовского с начальником штаба 20-й армии Л.М. Сандаловым; отсутствие Власова зафиксировано в десятках боевых приказов и других документов, вплоть до 21 декабря подписываемых за командующего Л.М. Сандаловым и начальником оперативного отдела штаба армии комбригом Б.С. Антроповым»^{114}.

Однако всё, что сегодня касается фактов, подтверждающих неисполнение своих прямых обязанностей Власовым, как командующим войсками 20-й армии до 19 (20–21) декабря 1941 г. из-за болезни, в особенности для почитателей его «полководческого таланта», выглядит малоубедительным. Например, Алексей Исаев считает так: «Каждый командующий армией оставил после себя след в виде сонма приказов со своей подписью, по которым можно отследить периоды активного командования и дату вступления в должность. В фонде 20-й армии в ЦАМО РФ среди приказов автору удалось найти всего один, подписанный А.И. Лизюковым. Он датирован ноябрём 1941 г., и Лизюков в нём обозначен как командующий оперативной группой. После этого идут декабрьские приказы, в которых в качестве командующего армией

называется генерал-майор А.А. Власов». Далее он пишет: «Самое удивительное, что один из первых боевых приказов 20-й армии подписан не Сандаловым. В качестве начальника штаба фигурирует некий полковник Лошкан. Фамилия «Сандалов» появляется на приказах начиная с 3 декабря 1941 г. Правда, с появлением Сандалова приказы армии начинают печататься на машинке».

И ещё: «Как мы видим, на документе присутствуют две подписи — командующего армией и его начальника штаба. Подпись члена Военного совета появляется несколько позже...

Здесь перед нами ситуация, разительно отличающаяся от описанной в мемуарах. «Человек в бекеше» был не гостем, а хозяином в штабе 20-й армии к моменту прибытия в неё Л.М. Сандалова»^{115}.

Удивительная вещь получается: одним из аргументов в пользу того, что Власов командовал 20-й армией и был на хорошем счету, является не что иное, как характеристика, данная Андрею Андреевичу самим Жуковым! Подписана она 28 декабря 1942 г. Однако 28 января 1942 г. Г.К. Жуков подписал подобную характеристику на генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова (можно предположить, что такие характеристики были написаны на всех командующих армиями Западного фронта. — *Примеч. авт.*). В ней чёрным по белому написано: «Генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич командует 33-й армией с конца октября 1941 г. Оперативный кругозор крайне ограничен. Во всех проведённых операциях неизменно нуждался в постоянном жестком руководстве со стороны командования фронтом, включительно тактического применения отдельных дивизий и расположения командного пункта армии. Приказы выполняются не в срок и не точно. Приходится всё время подстёгивать, за что имеет выговор в приказе.

Должности командующего армией не вполне соответствует. Целесообразно назначить командующим войсками внутреннего округа.

Командующий войсками Запфронта

Генерал армии Жуков

Член Военного совета Западного фронта Хохлов

28 января 1942 г.»^{116}.

Но неужели никто не знает сегодня, кто такой Ефремов? Как он воевал

и как он погиб?

А вот на Власова та самая: «Генерал-лейтенант Власов командует войсками 20-й армии с 20 ноября 1941 г. Руководил операциями 20-й армии: контрударом на город Солнечногорск, наступлением войск армии на Волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на р. Лама. Все задачи, поставленные войсками армии, тов. Власовым выполняются добросовестно. Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками справляется вполне. Должности Командующего войсками армии вполне соответствует...^{117}. Теперь вы понимаете цену таких характеристик?

И ещё хочется сказать об одном перле из этой характеристики. Генерал армии Жуков в ней подчёркивает, что Власов командует войсками 20-й армии с 20 ноября 1941 г. Однако зачем же его тогда искали через ГУК, запрашивая штаб Юго-Западного фронта в двадцатых числах ноября? Никто случайно не знает?

А дело всё в том, что во всякого рода характеристиках и аттестациях временные рамки вполне относительны. Опираясь на них было бы весьма глупо. Та же болезнь генерала, уже находящегося на домашнем лечении, не могла повлиять ни на его награждения, ни на его очередные звания. Просто штатским людям совершенно невдомёк, что когда офицер болеет, ему не надо брать больничный лист. Достаточно банальной справки или даже одного звонка вышестоящему начальнику. При этом денежное содержание начисляется без всяких изменений. Абсолютно со всеми надбавками. Так было всегда и так есть сегодня.

Другой момент. В Москву Сандалов прибыл 28 ноября 1941 г., а 10 декабря 1941 г. разговаривал с командующим фронтом Г.К. Жуковым: «В разговоре со мной по телефону он указал на недопустимо медленные темпы наступления армии и сказал, что наши войска продвигаются только по дорогам вслед за отступающими частями противника, не выходят на фланги и в тылы неприятельским колоннам, не стремятся окружить врага...»^{118}.

Как вы думаете, почему к концу дня 10 декабря комфронта разговаривает с начальником штаба вновь сформированной армии, а не с её командующим? Или в это время Власов как раз подписывал очередной приказ и был занят? А ведь Жуков разговаривал с тем, кто реально командовал армией. Иначе это был бы именно Власов. Кстати сказать, уже в январе, разговаривая с Власовым, Жуков будет говорить практически о

том же, что и теперь с Сандаловым!

Когда я сам лично знакомился с документами из фонда 20-й армии в ЦАМО, а в это время там работал и А. Исаев, то тоже своими собственными глазами видел подписи Власова.

И на боевых приказах от № 01 до № 015, и на приказах войскам 20-й армии («О бесперебойном снабжении частей питанием...», «Об организации службы ПХО...», «Об организации разведки...», «О действии при преследовании...», «О борьбе со вшивостями в частях...»)^{119}.

Но мои глаза не округлились, потому что командующий вполне мог находиться в номере гостиницы Центрального дома Красной Армии и, лёжа в постели, оставлять свои «каракули» на всех привезённых ему адъютантом документах. Потому что до фронта тогда было рукой подать. И в этом нет ничего криминального. По крайней мере, так оно и было. Вспомните хотя бы очерк А.А. Бека «День командира дивизии», где он пишет, как добирался в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию: «Утром 7 декабря я случайно узнал, что в дивизию только что повезли Гвардейское знамя, которое предполагалось вручить в этот же день с наступлением сумерек.

Недолго думая, я сел в метро и поехал к фронту. Поездки на фронт в эти дни не занимали много времени. На волоколамское направление маршрут был таким: на метро до станции «Сокол»; там пересадка на автобус № 21, курсировавший до Красногорска. Оттуда до линии фронта оставалось двенадцать-пятнадцать километров»^{120}. Но не забывайте, что у Власова в распоряжении кроме личного адъютанта и врача ещё был и автомобиль. Командующему без него никак!

Но есть и другие доказательства, не менее весомые. Например, историк из Санкт-Петербурга Кирилл Александров стреляет ими, как из табельного оружия: «Распространённое утверждение о том, что он не командовал армией 6–19 декабря «по причине воспаления среднего уха» — не более чем легенда. Во-первых, Власов был упомянут в сводке Совинформбюро в перечне отличившихся советских генералов уже 13 декабря, а во-вторых, 16 декабря на КП у Власова взял интервью американский журналист Л. Лесюер...»^{121}.

Если говорить о сводке Совинформбюро, то там уж точно не могли назвать фамилии Сандалова, хоть он и командовал армией, потому что согласно занимаемой должности он был начальником штаба. И неважно, болел командарм или не болел. В армии единоначалия никто не отменял. Ведь командир всегда прав, читайте устав.

Кстати сказать, Власов мог запросто слушать эту сводку, лёжа в кровати, с врачом Агнессой Подмазенко.

Про интервью у Власова вообще аргумент несостоятельный. Дело в том, что в тот же день 13 декабря 1941 г. вся первая страница газеты «Известия» была посвящена битве за Москву под заглавием: «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве». Внизу страницы были помещены девять фотографий героев этой битвы: генерала армии Г.К. Жукова (в центре), а также генерал-майора Д.Д. Лелюшенко, генерал-майора А.А. Власова, генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова, генерал-майора П.А. Белова, генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, генерал-лейтенанта И.В. Болдина, генерал-лейтенанта артиллерии Л.А. Говорова. Но почему иностранные корреспонденты интервью берут прежде всего у Власова?

Да всё очень просто. Если говорить только о 20-й армии, то 4-го декабря она полностью закончила сосредоточение и готовилась к наступлению, а в ночь с 5 на 6 декабря её части заняли исходное положение и получили приказ о времени атаки. Уже 8-го декабря 1941 г. разбитые части противника были выбиты с Красной Поляны. Дело в том, что из военных сводок тех дней Красная Поляна (райцентр Московской области) стала широко известной во всём мире. «По хвастливым уверениям немецко-фашистского командования, из этого самого близкого к Москве пункта якобы хорошо видна в бинокль советская столица»^{122}. Более того, в числе трофеев воинов 20-й армии (свыше 30 танков и броневиков, много орудий, миномётов и личного оружия) оказалась привезённая накануне пушка калибра свыше 200 мм, из которой немцы рассчитывали обстреливать Москву». А рано утром 12 декабря Солнечногорск был полностью очищен от противника^{123}. Вот, собственно, и две главные причины, из-за которых командующий 20-й армией стал объектом фото- и телекамер. Как известно, советская пропаганда в этом случае не мешала, а даже, наоборот, принимала в этом самое активное участие. При этом нельзя забывать, как ещё утром 1 декабря 3-я танковая группа противника нанесла сильнейший удар, смяв поредевшие части группы Захарова, и устремилась вдоль Рогачёвского шоссе к Москве. Тогда же на стыке 1-й ударной и 20-й армий создавалось угрожающее положение, а неожиданное появление танковых частей противника перед развёртывающимися частями 20-й армии привело их в замешательство. Пусть это были последние резервы противника, но угроза-то была реальной! По сути, всё решили считанные

дни и ввод в сражение резервных армий, в том числе и 20-й. Отсюда любые победы под Москвой имели такой оглушительный успех. Не обошлось и без рекламных акций, в которых иногда страдает, прежде всего, истина. А Власову просто повезло, как и в первые месяцы войны.

Итак, Власов, поймав «золотую рыбку», становится «спасителем Москвы». Но происходит это не ранее 13 декабря 1941 г. Но почему-то у Владимира Батшева в его четырёхтомном труде «Власов» этот «спаситель» как-то не вяжется с истинной историей, написанной нашими предками. Я не буду говорить о хронологии боевых действий, которая у этого автора упоминается достаточно своеобразно, а остановлюсь лишь на вопросе принципиальном: когда Власов был на приёме у Сталина?

Первый раз вождь принял Андрея Андреевича 11 февраля 1942 г. Приём продолжался с 22.15 до 23.25. Общались они наедине один час десять минут.

Второй раз вождь принял Власова 8 марта 1942 г. вместе с маршалом Шапошниковым, генералами Василевским, Жигаревым, Новиковым и Головановым с 22.10 до 24.00 (там же находились Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков)^{124}.

Однако у Батшева Власов встречается с вождём накануне формирования 20-й армии, то есть в ноябре 1941 г. Там же он просит у Сталина танки, и тот выделяет ему аж пятнадцать штук^{125}. Но, как известно, 20-я армия вошла в строй армий Западного фронта только 29 ноября 1941 г. и лишь 4 декабря полностью закончила сосредоточение^{126}. Если же говорить про танки, то к концу ноября 1941 г. «Западный фронт получил пятнадцать отдельных танковых батальонов и свыше 100 танков на усиление действующих бригад...

Таким образом, в конце ноября немцы потеряли превосходство в танках. Но при нанесении контрударов 1–5 декабря танковые войска Западного фронта понесли значительные потери, а резервные армии в своём составе танковых бригад не имели. Вследствие этого к моменту перехода в контрнаступление враг сохранил в полосе Западного фронта небольшой перевес в танках — 980 против 720. Даже на направлениях главных ударов мы не имели превосходства в танках. Например, на правом крыле фронта (30-я, 1-я ударная, 20-я и 16-я армии) в составе девяти танковых бригад и шести отдельных танковых батальонов насчитывалось 290 танков. Противник в этой же полосе сосредоточил около 400 танков. На левом крыле фронта (10, 50 и 49-я армии) в составе одной (112-й) танковой дивизии, двух танковых бригад и четырёх отдельных танковых

батальонов было 140 танков против 300 танков противника.

Следовательно, на 6 декабря 1941 г. гитлеровцы превосходили нас в танках на правом крыле Западного фронта в 1,3 раза, на левом крыле — в 2 раза, а в полосе некоторых армий ещё больше», — пишет полковник Ф. Тамонов^{127}.

В директиве штаба Западного фронта командующему 20-й армией № 0023 от 2 декабря 1941 г. о переходе в наступление на солнечногорском направлении говорилось: «Комфронтом приказал:

1. Дополнительно включить с 18 часов 2.12 в состав 20-й армии войска, ведущие бой на фронте — 7 гв. сд, 282 сп, 145, 24, 31-ю танковые бригады. Командарму 16 передать указанные части командарму 20...»^{128}.

То есть целых три танковые бригады забирали у армии Рокоссовского, чтобы отдать армии Власова.

Как пишется в книге «Разгром немецких войск под Москвой», «Одновременно с наступлением 1-й ударной армии от Москвы в районах Лобня, Сходня, Химки и севернее сосредоточились войска 20-й армии (64, 35, 28,43-я стрелковые бригады, 331-я и 352-я стрелковые дивизии) и выходили на рубеж Черная, Хлебниково, Мелькисарово, Усково между 1-й ударной и 16-й армиями. С этого рубежа армия по приказу командования фронта должна была начать частью сил наступление в общем направлении на Холмы, нанося контрудар во фланг группировке противника, вышедшей к Красной Поляне.

Во исполнение этого приказа армия с утра 2 декабря силами 331-й стрелковой дивизии и 28-й стрелковой бригады перешла в наступление с задачей разбить противника в районе Красная Поляна, Владычино, Холмы»^{129}.

Словом, контрудары 1-й ударной и 20-й армий, проведённые ограниченными силами, не дали особого территориального эффекта, но сыграли свою положительную роль в задержании наступления противника на столицу^{130}.

Теперь о вводе в бой переданных танковых бригад: «На солнечногорском направлении 4 декабря 20-я армия вела ожесточённые бои за краснополянский узел сопротивления. 8 декабря город Красная Поляна был освобождён. Армия, имея впереди танковые части, начала развивать наступление на Солнечногорск. 24-й танковой бригаде, которой командовал полковник В.П. Зелинский, была поставлена задача преследовать противника в северо-западном направлении, перерезать Ленинградское шоссе севернее Солнечногорска, не допустить отхода войск противника и

подхода его резервов. 31-я танковая бригада полковника А.Г. Кравченко должна была вести наступление на Солнечногорск, обходя его с юга; 134-му отдельному танковому батальону предстояло нанести удар по солнечногорской группировке с юго-запада, а 135-му обеспечивать левый фланг армии. 24-я и 31-я танковые бригады, смело обходя опорные пункты врага, скрытно, по лесным дорогам, вышли на основные коммуникации гитлеровцев и, создав угрозу окружения, вынудили их к отходу. 12 декабря 20-я армия освободила Солнечногорск. Первой из танковых войск в город ворвалась 31-я танковая бригада»^{131}.

А как же миф про 15 танков? Всё дело в том, что почти всегда он несёт с собой не только событие, но и героя!

Кстати сказать, например, 145-я танковая бригада на 16 ноября 1941 г. имела 67 танков (в т.ч. 9 КВ, 29 Т-34, 29 лёгких), 31-я танковая бригада на 16 ноября 1941 г. имела 44 танка (в т.ч. 3 КВ, 12 Т-34, 29 лёгких), 24-я танковая бригада на 16 ноября 1941 г. имела 37 танков (в т.ч. 3 КВ, 11 Т-34, 23 лёгких танка).

Поэтому когда читаешь у В. Батшева про «Спасителя Москвы» в книге «Власов», невольно обращаешь внимание на такие перлы: «Армии ещё не было, и Андрей Андреевич должен был её организовать из остатков разбитых полков и дивизий»; «Власов, несмотря на скудные силы, решил на контрнаступление. Это было рискованным, но казалось единственным средством, чтобы замедлить немецкое наступление»; «С несколькими танками, которыми Власов командовал лично, и моторизованными частями ему действительно удался неожиданный прорыв немецкого фронта»; «На следующий день, 6 декабря, Власов принял второе решение, окончательно определившее судьбу боя за Москву, — он приказал продолжать контрнаступление, не имея точных сведений о положении противника»; «Почти сто километров гнала их 20-я армия Власова через Волоколамск до Ржева. Фронт пришёл в движение. Впервые германским дивизиям удалось нанести поражение. Москва была спасена, её спасителем был Власов»^{132}.

Если даже допустить, что генерал Сандалов в своих мемуарах соврал об отсутствии Власова в армии до 19 декабря, то вряд ли кто-то может усомниться в директивах штаба Западного фронта, на основании которых и действовала 20-я армия, как впрочем, и другие. При этом маршал Рокоссовский в своих мемуарах отметил: «Наступление развивалось успешно. Соседняя справа 20-я армия, правда, медленно, но шла вперёд на солнечногорском направлении»^{133}.

О том, как командовал Власов в январе 1942 г., есть весьма

любопытные свидетельства и документы.

Например, в директиве командующего войсками Западного фронта ещё от 9 декабря 1941 г. подчёркивалось: «3. Практика наступления и преследования противника показывает, что некоторые наши части совершенно неправильно ведут бой, и вместо стремительного продвижения вперёд путём обходов арьергардов противника ведут фронтальный затяжной бой с ним. Вместо обходов и окружения противника выталкивают с фронта лобовым наступлением, вместо просачивания между укрепления противника топчутся на месте перед этими укреплениями, жалуясь на трудности ведения боя и большие потери»^{134}.

Тем не менее Власов воевать по-другому не умел. «Середа запомнилась мне ещё и потому, что здесь у меня произошло столкновение с командующим 20-й армией Власовым. Мы имели сведения, что в Середи сосредоточились крупные силы противника и она хорошо подготовлена к долговременной обороне (особенно в восточной части по речке Мутня). Вокруг неё лежала открытая по пояс заснеженная местность. К тому же наши разведчики обнаружили, что к Середи движется колонна пехоты противника со стороны станции Князьи Горы. В случае затяжного боя эти подкрепления могли навалиться на правый фланг группы. Я доложил в штаб армии обстановку и своё решение: узел сопротивления Середу обойти и продолжать развивать наступление на Гжатск. Очень быстро был получен ответ Власова: он приказал атаковать противника, оборонявшего Середу, ударом с севера вдоль шоссе и, захватив её, удерживать частью сил до подхода пехоты, главными же силами продолжать наступление. Атака в «лоб» хорошо организованной обороны, да ещё через открытую местность по пояс в снегу, была делом слишком рискованным. Нам пришлось бы преодолевать зону плотного заградительного огня, неся неоправданные потери. Да и обстановка сложилась так, что для выполнения этого приказа часть сил необходимо было возвратит обратно. У меня не было иного выхода, как выполнять ранее поставленные частям задачи. Наступление развивалось успешно. Только что закончился бой за Красное Село с форсированием Рузы. В ходе его были уточнены дальнейшие задачи частям и соединениям, и они, не задерживаясь, продолжали развивать успех. 3-я гвардейская кавалерийская дивизия двинулась в обход Середы с северо-запада, 20-я дивизия — с юго-запада. Генерал Власов вновь вызвал меня к рации и потребовал доложить, как выполняется его приказ. Я подтвердил своё решение и постарался обоснованно доказать его целесообразность. Реакция, как и следовало ожидать, была очень бурной. Власов приказал в установленный срок доложить ему, что Середа взята ударом «в лоб» с

севера вдоль шоссе. Я не ответил и положил трубку. Он тут же вновь позвонил, но я приказал связисту ответить, что командир корпуса уже уехал в войска, чтобы организовать атаку на Середу «в лоб» вдоль шоссе. Такого рода военная хитрость помогла в отношениях с Власовым. Ведь иначе он мог прислать кого-нибудь из своих замов, и тогда казакам пришлось бы лезть по сугробам на плотный, хорошо организованный огонь противника», — вспоминал генерал И.А. Плиев^{135}.

А вот достаточно характерная выдержка из записи переговоров Г.К. Жукова с командующим 20-й армией генералом А.А. Власовым 28 января 1942 г.:

«ЖУКОВ: Где же у вас главный удар?

ВЛАСОВ: Главный удар наносится на участке Петушки, Большие Триселы, где сгруппированы части группы Катуква, две стрелковые дивизии, главные силы кавкорпуса и 3 полка артиллерии. Всё.

ЖУКОВ: Тем более объясните мне, почему вы избрали такой метод действий, разбросав от Васильевского до Быково артиллерию и пехоту и поставив в ряд против огневых точек конницу? Я не могу разгадать вашего решения.

ВЛАСОВ. Докладываю: на правом фланге на фронте Васильевское до Аржаники действуют всего лишь три стрелковые бригады с одним артполком и дивизионом РС, которые действуют согласно вашему приказанию в направлении Зубцов, и главный удар здесь двумя бригадами со всеми указанными средствами усиления наносится от Кучино на Старое Устиново и далее на Зубцов. Все остальные части сосредоточены на указанном мною рубеже с целью прорваться на нём и действовать в направлении Карманово. Против Крутицы действует 55-я стрелковая бригада, которая имеет всего лишь около 100 бойцов. Для усиленной огневой мощи кавалерийского корпуса, а также для прорыва этого участка кавалерийскому корпусу приданы 35-я стрелковая бригада и 1-й гвардейский пушечный артполк. В резерве я имею всего лишь одну 17-ю стрелковую бригаду, которая почти не имеет ударной силы. Укомплектование людским составом задерживается, так как предназначенные эшелоны с пополнением до сего времени не прибыли, между тем как потери части несут большие. Всё.

ЖУКОВ: Не понял вас. Почему вы упорно атакуете противника, расположенного в крупных населённых пунктах. При этом пункты, имеющие хороший обстрел и взаимную огневую связь, и что Вам обещает это направление, имеющее, как известно по карте, массу населённых пунктов, почему вы, например, не наступали на участке: Пустой Вторник,

Аржаники, где, по нашим и по вашим [данным], противника нет, где он охраняется только разведкой?

ВЛАСОВ: Отвечаю: на участке Пустой Вторник, Аржаники противник вдоль дорог от Пустого Вторника до Аржаников, по разведанным, имеет также ряд блиндажей, кроме того, этот район минирован и охраняется противником, к этому рубежу очень трудно подойти, так как совершенно отсутствуют дороги, а снежный покров достигает свыше 60 сантиметров и совершенно недоступен для действий артиллерии. Всё.

ЖУКОВ: А участок Егорьевское, Митрофановское тоже минирован и тоже недоступен?

ВЛАСОВ: Данных о том, что этот участок минирован, нет. Мины встречаются лишь только по дорогам. Всё.

ЖУКОВ: А что бы сказал Суворов на вашем месте, если бы он увидел перед собой 60 сантиметров снега, остановился бы или нет?»^{136}.

Как бы кто ни относился к маршалу Жукову сегодня, но в этом разговоре с Власовым не трудно заметить, что он на порядок грамотнее «генерала-стахановца».

В своей книге Резун (Суворов) «Тень победы» с огромным удовольствием в доказательство необычайных талантов (своего собрата по измене) Власова приводит слова маршала артиллерии Г.Е. Передельского: «Начало организации артиллерийского наступления в том виде, как предусматривалось директивой, было положено в наступлении 20-й армии на реке Ламе в январе 1942 г.» (ВИЖ. 1976. № 11. С. 13)^{137}.

Однако давайте всё же послушаем генерала Сандалова: «Утром 6 января 1942 г. я приехал к начальнику штаба Западного фронта генералу В.Д. Соколовскому по его вызову. Он предупредил меня, что Ставка предполагает начать общее наступление всех фронтов.

— На правом крыле Западного фронта должна перейти в наступление на Шаховскую, Сычёвку ваша 20-я армия, — показывал он мне на карте с нанесённым на ней решением на наступление войск фронта....

Затем генерал Соколовский вручил мне только что подписанную директиву фронта на наступление и проект директивного письма Ставки, которое, по его словам, дня через два будет подписано. В этом письме, на основе передовой теории советского военного искусства о глубокой операции и с учётом предшествующих операций, Ставка дала подробные указания по организации и проведению наступательных операций. В письме говорилось, что прорыв вражеской обороны следует производить мощными ударными группами на узких участках. На поддержку и

обеспечение ударных групп массировать все силы и средства. Артиллерийскую подготовку перед наступлением заменить артиллерийским наступлением...

После просмотра представленного мной решения на наступление 20-й армии Соколовский подчеркнул:

— Ваше решение в основном соответствует и нашей директиве и директивному письму Ставки. Однако участок ударной группы надо несколько сузить.

Утром 7 января я зачитал командованию армии исправленный план армейской операции и проект боевого приказа армии.

— Ну вот теперь всё приведено в соответствие с письмом Ставки, — сказал Куликов.

— Вы правы, — ответил я. — Армия наступает в направлении на Шаховскую в узкой 20-километровой полосе. Прорыв будет производить ударная группа в составе группы Ремизова и Катюкова и 352-й стрелковой дивизии. Участок прорыва ударной группы всего лишь 8 км. Второй эшелон ударной группы — морская и 55-я стрелковые бригады.

— А удалось ли достичь артиллерийской плотности, указанной в письме Ставки? — поинтересовался Куликов.

— Плотности на один километр участка прорыва достигают 76 орудий и миномётов и 12,5 танка, — ответил я. — Таких плотностей удалось достичь впервые за войну. На поддержку прорыва выделен 601-й бомбардировочный авиаполк, а осуществлять противовоздушную оборону операции назначена 47-я истребительная авиадивизия. Да и большая часть авиации фронта будет брошена на помощь нашей армии.

— А корпус Плиева? — спросил Куликов.

— Усиленный гвардейский кавалерийский корпус планируется ввести на второй день операции, — ответил я. — Войска займут исходное положение для наступления в ночь с 8 на 9 января, а наступление начнётся утром 9 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки, — огласил я концовку...»^{138}.

А если уж говорить про «Спасителя Москвы», то думаю стоит ознакомиться и с аргументами писателя и фронтовика В. Богомолова: «В сообщениях Совинформбюро в декабре 1941 г. как «наиболее отличившиеся» в боях под Москвой армия К.К. Рокоссовского упоминалась четырежды, Д.Д. Лещюшенко — трижды, И.В. Болдина — дважды, Л.А. Говорова — один раз, армия же А.А. Власова, также как и армия Ф.И. Голикова и В.И. Кузнецова, не упоминалась ни разу. И награждены за бои под Москвой они были соответственно: Рокоссовский, Лелюшенко, Болдин

и Говоров — орденами Ленина, а Власов, Голиков и Кузнецов — по второму разряду, т.е. орденами Красного Знамени»^{139}.

Кстати сказать, о награждениях Власова орденами много придуманного. Для тех, кто на «бронепоезде» лишь напомним. Андрей Андреевич был награждён:

во-первых, медалью «XX лет РККА» № 012543 Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1938 г., как лицо кадрового командного и начальствующего состава, прослужившее в рядах РККА к 23 февраля 1938 г. 20 лет^{140};

во-вторых, орденом Ленина «За высокие показатели дивизии по боевой и политической подготовке в 1940 учебном году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1941 г.»^{141}; и, в-третьих, орденом Красного Знамени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1941 г. «За бои с германским фашизмом»^{142}.

При этом в Красной Армии Власов служил с 5 мая 1920 г., и двадцать календарных лет у него засчитывались только в мае 1940 г. За высокие показатели по боевой и политической подготовке в 1940 учебном году его представляли к награждению орденом Красной Звезды, однако маршалу Тимошенко этого показалось мало, и именно он наградил Власова орденом Ленина^{143}. А на орден Красного Знамени, полученный Власовым по итогам битвы под Москвой, в ЦАМО вообще нет наградного листа. Видимо, поэтому мы не имеем возможности в точности узнать: за что же конкретно наградили Андрея Андреевича^{144}.

И ещё: утверждение о том, что орден Ленина за № 770 принадлежал генералу Власову не более чем байка^{145}. Потому что, например, орден Ленина за № 889 был вручён 22 марта 1935 г. парторгу одного из золотых приисков Л.З. Коротному. А орден Ленина № 3529 принадлежал М.А. Фортус, награждённому в декабре 1938 г. за участие в боях в Испании^{146}.

Про присвоение Власову военного звания «генерал-лейтенант» также много надуманного, так как его он получил в соответствии с занимаемой должностью командующего войсками 20-й армии. Тем более что до этого он командовал 37-й армией. Никаких же сроков выслуги в звании «генерал-майор» тогда предусмотрено не было!

9 марта 1942 г. Власов прилетел на Волховский фронт, куда был назначен заместителем командующего войсками этого фронта. «По свидетельству Героя Советского Союза генерала армии Николая Григорьевича Лященко, Власов после его назначения заместителем командующего фронтом считал, что как полководец он ещё не достиг самых больших высот, хотя якобы своих будущих амбиций не скрывал. Надеялся, что после того, как войска фронта овладеют Любанью, займёт более достойный для него пост...»^{147}.

20 марта генерал-лейтенант Власов вылетел во 2-ю ударную армию для организации её наступления, которое планировалось на 3 апреля в 30 км южнее Любани в направлении д. Апраксин Бор. Однако все усилия пехоты и артиллерии взять деревню оказались тщетными. Для выяснения неудач в армию прибыла комиссия фронта.

«Трое суток члены комиссии беседовали с командирами всех рангов, с политработниками, с бойцами. От меня потребовали письменное объяснение: почему артиллерия недостаточно надёжно подавляла огневые средства противника...» — вспоминал начальник артиллерии 2-й ударной полковник Г.Е. Дегтярёв^{148}.

А 16 апреля, в связи с отправкой тяжелобольного командарма 2-й ударной генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова в тыл встал вопрос: кем его заменить? И тогда в телефонном разговоре с К.А. Мерецковым член Военного совета армии дивизионный комиссар И.В. Зуев предложил кандидатуру Андрея Андреевича^{149}.

Дело в том, что Власов, как заместитель Мерецкова (командующий войсками фронта) был тактическим советником (консультантом) 2-й ударной^{150}, и поэтому 20 апреля 1942 г. начальник Генштаба маршал Шапошников с ведома Сталина, вполне разумно, санкционирует назначение Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству^{151}, ведь он же уже был «Спасителем Москвы». И почему бы ему теперь не стать спасителем Ленинграда.

Сегодня некоторые исследователи сомневаются в болезни генерал-лейтенанта Клыкова. Они считают, что его банально отстранили от должности. Однако это не так. В 1942 г. Николаю Кузьмичу было уже 54 г. Опытный военачальник, он ещё в Первую мировую войну дослужился до

командира полка, а в Гражданскую до командира бригады. В межвоенный период Клыков командовал полком и дивизией, был комендантом Москвы и начальником отдела штаба МВО. С 1935 г. по 1936 г. по болезни находился в распоряжении управления по начсоставу РККА, а с 1936 г. по 1938 г. работал военным руководителем в Московском государственном университете. В декабре 1945 г. Н.К. Клыков был уволен в отставку по болезни^{152}.

Сам он спустя десятилетия вспоминал: «В апреле 1942 г. я тяжело заболел. Пришлось отправиться в госпиталь. На моё место был назначен новый командующий. Перед отъездом я доложил обстановку командующему фронтом Мерецкову, обосновал необходимость создания опорных баз внутри расположения армии. Просил его хотя бы на время весенней распутицы отказаться от попыток захвата Любани...

Конец июня 1942 г. Закончить лечение не удалось. С фронта прибыла машина, и я выехал в Малую Вишеру. 2-я ударная армия после выхода из окружения восстанавливалась...»^{153}.

Исходя из этого, можно предположить, что Власов рассчитывал остаться во 2-й ударной армии ненадолго. Но судьба распорядилась иначе. Его везение на этот раз закончилось!

О встрече комсостава с новым командующим рассказал бывший комиссар 59-й стрелковой бригады И.Х. Венец: «20 апреля нас собрали на командном пункте. Новый командующий — высокий, рыжеватый, вышколенный — произнёс речь. Помню её дословно. «Дорогие товарищи, — сказал Власов. — Условия у нас тяжёлые: болота засасывают, питание плохое. Что-либо предпринять без директивы Ставки мы не можем. Призываю вас лишь заботиться о солдатах, как заботится товарищ Сталин. Когда после ранения под Москвой я лежал в кремлёвской больнице, Иосиф Виссарионович нашёл возможность меня навестить». Хотя в дальнейшем особой заботы командующего о людях мы не наблюдали, никаких подозрений он у нас не вызывал»^{154}.

Вот что вспоминал о Власове его адъютант майор Кузин: «Находясь при 2-й ударной армии, Власов давал понять, что он имеет большой вес, ибо он неоднократно говорил, что он имеет особое поручение Москвы и что он имеет прямую связь с Москвой.

Во 2-й ударной армии Власов хорошо дружил с членом военного совета Зуевым и начальником штаба Виноградовым.

С Зуевым они вместе до войны работали в 4-м мехкорпусе. В беседе с Зуевым и Виноградовым Власов неоднократно говорил, что великие

стратеги — это по поводу Мерецкова — завели армию на гибель.

Власов по адресу тов. Мерецкова говорил: «Звание большое, а способности...» — и дальше не договаривал, но он давал понять.

Судя по разговору Власова, он не хотел никого понимать и хотел быть хозяином.

Власов во 2-й ударной армии не любил начальника особого отдела Шашкова, это Власов не раз высказывал Зуеву, а один раз Власов скомандовал Шашкову выйти из землянки.

С первых дней моей работы Власов меня предупредил, что с ним живёт жена, она же и доктор, начальник медпункта при штабе, это П. Агнесса Павловна. Впоследствии я узнал, что она с ним выходила из киевского окружения и он её привёз в 20-ю армию. П. чувствовала себя хозяйкой, она в медпункте почти и не находилась, работал фельдшер, а П. занималась военторгом и АХО, чтобы были духи и прочее. Кроме этого, она набиралась нахальства отдавать приказание коменданту штаба, а также имела способность наклеветать на работников штаба, а Власов считал это нормальным явлением. В феврале месяце 1942 г. она уехала в город Саратов.

После отъезда П. в этот же день в качестве личного повара из военторга перевели Марию Игнатьевну ... Она считалась поваром-инструктором при военторге, а фактически не работала. Она почувствовала хорошее отношение Власова к ней, частенько устраивала истерику, а Власов за ней ухаживал, как за ребёнком.

Настоящая жена Власова — Анна Михайловна Власова...»^{155}.

Бывший рядовой 285-го отдельного батальона связи 2-й ударной армии С.А. Сучелов увидел нового командарма таким: «Блиндаж командующего под семью накатами находился недалеко, но заходить туда могли только такие личности, как комдивы, комкоры, комбриги. Нам, маленьким исполнителям, редко удавалось кого-либо увидеть. Однако нового командарма я вскоре увидал.

Власов вышел однажды из своего блиндажа в сопровождении адъютантов и стал останавливать рядовых солдат, приказывая, чтобы мы проходили мимо него строевым шагом и отдавали честь.

Всех подробностей о Власове как командующем, я знать не могу, но осталось впечатление, что именно со вступлением его в должность в армии стала ощущаться какая-то апатия, и с завоёванной территории войска начали отступать. Начались трудности со снабжением...»^{156}.

В конце марта 1942 г. двадцатилетняя З.И. Гусева лично

познакомилась с Власовым. Об этой короткой встрече она оставила следующее воспоминание:

«Он сел на край стола, я — около стола. Власов поинтересовался, откуда я родом.

— Из-под Пскова...

— Где родители?

— Отец в партизанах, мама с двумя братьями и сестрой в оккупации.

Генерал меня успокоил, сказав, что скоро Ленинградская область будет освобождена и я встречу с семьёй.

— Где учились? — спросил.

Я ответила, что закончила Средкинскую среднюю школу... Власов надел на голову генеральскую папаху и спросил:

— Вы видели фильм «Разгром немцев под Москвой»?

— Пока нет, товарищ генерал.

— Так вот, когда будете смотреть, обратите внимание на генерала в папахе — это я.

— Обязательно, — отвечаю я и спрашиваю: — Товарищ генерал, вы, наверное, и с Иосифом Виссарионовичем встречались?

— Неоднократно. И разговаривал с ним вот так, как мы с вами сейчас говорим.

Потом Власов рассказал о Китае, где был военным атташе, какие китайцы работающие и как бедно живут; о Японии, быте и нравах японцев. Затем взглянул на часы и сказал: «Я вижу, вы грамотная девушка, вам надо учиться дальше. Завтра будет самолёт на Москву. Подготовьтесь и летите. Здесь скоро будут страшные бои, и вы погибнете».

Я, недолго думая, ответила: «Нет, товарищ генерал, пока Родина в опасности, я с фронта никуда не уйду!»

Он задумчиво посмотрел мне в глаза и сказал: «Другого ответа я от вас и не ждал...» Проводил меня до двери, и больше я его не видела»^{157}.

В это время Власов ещё надеялся на чудо, был бодр и продолжал очень много внимания уделять себе. Об этом можно узнать из его писем жене официальной и походно-полевой: (в апреле) «Сам здоров и бодр, чего особенно от души желаю тебе...»; «Ненавистных насильников-фашистов бьём по-прежнему и постараемся к 1-му Мая задать им большого жару»; «Сейчас я работаю недалеко уже от того места, где жила Надя! Работа идёт хорошо. Бьём ненавистных фашистов, расстроивших нашу счастливую жизнь, не плохо, а скоро готовим им удар ещё сильнее»; «На новом месте работа по объёму стала больше, ответственнее и почётнее. Но ты знаешь, моя любимая и дорогая Аня, что куда твоего Андрюшу ни пошлют

правительство и партия — он свою задачу выполнит с честью. Всё идёт хорошо... Скоро, очень скоро будет конец проклятым фашистам. Хватит им издеваться над нашей дорогой Родиной... Ты, Аник, не поверишь, как я поправился, это, видимо, от старости. Крепко поседел (много седины в башке стало) и полысел, а здоровье крепкое. Ничего не болит. Зубы в порядке. Одним словом, крепко поправился, пополнел и закалился. Сейчас у нас кругом вода — разлив в полном разгаре»; «Я сейчас выполняю ответственную задачу... Бъём фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки ещё сильнее. Работаю примерно на той же должности, когда был с тобой вместе, только объёмом она гораздо больше, почётнее, ответственнее. Но ты прекрасно знаешь, что, куда твоего Андрюшу ни пошлют правительство и партия, — он всегда любую задачу выполнит с честью... У нас всё залило — водополье в полном разгаре»; «Спешу сообщить тебе, что я бодр и здоров. Бъём фашистов по-прежнему. Поздравляю с наступающим праздником 1-е Мая. Желаю провести его счастливо и радостно»; (в мае) «Фашистов бьём по-прежнему. В этом году надеемся ликвидировать их полностью. Такую задачу нам поставил наш Великий вождь, и мы её должны во что бы то ни стало выполнить»; «Эта война особенно жестока. Сволочи фашисты ведь решили совсем варварски стереть с лица земли наш могучий народ. Конечно, это их бредни. Конечно, мы уничтожим эту гадину... У меня лично есть всё — о мне не беспокойся»; «Одно скажу: ведь недаром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично беседовал с нашим великим Вождём. Это, конечно, так не даётся. Тебе уже, наверное, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и др. города и села, а теперь также командую ещё большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина»; «Правда, сейчас обстановка немного лучше, чем тогда, когда мы начали бой, тогда, когда ты вместе со мной ехала в машине, но всё же обстановка серьёзная. Но, невзирая ни на что, мы проклятых извергов фашистов всё равно сотрём с лица земли. И это будет очень скоро. Поверь, что теперь немцы уже не те, что были раньше, да и мы крепко за прошедшее время научились кой-чему, как, главное, бить фашистов их же методами, создавая им мешки и окружения. Дорогой, родной, милый Алюсик! Меня наш великий вождь послал на ответственное задание, и я его скоро, очень скоро выполню с честью. Тогда ты не будешь упрекать меня ни в чём, когда узнаешь, в какой обстановке мы находились. Скоро всё же фашистам на

этом участке конец»^{158}.

Так, наверное, и думал Власов. Однако обстоятельства оказались сильнее его хвастливых слов.

20–21 марта противнику удалось перерезать коммуникацию 2-й ударной армии, закрыв коридор, но 28 марта, усилиями 2-й ударной армии и частей 52-й и 59-й армий, коридор был открыт. 23 апреля Волховский фронт был ликвидирован, войдя в состав Ленинградского фронта, которым командовал генерал-лейтенант М.С. Хозин.

13 мая член Военного совета 2-й ударной армии И.В. Зувев, прибыв в Малую Вишеру, доложил о безвыходном положении армии, а 21 мая Ставка ВГК отдала приказ с 1-го июня начать отвод частей 2-й ударной армии в обратном направлении через коридор к Мясному Бору.

Официально части армии, выполняя приказ войскам Волховского направления Ленинградского фронта, изматывая части противника, выходили, отрываясь от него, на основной рубеж обороны Ольховка — Фенёв Луг. Неофициально массовый отход войск армии начался уже 24 мая.

Об этом говорит следующая телеграмма командующего войсками Ленинградского фронта командующему 2-й ударной армией от 24 мая 1942 г. 01 ч. 35 мин.:

«Ваше поведение непонятно. Уже третий раз вами своевременно не доносится об оставлении населённых пунктов. Вы оставили КП без разрешения и потеряли управление войсками на железнодорожном направлении, где обстановка осложняется.

Приказываю принять меры к планомерному выводу частей в соответствии с планом. Противника, пробравшегося в район Дубовик, ликвидировать, не допуская перехвата им путей отвода войск армии.

ХОЗИН

ЗАПОРОЖЕЦ

СТЕЛЬМАХ»^{159}.

2 июня на стыке 59-й и 52-й армий противнику удалось полностью перехватить пути подвоза 2-й ударной армии и соединить свои северную и южную группировки. Это значит, что в этот день немцы вторично закрыли коридор, осуществив полное окружение армии. Только 21 июня на узком участке шириной 1–2 километра в том же коридоре линия фронта противника вторично была прорвана и начался организованный вывод

частей 2-й ударной армии. А 25 июня противнику в третий раз удалось закрыть коридор и прекратить выход частей^{160}.

Именно в июне 1942 г. для Власова все шуточки закончились. Он прекрасно понял, что его никто не сменит на этом посту, а значит, всю ответственность за вывод армии из окружения придётся нести самому. И давайте не забывать, что он вполне мог быть обижен, потому что его лишили достаточно высокой (пусть не чётко очерченной) должности заместителя командующего войсками Волховского фронта, которой не стало вместе с фронтом 23 апреля. А ведь он долго надеялся на лучшее и уверовал в свою звезду. Когда 9 июня Волховский фронт был восстановлен, места для Власова уже не нашлось!

Генерал Хозин вспоминал: «Из документов того периода видно, что 19 июня 46-й стрелковой дивизии, 25-й и 57-й отдельным стрелковым бригадам 2-й ударной армии удалось сблизиться с передовыми частями 25-й кавалерийской дивизии 59-й армии, но развить успех они не смогли. И только 21 июня совместными ударами 59-й и 2-й ударной армии удалось разорвать кольцо окружения на ширину около 1 км. В образовавшийся проход к 20 часам 22 июня вышло из окружения около 600 человек.

24 июня связь со штабом 2-й ударной армии прервалась. Противник вновь прорвал фронт на основном рубеже её обороны в районе Финёва Луга и начал развивать наступление вдоль железной дороги и узкоколейки в направлении на Новую Ке-ресть. С 9.30 25 июня выход из окружения прекратился. Связь со штабом 2-й ударной армии восстановить не удалось»^{161}.

Тут надо отметить, что когда Власов докладывал Военному совету Волховского фронта об увеличении количества смертных случаев и заболеваемости от истощения в частях армии, то он имел в виду лишь ситуацию, в которой уже не мог полноценно управлять вверенными ему войсками. Ведь сам он был всегда сыт и в отличие от бойцов и командиров пользовался услугами походно-полевой жены, которая всегда находилась под боком, даже при выходе из окружения. И это важно.

Более того, до 20 июня Власов был ещё уверен в прорыве окружения.

Офицер оперативного отдела 59-й армии капитан И. Катъшкин был свидетелем проведения боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из окружения под руководством будущего маршала Василевского. Автор книги о нём И.А. Слухай пишет: «Генерал А.М. Василевский, находившийся в этот момент на КП 59-й армии, приказал срочно связать его по радио с командующим 2-й ударной А.А. Власовым. Катъшкин с

группой офицеров штаба находились неподалёку и стали свидетелями этих переговоров: Из реплик Василевского им стало ясно, что Власов фактически потерял управление своими войсками. В связи с этим ему было предложено встретить самолёт, который доставит его и других членов Военного совета в распоряжение 59-й армии. Однако Власов от самолёта категорически отказался, высокопарно сославшись на то, что, дескать, его место в войсках, сражающихся с врагом...

Командование Волховского фронта решило предпринять встречный удар 59-й и 2-й ударной армии вдоль узкоколейной железной дороги. Этот приказ был передан Власову. Войска 59-й армии атаковали противника, но согласованной атаки со стороны 2-й ударной не последовало, и встречный удар не получился. Соединениям 59-й армии тут же была поставлена задача установить наземной разведкой расположение частей 2-й ударной и собственными силами обеспечить их выход. Однако в ночь на 24 июня связь со штабом Власова странным образом нарушилась и больше не восстанавливалась»^{162}.

К слову сказать, некоторые исследователи не понимают или не желают понимать главного: вина Власова заключается не в том, что он не предотвратил окружение армии, а в том, как он её выводил из него. Проще говоря, лично Власов как командующий для этого не сделал ничего.

В докладной записке «О срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения» не случайно указывается: «Положение 2-й ударной армии крайне осложнилось после прорыва противником линии обороны 327-й дивизии в районе Финёв Луг. Командование 2-й армии — генерал-лейтенант Власов и командир дивизии генерал-майор Антюфеев — не организовало обороны болота западнее Финёв Луг, чем воспользовался противник, выйдя во фланг дивизии.

Отступление 327-й дивизии привело к панике, командующий армией генерал-лейтенант Власов растерялся, не принял решительных мер к задержанию противника, который продвинулся к Новой Керести и подверг артиллерийскому обстрелу тылы армии, отрезал от основных сил армии 19-ю [гвардейскую] и 305-ю стрелковые дивизии...

Командный пункт армии оказался незащищённым, в бой была введена рота особого отдела в составе 150 человек, которая оттеснила противника и вела с ним бой в течение суток — 23 июня с.г.

Военный совет и штаб армии вынуждены были сменить место дислоцирования, уничтожив средства связи и, по существу, потеряв управление войсками.^{163}

Командующий 2-й армией Власов, начальник штаба Виноградов проявили растерянность, боем не руководили, а впоследствии потеряли всякое управление войсками»^{164}.

Как вспоминал генерал-майор Афанасьев, «нужно отметить, что тов. Власов, несмотря на обстрел, продолжал стоять на месте, не применяясь к местности, чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость. Когда я стал предупреждать — «надо укрыться», то всё же он остался на месте. Заметно было потрясение чувств...

Тов. Власов был безразличен, общим командиром был назначен, предложил свои услуги Виноградов. Меня тов. Власов предложил комиссаром»^{165}.

И ещё: «При выходе Военного совета отсутствовала организация боя и управление войсками было потеряно...

Организация вывода 2-й ударной армии страдала серьёзными недостатками. С одной стороны, в силу отсутствия взаимодействия 59-й и 2-й ударной армий по обеспечению коридора, что в большей степени зависело от руководства штаба фронта, с другой стороны, в силу растерянности и потери управления войсками штаба 2-й ударной армии и штабами соединений при выходе из окружения»^{166}.

Несмотря на некоторые принципиальные вопросы, понять Власова можно. Это было его самое большое поражение во всей жизни. Это был конец карьеры. Поставьте себя на его место, что бы сделали вы? Но представить себя на месте Власова, видимо, невозможно.

А ведь ещё совсем недавно... Кинорежиссёр Роман Кармен рассказывал: «С Власовым я встретился под Волховом, за несколько дней перед тем, как он попал в кольцо, и за месяц перед тем, как сдался. Мы провели всю ночь в его землянке накануне моего отъезда; знакомы были давно, с Китая ещё. Он был у меня на свадьбе с Ниной тамадой и посаженным отцом, так что говорили на «ты»... Стол был скромный: варёная картошка, банка мясной тушёнки и бутылка самогона... Как рефрен у меня до сих пор в ушах звучат его слова: «Ромка, всё равно мы победим, что бы ни случилось! Как бы страшно ни складывалась обстановка, мы сломим фрицам шею, если только с нами будет товарищ Сталин... Если судьба и дарила России гениев, то в его лице мы имеем самого выдающегося...»^{167}.

«До 12 июля 1942 г. генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов был вполне благонадёжным советским генералом, не более того... — пишет Александр Орлов. — По пути следования с большой группой, в составе которой двигался генерал-лейтенант Власов, происходили всякие коллизии. Немцы были кругом. Пройти не удавалось. Напарывались на мины. Гибли. Посылали вперёд разведгруппы. Они не возвращались. Часть людей рассеялась, ушла своим путём. Немцы перекрыли все направления надёжно. Скитания продолжались уже не один день. Наконец, у Ольховских хуторов на реке Кересть (ныне не существующий населённый пункт. — А.О.) удалось перейти на западный берег... Генерал Афанасьев и ещё три человека ушли по своему маршруту. Им повезло, очень скоро они наткнулись на лужских партизан из отряда Сазонова. Власов, Виноградов, его ординарец и кухарка Власова Мария Воронова пошли своим путём. От того места, где они расстались с группой генерала Афанасьева, путь этот пролёг на юг в сторону деревень Туховежи — Ям-Тесово. Расстояние между этими деревнями километров 6–8. Судя по направлению движения, полковник Виноградов хотел выйти к позициям советских войск в район Луги. Этому не суждено было случиться... [f168](#)».

«Читаем Карела Рихтера: «12 июля на рассвете офицер разведотдела XXXVIII армейского корпуса капитан Швердтнер пришёл будить переводчика зондерфюрера Карла Поелхана:

— Вставай, едем в Ям-Тесово.

— Что случилось?

— Вчера вечером дозор застрелил там некоего мужчину. Похоже, это генерал Власов. Необходимо идентифицировать.

Штаб 38-го армейского корпуса немцев находился в те времена в деревне Раглицы... Именно отсюда и выехали на опознание якобы генерала Власова капитан Швердтнер и его переводчик. По пути они заехали в деревню Туховежи, где должны были взять автоматчиков сопровождения. В деревне к ним подошёл староста, который заявил, что он задержал двух подозрительных особ: мужчину и женщину, которые просили у него еду и ночлег, предложив в обмен серебряные часы. Часы староста показал немцам. Капитан Швердтнер ни слова не понимал по-русски, да и к тому же очень торопился опознать труп генерала Власова. Он попросту отмахнулся от назойливого старосты. Правда, Поелхан приказал, чтобы

задержанных староста охранял, дабы не убежали, пока немцы ездят в Ям-Тесово.

В деревне Ям-Тесово немцам показали раненого русского солдата с рукой на перевязи, которого подстрелили при попытке к бегству, когда дозор крикнул двум людям в военной форме: «Стой!» Второй из убежавших был застрелен. Труп положили в сарай. Туда и повели капитана Швердтнера.

«Мёртвый лежал на соломе, высокий сутулый, одетый в плащ. Восковой бледности щёки покрывала густая чёрная щетина.

— Это твой командир? — перевёл Поелхан вопрос капитана Швердтнера.

— Да — повёл опущенными плечами солдат.

— Генерал Власов?

— Да.

Швердтнер махнул рукой:

— Можете пленного увести.

Склонился над убитым, минуту на него поглядел. Всё соответствовало описанию Власова: высокий, статный, тёмные волосы, высокий лоб, широкий нос, выступающие скулы.

Отсутствовали очки, но их можно потерять. Без сомнения, это Власов. Его ординарец это подтвердил. Да и плащ. На нём были три звезды, что соответствовало званию генерал-лейтенанта Красной Армии»^[169]. Абсолютно уверенный в том, что дозор застрелил в деревне Ям-Тесово именно Власова, Швердтнер приказал похоронить убитого, составив протокол опознания. По радио он известил командование корпуса, что тело генерала Власова успешно опознано. Обратная дорога снова лежала через Туховежи. И снова к ним подошёл надоедливый русский. Он подвёл немцев к двери пожарного сарая, запертого на висячий замок. Швердтнер взял автоматчика охраны и поставил их у дверей. Староста деревни снял замок. Переводчик крикнул:

— Выходите! Вы окружены!

Пару минут было тихо. Потом отозвался глубокий голос:

— Nicht schiessen, general Vlasov!»

Далее Александр Орлов пишет: «Путь группы, в которой шёл командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов, прослежен мною по карте. Группа прошла от рубежа реки Полнеть до момента расставания с генералом Афанасьевым почти 70 километров. Место, в котором они распрощались навсегда («это было 10–11 июля» — ген. Афанасьев), отстоит от деревень Туховежи и Ям-Тесово в десяти

километрах. Именно столько и можно было пройти за день измождённым и голодным людям, не больше. Всё сошлось. Сомнений нет. Власов попал в плен в деревне Туховежи Ленинградской области, совсем неподалёку от границы нынешней Новгородской области. К западу от Мясного Бора, куда ему не суждено было выйти вместе с остатками своей измождённой армии. Староста деревни Туховежи запер его и Марию Воронову в сарае 11 июля, а в руки немцам сдал их 12 июля. От деревни Туховежи путь Власова повернул в другом направлении...

Осталось только объяснить читателю, кого же застрелили немцы в деревне Ям-Тесово, и почему на убитом был плащ с генеральскими звёздами? Немецкий дозор застрелил полковника Виноградова, начальника штаба 2-й ударной армии и ранил его ординарца. Плащ на Виноградове был генеральский потому, что незадолго перед расставанием Власов дал его полковнику, которого сильно знобило. Так они и пошли по деревням искать пропитание: генерал — в гимнастёрке без знаков различия, полковник — в генеральском плаще. Внешне Виноградов был слегка похож на своего командующего...»[{170}](#).

Говорят, что на месте Мясного Бора раньше была скотобойня. Отсюда и первоначальное название Мясной Бой. По мнению местных жителей, в окрестностях этой деревни уже давно существуют два параллельных мира. Что и говорить, если «в местечке Остров подняли останки 36 комиссаров... Рядом не было ни одной немецкой гильзы, только советские. Как предполагают поисковики, офицеры оказались в ловушке и застрелились.

Только в 57-й и 59-й бригадах было 12 тысяч человек. Из первой выжили 85 человек. Из второй — 115. Погибшие остались в Бору и не были похоронены. За месяц до Любаньской операции выбросили десант (2-ю десантную бригаду, сформированную в Саратовской области). Из 3 тысяч человек вернулись 12. Под Новгородом осталась и 53-я отдельная стрелковая бригада тоже из Саратова»[{171}](#).

В мае 2003 г. поисковики отряда «Гвардия» под руководством А. Орлова недалеко от Мясного Бора нашли штаб 2-й ударной армии.

«Там же, неподалёку от деревни Замошье, в руки поисковиков попал архив НКВД. Читая его, следопыты открыли для себя по-настоящему неизвестную войну. Сохранились, например, документы, повествующие о некоем ефрейторе, арестованном за... каннибализм. Вырезав у убитого солдата печень, он приготовил её и съел. По законам военного времени его расстреляли без суда и следствия. В НКВД попал и интендант расквартированной в Замошье части. Ответственный за материальное

обеспечение офицер продал машинное масло с собственного склада деревенским жителям, а на полученные деньги ушёл в загул. После чего бегал по деревне, размахивая пистолетом. Когда его задержали, выяснилось, что без смазки его собственный пистолет заржавел настолько, что из него невозможно стрелять»^{172}.

Например, за 15 лет работы поисковиков организации «Долина» были найдены останки 67 тысяч советских воинов, более 13 тысяч из которых удалось опознать...

Получилось так, что «Долина смерти» в Мясном Бору стала «Долиной смерти» карьеры генерала Власова...

19 июля 1942 г. в берлинской газете «Новое слово» была напечатана статья под броским названием «Как был взят в плен генерал Власов».

«Среди пленных, взятых германскими войсками при окружении большевиков в районе реки Волхов, находится и сам командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов, — пишет её автор. — Отдельные разрозненные группы этой армии блуждали в лесах и по болотам и, в поисках пропитания, нападали на мирных жителей окрестных деревень.

Из донесений стало известно, что и сам командующий скрывался в волховских лесах. Германским солдатам были сообщены приметы генерала Власова. После одной из стычек с бродячей большевистской бандой разнёсся слух, что Власов был убит. Но слух этот не подтвердился. Германский офицер, выяснивший, что советский командующий жив, на обратном пути проезжал деревню, бургомистр которой сообщил ему, что в одном из домов скрывается большевистский командир и с ним какая-то женщина.

Офицер арестовал неизвестного. Последний был одет в длинную блузу, которую обычно носят чины советского командного состава. Германский офицер сразу узнал Власова по роговым очкам, но тот, не дожидаясь вопроса, на ломанном немецком языке сказал:

— Не стреляйте! Я — генерал Власов.

Предъявленными им документами, а также очной ставкой с другими пленными командирами личность Власова была точно установлена.

Генерал-лейтенант Власов, Андрей Андреевич, в чине генерал-майора в декабре 1940 г. командовал 99-й стрелковой дивизией, считавшейся лучшей дивизией Киевского Особого военного округа.

Готовясь к войне с Германией, советское командование заранее подобрало командный состав для Красной Армии. Генерал Власов, в начале войны командовавший дивизией, зимой получил в командование 2-ю ударную советскую армию, и на него было возложено выполнение важной операции. Он должен был прорвать линию германского фронта на Волхове, а затем разорвать кольцо, сжимающее Петербург. Задания этого Власову выполнить не удалось — армия его была уничтожена и сам он очутился в плену»^{173}.

Не обращая внимания на пропагандистские трюки немцев, где явная

ложь смешана с правдой, отметим: в статье Власов подчёркнуто назван командиром лучшей в Красной Армии 99-й стрелковой дивизии!

Однако по каким именно причинам 99-я стала лучшей, можно только догадываться. Но ведь она никогда не была и худшей. С 1938 г. по 1939 г. этой дивизией командовал комбриг (затем комдив) Сергей Михайлович Честохвалов. После окончания Военной академии имени Фрунзе в 1934 г. он был назначен сначала помощником командира 51-й Перекопской стрелковой дивизии, затем военным комиссаром Генштаба РККА (1937–1938 гг.). Под его командованием 99-я стрелковая дивизия участвовала в походе 1939 г. в составе Каменецкой армейской группы Украинского фронта под командованием командарма С.К. Тимошенко. В 1940 г. Честохвалов будет выдвинут на должность командира 25-го стрелкового корпуса и станет генерал-майором. Но в отличие от Власова ему не повезёт. Сергей Михайлович пропадёт без вести 16 июля 1941 г. в районе деревни Рибшево Смоленской области^{174}. И всё же «командир лучшей дивизии» Власов возник со страниц немецкой пропаганды, как некая визитная карточка сдающихся в плен. В Красной Армии почему-то меньше немцев знали такого генерала и такую дивизию. Зато сейчас многие исследователи козыряют этим фактом биографии предателя, совершенно не осознавая, откуда он вылез...

14 июля 1942 г. Власова доставили на станцию Сиверская в штаб 18-й армии, где он и был допрошен. Согласно Женевской конвенции Андрей Андреевич был обязан сообщить только своё имя, воинское звание и наименование воинской части, которой командовал. Все остальные сведения сообщать он не был обязан. Однако про какие-либо конвенции малообразованный генерал ничего не знал, а потому рассказал немцам абсолютно всё, что знал. При этом старался зарекомендовать себя как можно более сговорчивым, угодливым и полезным. Что и подтверждает протокол его допроса^{175}.

Потом был Винницкий лагерь, где Власов скрашивал своё пребывание в этом лагере «преферансом, приёмами высоких гостей, душевными беседами и водкой»^{176}.

«Об этом его периоде жизни рассказал на следствии бежавший из гитлеровского плена батальонный комиссар Иосиф Яковлевич Кернес — постоянный партнёр генерала по преферансу, — пишет Павел Александрович Пальчиков. — В течение месяца они были вместе и почти каждый день расписывали «пульку».

Судя по материалам уголовного дела Кернеса, Власов не хотел

признавать себя побеждённым. Утверждал, что 2-я ударная армия высшим советским командованием была отдана на растерзание фашистам...

По словам Кернеса, в лагере Власов держался с достоинством, к немцам обращался без подобострастия: знал себе цену. Любил беседовать в обществе из пяти-восьми человек о своей службе в Красной Армии, о командировке в Китай, которая якобы спасла его от репрессий 1937–1939 гг. Отмечал, что не обижен в смысле своей карьеры, ибо очень быстро из командира дивизии и корпуса стал командующим армией и заместителем командующего фронтом, что путь от рядового бойца до командира соединения прошёл последовательно, не перепрыгивая через ступень.

В своих беседах Власов пытался найти хоть какие-либо оправдательные мотивы предательства. Всё чаще заговаривал о том, что за многие годы службы в армии сумел накопить лишь несколько штанов да мундиров, приобрести самую посредственную домашнюю обстановку, в то время как соответствующие его рангу германские генералы имеют собственные виллы и крупные вклады в банках.

Однажды кто-то ему возразил, что «виллы» и старость себе и потомкам обеспечили многие из высшего генералитета — Ворошилов, Будённый, Кулик, Берия... В очень неплохих условиях до репрессий жили Тухачевский, Егоров, Дыбенко, Корк, Якир...

«О какой обеспеченной старости наших командиров можно говорить, — возмутился Власов, — если их могут в любой момент по одному подозрению, навету арестовать, а затем и расстрелять. И их настоящие заслуги перед Отечеством никто учитывать не будет. Другое дело — офицер германской армии, уважаемый, самостоятельный в своих действиях и обеспеченный круглой суммой накоплений и солидной пенсией при отставке!»

По предложению Кернеса Власов, возможно, и не согласился бы возглавить РОА, если бы не один случай. Однажды во время традиционной игры в карты вошёл кто-то из новых партнёров и сообщил о приказе Сталина, объявлявшем Власова изменником Родины. Последний страшно возмутился: «Нет, вы только подумайте, как ценят людей в советской стране. Ни за грош заслуги! Десятки лет непорочной службы, а после пленения, в котором я совершенно невиновен и об обстоятельствах которого я готов отчитаться, меня поторопились произвести в изменники. У нас всё возможно, а уж врагом народа объявить могут и деревянный столб»^{177}. А «3 августа 1942 г. Власов обратился к немецким властям с письмом, в котором предлагал приступить к созданию русской армии из советских военнопленных и белогвардейских формирований, находящихся

на территории Германии...»^{178}. Терять ему уже, видимо, было теперь нечего!

В отличие от Власова, другие советские генералы рассуждали иначе. Например, генерал Понеделин прекрасно знал, что объявлен Сталиным вне закона в приказе. В частности, он говорил подполковнику Новобранцу, «что там, в Москве, по-видимому, очень плохо знали, что происходило на фронте. Вернёмся на Родину и во всё разберёмся». В. Новобранец вспоминал: «Он рассказал мне, что немцы пытались склонять его на переход к ним на службу. Понеделин ответил так, как должен был ответить мужественный и честный советский гражданин и воин:

— То, что я объявлен вне закона, — это наше семейное дело. По окончании войны народ разберётся, кто изменник. Я был верным сыном Родины и буду верен ей до конца.

Фашисты грозили:

— Так и этак вы всё равно погибнете: на Родине вас расстреляют, в плену вы тоже погибнете. Так не лучше ли служить нам?

— Нет, — отвечает генерал, — лучше смерть, чем измена!

Понеделин выдержал плен, был примером стойкости и мужества для всех пленных. Когда же вернулся на Родину, его арестовали. Вышел он из тюрьмы после XX съезда партии, но вскоре от многих испытаний заболел и умер»^{179}.

Власов «14 июля на допросе в штабе 18-й армии в Сиверской подробно разобрал ход боёв в июне 1942 г. на Волхове с командующим 18-й армией генерал-полковником вермахта Г. фон Линдеманом, — считает историк из Санкт-Петербурга К.М. Александров. — Также перечислил номера армий фронта и фамилии их командующих, хорошо известные немцам. Кроме этого, охарактеризовал Мерецкова, Жукова и Сталина». А дальше у историка звучит вот такой перл: «Никаких секретных или ценных сведений противнику не сообщил»^{180}. То есть ничего не рассказал тот, кто рассказал всё, что знал. А тем более, тот, кто «подробно разобрал ход боёв в июне 1942 г. на Волхове с командующим» армией своего врага! Ничего себе заявление!

Дело в том, что Андрей Андреевич Власов военную присягу принял в феврале 1939 г. Это записано в его личном деле^{181}.

А в тексте той новой присяги было чёрным по белому написано: «Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Словом, Власов, в отличие от Александрова, который видимо, не принимал никакой присяги, вполне знал, на что шёл. А когда ответил за это, то его постигла именно та суровая кара, именно та всеобщая ненависть и именно то презрение, о которых его предупреждала военная присяга. Так что не нужно сваливать с больной головы на здоровую, не нужно кивать ни на какие режимы и правительства, ведь речь идёт об обыкновенном законном обязательстве гражданина перед своим Отечеством и не более.

Но и это ещё не всё.

«Я сжёг все мосты, связывающие меня с родиной, — жаловался Власов немецкому полковнику Гелену. — Я пожертвовал своей семьёй, которая сегодня в лучшем случае находится в лагере, а скорее всего, уничтожена»^{182}.

Поэтому он вполне сознательно предал не только своё отечество, но и

своих женщин, внебрачных детей и внуков.

Не зря после войны в народе ходил популярный анекдот:

«— Генерал Власов, почему вы перешли на сторону фашистов?

— Видите ли, всё зависит от окружения...»

Анна Михайловна Власова — официальная жена, была арестована в 1943 г. и 5 лет отсидела в Нижегородской тюрьме. После освобождения работала в Балахне. Ходила по магазинам, морила крыс и мышей, собирала пустые бутылки. Жила неизвестно где, скиталась по баракам и сараям...

Агнесса Павловна Подмазенко — походно-полевая жена, также 5 лет провела в лагерях, а потом до 1959 г. работала на Севере (Норильск, Дудинка). В мае 1963 г. она устроилась на работу в Брестский областной кожно-венерологический диспансер, где оказалась отменным специалистом и вышла на пенсию в 1991 г. в возрасте 74 лет. 5 мая 1997 г. она скончалась.

Из 300 домов села Ломакино, родины генерала Власова, на фронт ушли все мужики. Как вспоминает Василий Тулупов, домой вернулись всего пятеро и все раненые. При этом никто из ломакинцев власовцем не стал. Все воевали честно^{183}. А значит, он предал и своих земляков.

Герой Советского Союза генерал армии Н.Г. Лященко в своих воспоминаниях отмечал цепкий ум Власова, хитрость, изворотливость, умение подчинять людей своей воле, говорить им то, что они хотели от него услышать...

Генерал-майор Д.И. Ортенберг писал, что Власов говорил много, грубовато острил, сыпал прибаутками. Худощавого мужчину высокого роста, в очках с тёмной оправой на морщинистом лице он назвал «Артистом», который ведёт себя в соответствии с натурой.

Переводчик разведотдела штаба 20-й армии Г.Я. Рудой запомнил Власова высоким мужчиной со стрижкой «ежиком» в круглых очках в тонкой пластмассовой оправе, а ещё виртуозным матерщинником. Ходил Власов в валенках, стёганных ватных брюках и меховом жилете поверх гимнастёрки с генеральскими звёздами.

Монгольские скулы Власова, близорукие глаза за очками в огромной оправе, — это первое впечатление поэта Е. Долматовского. Голенаст, костляв, молчалив и сдержан. При подчинённых позволял себе быть босым (словно демонстрируя плоские, давно не стриженные жёлтые ногти) и в расстегнутом кителе.

Офицер разведотдела 2-й ударной армии З.И. Гутин более двух месяцев по службе общался с Власовым. Он заметил его честолюбие и беспринципность. По его наблюдению, Власов заботился только о себе и о своей карьере. Даже принимая доклады подчинённых, будущий предатель позволял себе быть небрежно одетым (пуговицы мундира расстёгнуты или мундир накинут на плечи), а перед ним стоял подчинённый по стойке «смирно».

Особенно обращал на себя организованный со вкусом быт командующего. Зато когда армия оказалась в полном окружении, Власов как-то сразу растерялся и сник, практически потерял управление войсками.

Совершенно другим отмечал Власова Хрущёв. В Киеве в 1941-м докладывающий обстановку Власов показался ему спокойным и уверенным. Говорил, по мнению Никиты Сергеевича, со знанием дела.

Во второй раз Хрущёв заметил у Власова вырезанную трость из орешника, которой тот похлопывал себя по голенищу. Во время миномётного обстрела держался вроде бы спокойно. Однако как-то сразу предложил, во избежание неприятностей, залезть в щель.

На одного из военных корреспондентов Власов произвёл любопытное впечатление. Обращали на себя самоуверенность и властность командующего 2-й ударной. При этом Андрей Андреевич стремился казаться человеком широкой души и демократом. На людях первым здоровался со встречными красноармейцами. Награды не носил (видимо, просто берёт их состояние исходя из деревенского воспитания). Будущий предатель прекрасно понимал значение прессы, любил привечать журналистов и достаточно серьёзно заботился о своём имидже.

Писателя И. Эренбурга Власов изумил прежде всего ростом — метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами — говорил он образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. Эренбург напишет о двойном чувстве: я любовался и меня в то же время коробило — было что-то актёрское в оборотах речи, интонациях, жестах.

В своих воспоминаниях Эренбург припомнит: «Мне принесли листовку, подобранную на фронте, она у меня сохранилась. В ней идёт речь обо мне: «Жидовская собака Эренбург кипятится», подписана листовка «Власовцы». Я вспомнил, как рослый генерал в бурке полгода назад при прощании меня трижды поцеловал...»

При этом никак нельзя забывать, что Андрей Андреевич терпеть не мог евреев. По наблюдению его адъютанта майора Кузина, командующий употреблял выражение «евреи атаквали военторг» и т.п. и ещё в 20-й армии буквально разогнал работников военторга — по национальности евреев. Андрей Андреевич любил повторять, что воевать будет кто-либо, а евреи будут писать статьи в газеты и за это получать ордена.

Недолюбливал генерал и комиссаров. Приезжая в дивизии, он с ними даже не разговаривал. А комиссары в отделах штаба армии просто боялись ему попадаться на глаза. Когда во фронтовой газете появилась карикатура на немецких генералов, то будущий предатель, рассматривая её, заявил: «Над кем смеётесь, над чем смеётесь? Немецкий генерал уйдёт в отставку, он дворником не пойдёт, ибо он имеет свой капитал, а если я Власов, буду снят с работы и уволен, то мне придётся работать дворником, ибо специальности, кроме военной, нет, капитала тоже не имею».

По воспоминаниям Кузнецова, находясь один, Власов часто напевал «церковные богослужения». Был щедр на государственные средства на свои личные нужды и буквально экономил свои собственные средства. Отличался большим самолюбием. Некоторых подчинённых называл лодырями и дармоедами. Успехи его армии под Москвой буквально вскружили ему голову. После первой встречи со Сталиным Власов абсолютно всем рассказывал, как его принимал вождь, этим самым, давая

понять великую поддержку. Теперь нередко в разговорах он употреблял новое выражение: «могу с землёй смешать».

Автор книги о Власове Николай Коняев называет своего героя «чрезвычайно талантливым карьеристом, обладающим прирождённым даром очаровывать людей и при этом отличающимся завидной беспринципностью».

Говорят, одним из дежурных застольных выражений Власова в Германии у новых хозяев стали слова: «Водку кушать будем?!»

Неотвратимость наказания, которую он ощущал с момента перехода Красной Армии государственной границы, вынуждала его всё чаще и чаще забываться...

В сущности, весь этот портрет Власова, составленный со слов знавших его людей, резюмирует документ, составленный 26 октября 1944 г. сотрудниками Берлинского отделения (секция 4-Н) Тайной государственной полиции.

«...У него русско-народнический характер, он умён, с лёгким душком крестьянской хитрости. Он грубый и резкий, но в состоянии владеть собой. Оскорблений не забывает. Очень эгоистичен, самолюбив, легко обижается. В момент личной опасности несколько труслив и боязлив. Телом здоров и вынослив. Не особенно чистоплотен. Любит выпить. Переносит много алкоголя, но и тогда может владеть собой. Любит играть в карты. К женщинам не привязан. Дружбы с мужчинами не имеет. Человеческая жизнь для него малозначительна. Способен преспокойно выдать на повешение своих ближайших сотрудников. Особым вкусом не отличается. Одеваться не может. Может только различать старую и новую одежду. Способностей и интереса к иностранному языку не имеет.

Очень любит спорить, а войдя в азарт, может разболтать секреты. Однако это случается весьма редко. Может быть коварным, любит задавать заковыристые вопросы. Философию не любит. Его типично советское образование является поверхностным. К религиозным вопросам относится иронически и сам совершенно неверующ. К поставленной цели идёт неумолимо, в средствах при этом не стесняется. По тактическим соображениям может отказаться на некоторое время от проведения своих идей. К евреям относится не враждебно, ценит их как людей умных и пронырливых. Большой русский националист и шовинист. Принципиально настроен против разделения Великой России.

Его изречение: «Хоть по шею в грязи, но зато хозяин».

Против коммунизма не по убеждению, а из личного безысходного положения и потому, что потерял личные позиции. Придерживается

мнения, что русский народ очень благодарен большевизму за многое хорошее. Советское воспитание оказало на него влияние. Будучи в Советском Союзе сравнительно не известен, получил отказ других советских пленных генералов сотрудничать с ним. Как командир хорош на средних постах (комдив), а на более высоких постах считается сравнительно слабым. Хороший тактик, средний стратег...»^{184}.

«Конечно, чужая душа потёмки; всё же я осмелюсь изложить мои догадки. Власов не Брут и не князь Курбский, мне кажется, всё было гораздо проще. Власов хотел выполнить порученное ему задание: он знал, что его снова поздравит Сталин, он получит ещё один орден, возвысится, поразит всех своим искусством перебивать цитаты из Маркса суворовскими прибаутками. Вышло иначе: немцы были сильнее, армия снова попала в окружение. Власов... испугался... Оказавшись в плену, он начал думать, что ему делать. Он знал хорошо политграмоту, восхищался Сталиным, но убеждений у него не было — было честолюбие. Он понимал, что его военная карьера кончена...» — точно подмечает детали предательства Власова И. Эренбург^{185}.

А ведь так оно и было на самом-то деле!

На допросе в контрразведке СМЕРШ Власов расскажет, как в декабре 1942 г. его куратор капитан вермахта Штрик-Штрикфельдт организовал ему встречу в отделе пропаганды с генерал-лейтенантом Понеделиным — бывшим командующим войсками 12-й армии.

«В беседе с Понеделиным на моё предложение принять участие в работе по созданию русской добровольческой армии последний наотрез отказался, заявив, что немцы только обещают сформировать русские части, а на самом деле им нужно только имя, которое они могли бы использовать в целях пропаганды, — говорил Андрей Андреевич следователю. — Тогда же я имел встречу с генерал-майором Снеговым — бывшим командиром 8-го стрелкового корпуса Красной Армии, который также не согласился принять участие в проводимой мной работе, мотивируя свой отказ боязнью за судьбу своих родственников, проживающих в Советском Союзе.

После этого Штрикфельдт возил меня в один из лагерей военнопленных, находившийся под Берлином, где я встретился с генерал-лейтенантом Лукиным — бывшим командующим 19-й армией, у которого после ранения была ампутирована нога и не действовала правая рука.

В присутствии немцев Лукин высказался враждебно по отношению к советскому правительству, однако после того, как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и моё предложение не принял.

Потерпев неудачу в беседах с Понеделиным, Снеговым и Лукиным, я больше ни к кому из военнопленных генералов Красной Армии не обращался»^{186}.

Сам генерал-лейтенант Лукин об этой встрече поведал корреспонденту «Огонька» спустя два десятилетия: «В один из январских дней 1943 г. ко мне явился генерал-предатель Власов. Его сопровождал фашистский майор...

Власов был в длинном пальто, которое делало его ещё выше и сутулее, чем на заседании Военного совета Наркомата обороны в начале сорок первого, когда я видел его в последний раз. Он встретил меня стоя. Щёлкнул каблуками и приложил руку к полям фетровой шляпы на немецкий манер. Потом вытащил из кармана бумагу и театральным жестом протянул её мне: «Прошу вас прочитать, господин генерал!»

Не отвечая на его приветствие, я молча взял бумагу и стал читать. Это

было так называемое «Воззвание к русскому народу»...

— Ну и что? — спросил я, кончив чтение.

— Прошу подписать эту бумагу! — торжественно провозгласил Власов. — Вам доверяется высокая честь — быть командующим РОА!

— Вот что, Власов, — сказал я громко, чтобы меня слышали в соседней комнате, в которой, как я знал, собирались мои товарищи по плену, генералы и старшие офицеры Советской армии. — Вот что, Власов... Меня теперь уже не интересует вопрос, каким способом ты получил партийный билет и для чего ты его носил. В моих глазах ты просто изменник и предатель, и та шайка отщепенцев, которую ты наберёшь под своё бесславное знамя, тоже будет не армией, а сборищем предателей... Ты мне скажи, Власов, как ты свой народ обманул?!

— Советы мне не доверяли! — пробормотал Власов, отводя от меня глаза. — Я был в загоне.

— Врёшь! До войны ты командовал девяносто девятой дивизией. Потом принял корпус. В сорок первом армию получил! Какое же тут недоверие? А если бы и не доверяли, разве это оправдывает измену Родине?

— Меня в Смоленске на улицах встречали!

— ...в Смоленске выгоняли палками людей на улицу тебя встречать! Как ты мог в глаза смотреть этим женщинам и детям? Откажись, пока не поздно, от своего предательского дела!

— Вот видите, — сказал Власов, обращаясь к майору. — Видите, с какими трудностями мне приходится сталкиваться при формировании армии. А вы мне не верили! Я предлагал генералу Снегову, генералу Понеделину, генералу Карбышеву... Вот видите, теперь и Лукин отказывается!»^[187].

Чтобы понять, почему Власов щёлкал перед Лукиным каблуками и так приветствовал его, достаточно ознакомиться с биографией этого чрезвычайно мужественного и незаурядного человека.

Итак, Михаил Фёдорович родился в 1892 г. (был старше Власова на 9 лет).

В Первую мировую войну командовал ротой в звании поручика и был награждён тремя орденами. В Гражданскую войну: командир запасного батальона, помощник начальника штаба стрелковой дивизии, командир стрелкового полка и бригады 37-й стрелковой дивизии, начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии, затем в 11-й Петроградской стрелковой дивизии — командир 94-го стрелкового полка, затем 33-й стрелковой бригады.

Был ранен, контужен и за отличия в боях награждён двумя орденами

Красного Знамени.

В межвоенный период Лукин был начальником 92-х пехотных курсов, помощником командира 23-й стрелковой дивизии, начальником штаба 7-й стрелковой дивизии, начальником строевого отдела штаба УВО, начальником 1-го отдела в Главном управлении РККА, командиром 23-й стрелковой дивизии.

С 1935 г. он — комендант Москвы, с 1937 г. — заместитель начальника, затем начальник штаба, а с декабря 1939 г. заместитель командующего войсками СибВО. С июня 1940 г. — командующий 16-й армией СибВО.

Военное образование Михаил Фёдорович получил следующее:

1916 г. — 5-я Московская школа прапорщиков;

1918 г. — курсы разведчиков при Полевом управлении Штаба РККА;

1925 г. — КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе;

1931 г. — КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе.

С начала войны генерал-лейтенант (1940 г.) Лукин продолжал командовать 16-й армией в составе резерва Ставки (с середины июля — Западного фронта).

В течение второй половины июля соединения его армии вели тяжёлые бои на подступах и на окраине Смоленска.

2 августа войскам армии удалось прорвать кольцо окружения, выйти к Днепру, переправиться на левый берег и соединиться с основными силами фронта.

8 августа в ходе Смоленского сражения М.Ф. Лукин был назначен командующим 20-й армией этого же фронта, а с 10 сентября — командующим 19-й армией Западного фронта. 14 октября, при выходе из окружения генерал Лукин был тяжело ранен и попал в плен^[188].

Такую личность, как Михаил Фёдорович Лукин противопоставлять Власову было бы, по меньшей мере, неэтичным, однако мне это придётся сделать ради одного: понимания истинного отношения русских людей к измене. В немецком плену, безусловно, все вели себя по-разному. Но генерал Лукин был одним из редких и исключительных примеров стойкости и мужества в неволе. Передо мной его письмо из плена сестре А.Ф. Лукиной, написанное им 10 июня 1943 г. Его невозможно читать без содрогания, но оно того стоит...

«Дорогая Шуручка!

Письмо твоё с оказией получил 4 июня, посланное тобой по почте я не получил. Ты, конечно, представляешь, сколько радости мне доставило твоё письмо; читая его, слёзы радости и умиления лились ручьём; ведь мало, что

оно от тебя, оно из родных краёв! Письмо я выучил наизусть. Я очень рад, что ты и твоё семейство Живы...

Очень и очень жаль, что тебе не удалось получить ответа от моей мамуси. Где она теперь и как живёт с моей дочуркой и старушкой Маней. 13 июня исполнится 2 года, как я покинул их. Ведь Юлечке в ноябре исполнится 16 лет — оставил её девочкой, а теперь взрослая девушка. Мысль о них причиняет мне острую боль, относительно их жизни строю всевозможные картины, одна другой ужаснее и больше всего страшусь мысли, как бы они не попали туда, где большая Шура, или в другое подобное место. От одной этой мысли сердце останавливается, кровь леденеет и разум мутится. Ведь, кроме Родины и моего народа, это самые близкие и родные мне существа. Дорого бы я заплатил, чтобы знать, что они живы и здоровы и вспоминают своего несчастного калеку папуся. Немцы написали в газетах, что ген.-лейт. Лукин, командующий 19 ар., взят в плен, но не написали, в каком состоянии. Обрадовались, что взяли мой труп! А раз в газетах написали, значит, знают и наши, и это может послужить основанием для репрессии моей семьи. Родная Шурочка, я ведь чист перед своей Родиной и своим народом, я дрался до последней возможности и в плен не сдался, а меня взяли еле живого. Моя мамуся не поверит, чтобы я, цел и невредим, мог сдаться в плен врагу, как это сделали многие генералы, она знает, как я честен в этом. Шурочка, ты знаешь, какой патриоткой оказалась моя мамуся. Я искренне ей горжусь. Выходя из первого Смоленского окружения, 2 августа 41 г. при переправе через р. Днепр, я получил перелом кости в ступне левой ноги и целых 7 недель не мог встать на ногу. Мне никто не предложил эвакуироваться, хотя Тимошенко и Булганин были у меня и видели, в каком состоянии я нахожусь. Самому просить было как-то стыдно, и поле боя я не оставил, хотя и имел все основания на поездку в тыл.

Написал мамусе, и вот её ответ: «Родной мой папочка, если есть возможность остаться на фронте, как бы мне ни хотелось тебя видеть, оставайся. Я знаю, как нужны такие командиры, как ты; с презрением смотрю на людей, которые из личного благополучия устраиваются в тылу». Вот какая моя мамуся! А как она была рада, как она гордилась мною, когда узнала, что я один из первых командующих армией был награждён орденом (это 4-м по счёту). Моя армия не была разбита, пр-к нигде не прорвал фронта моей армии. Моя армия была окружена под Вязьмой по вине моих соседей и, больше всего, по вине моего старшего н-ка, который неправильно меня информировал о положении на фронте и вовремя не дал мне приказа отступить. У меня не осталось ни одного снаряда, не было

горючего в машинах, с одними пулемётами и винтовками пытались прорваться. Я и к-ры моего штаба всё время находились в цепи вместе с красноармейцами. Я с группой мог уйти, как это удалось сделать некоторым частям моей армии, но я не мог бросить на произвол, без командования большую часть армии. Мне были дороги интересы общего дела и моей армии, а не личная жизнь. Когда прорваться не удалось, я, взорвав всю артиллерию и уничтожив все машины, решил выходить из окружения небольшими группами.

Родная Шурочка, каждый взрыв орудия и пламя горящих машин больно отзывались в моём сердце! Но я был горд сознанием, что ничего в целостности врагу не оставлю. Блуждая по лесам, в поисках выхода, 12 октября я был ранен в правую руку пулей. Рана пушечная, на первый взгляд, кость не задета, но перебиты два нерва. Окружающие меня к(оманди)ры штаба в панике разбежались, оставив меня, истекающего кровью одного. Бинта при нас не оказалось. Кровь лилась ручьём, остановить её не могу, а шагах в 200 приближаются немцы. Первая мысль — бежать. Встал, сделал несколько шагов — упал из-за слабости (много потерял крови, от большой ходьбы левая нога болеть начала, ещё не зажила как следует, несколько суток подряд не спал совершенно и в последние дни ничего не ел). Мелькает мысль: плен, но от неё прихожу в ужас. С быстротой молнии работает мозг. Перед глазами вереницей проходят мои родные и дорогие: мамуся, старушка мать, которую я много раз как сын обижал, дочурка Юлечка и все, все. Тяжело. В глазах муть. Хочется пить и уснуть. Боль ноющая, глухая. Стрельба, всё усиливаясь, приближается. Совсем почти рядом рвутся снаряды, над головой непрерывно свищут пули. Стараясь преодолеть слабость, боюсь, как бы не заснуть. Мозг продолжает усиленно работать. Пытаюсь достать левой рукой револьвер из кобуры, думаю, живой не сдамся, последнюю пулю себе. Все попытки вынуть револьвер не удаются. Правая рука повисла, как плеть. Вдруг из кустов подошли две девушки санитарки, но у них не оказалось бинтов — все израсходовали. Наскоро сняли шинель, разрезали рукав кителя, оторвали от моей рубашки тряпку и перевязали. Взяли меня под руки и повели. Надо было уходить, немцы приближались. Сделал шагов 20–30, идти не могу. Положили меня на походную палатку и волоком потащили по земле. Спустились в овраг с кустарником, из ручейка напоили меня водой. Напившись, почувствовал прилив сил, пошли. Не прошли и 5 шагов, как я снова был ранен осколками снаряда: в правую ногу, выше колена, и в икру. Я упал. К счастью, девушки остались невредимыми. Дальше идти не могу, прошу их достать мне револьвер, чтобы покончить расчёты с жизнью, но, оказалось, что мы

револьвер оставили в суматохе на том месте, где они меня перевязывали. Немцы опять близко, в кустах слышна их гортанная речь. Прошу, умоляю, приказываю им оставить меня, а самим спастись. Но милые, родные русские девушки, совсем ещё девочки, и слышать не хотели, даже обиделись: «За кого вы нас считаете!» Не бросили они своего истекающего кровью генерала, не уподобились горе-шкурникам, командирам моего штаба, а с нечеловеческими усилиями понесли меня. Подошёл ген. Андреев. Встретился со своими, у которых оказались продукты, поел. Часа три уснул. Снова стрельба, и снова уходили. Бродили ещё 2 суток. Ходить дальше нет сил. Чувствую, что становлюсь обузой окружающим. Мысль о самоубийстве не покидает меня, думаю, рано или поздно придётся это сделать. На сердце тяжело. В одном небольшом лесу встретили нач(альник). О(собого). О(тдела) 24 армии Можина (мамуся его знает по Новосибирску), он тяжело ранен, ходить не может, лежал в землянке уже дней 5, сказал, что он послал верного человека через фронт к своим, чтобы прислали за ним самолёт, уговаривает и меня остаться с ним. Мелькнул луч надежды на спасение. Поели. Начали засыпать. Снова стрельба. 3 генерала, которые были со мной, выбежали посмотреть. Прошло минут 5 — не возвращаются, а стрельба уже совсем близко. Я решил уходить. Только я вышел из землянки с большим трудом, как шагах в 50 показались немцы. Выстрел, и я снова ранен в колено и опять в правую ногу разрывной пулей. Упал. Мой сапог быстро наполнился кровью. Чувствую, начинаю терять сознание. Силы оставляют меня. Прошу находившихся кр-цев пристрелить меня, пока не подошли немцы, говорю им, что я всё равно больше не жилец, и что этим они избавят меня от позора быть в плену. Никто не решился. Проходят не минуты, а какие-нибудь секунды, и за эти секунды успел просмотреть почти всю прошлую жизнь. Мамусю, маму, Юлечку, Маню видел в этот момент, как живых, склонившихся надо мной. И стало так мне легко на сердце, боли не чувствую. Помню ещё, как подошли немцы и начали шарить по карманам. Потерял сознание. Пришёл в себя на вторые сутки. Не понимаю, где нахожусь. Боли нет, ещё действовал наркоз. Входит врач, открывает одеяло. Вижу, нет правой ноги. Всё стало ясно: я в плену в немецком лазарете. Мозг начинает работать лихорадочно: плен, нет ноги, правая рука перебита, моя армия погибла. Позор! Сильные душевные муки. Жить не хочется. Наконец появляются физические боли, ужасные боли. Температура свыше сорока. Не сплю несколько суток. Наяву галлюцинирую. Переезд в г. Вязьму, из Вязьмы в Смоленск на грузовой 5-тонной машине 200 км, дорога ужасная. В машине не только трясёт, а подбрасывает. Боли нестерпимые. Хочу одного: или потерять сознание, или

умереть, лишь бы не чувствовать боли. 3 ноября, я в Смоленске, в русском госпитале для пленных. Мороз 30 градусов. Госпиталь не отапливается, оборудован примитивно, переполнен до отказа, больные валяются кучами везде, даже все коридоры заняты, а раненые всё прибывают тысячами, медикаментов острый недостаток, уход очень плохой, хотя медперсонал весь русский из военплен., питаемся супом из неочищенной картошки без мяса и жиров и варёной рожью, смертность доходит до 150 чел. в день. Боли ужасные, хочется кушать. Забыл, когда спал, снотворных, медикаментов нет. Отношение кр-цев и некоторых командиров явно враждебное к «старшим начальникам». Говорят, продали их. Политработников и евреев выдают немцам, а с ними расправа короткая. Обидно! К физической боли присоединяется нравственная боль, а эта в тысячу раз хуже физической. Приходит комиссия международ. Кр. Креста, шведы и швейцарцы, осталась довольна. На наш вопрос, почему так плохо обращаются с ранеными, отвечают: «Ваше правительство отказалось подписать конвенцию о пленных, немцы делают всё, что в их силах и возможностях, вас — очень много». Спасибо и на этом.

3 декабря. Положение моё почти безнадежное. Жду смерти, а умирать назло теперь не хочется, хочу жить, правда, жалею, что не был убит на поле боя, а теперь хочу жить. Приходят немецкие врачи и переводят меня в немецкий госпиталь. В комнате нас два генерала. Чистая постель, тепло, кормят хорошо, хорошо это — по-немецки, а по-нашему — сносно, хорошо как для пленного уход и лечение. К нам никого не допускают, тайком приходят немецкие раненые солдаты, приносят сигареты, конфеты. Сестра сварливая ведьма даже для своих раненых, а ухаживает хорошо. Рана начинает заживать. Наши часто бомбят Смоленск.

3 февраля 42 г. переезд в Германию. Мороз 30–40 градусов. Товарные вагоны. Лагерь для пленных, госпиталь русский. Хлеб из бураков с примесью древесных опилок и какой-то части муки, брюква, макароны, овсянка, нечищенная картошка, дают немного маргарина и две ложки сахара в неделю. Жить можно, чтобы не умереть. Большинство больных опухшие и до последней степени истощённые, настоящие скелеты. Тиф. Смертность ужасающая. Рядом с нами лазарет и лагерь: отделённые от русских проволокой английские, французские и сербские. Там другой мир. Их кормят несравненно лучше, обращаются с ними хорошо. Их правительства и междун. Кр. Крест присылают им посылки: всевозможные консервы, бисквиты, какао, кофе, шоколад, табак, обмундирование, и получают из дома, и пишут родным письма. Большинство из них никогда дома так не кушали, как едят в плену. Никто из них от голода и побоев не умер. Все они

ненавидят и ругают немцев, ждут, чтобы русские пришли и их освободили, но у себя советской власти не хотят. Сами не воевали как следует и не воюют теперь, а хотят, чтобы русские за них кровь проливали. Сволочи! Ненавижу их, в особенности англичан и французов! Сербы не прочь иметь у себя и советскую власть.

22 апр. 42 г. французский врач делал операцию руки (русск. врач отказался — неопытный, выпуска 40 г.). Прошло 14 месяцев, со времени операции, а рука в таком же положении, как и была после ранения. Я ею не могу писать, ни ложку взять, папиросу держать не могу, застегнуться тоже не могу. Значит, операция прошла неудачно. Немцы лечить не хотят. После полутора лет непрерывного лежания начал ходить на костылях. Очень неудобно: нет правой ноги и не работает правая рука. Метров 500 могу пройти и то ощущаю огромную радость: я хожу! Рана на ноге зажила, были осложнения: выходили осколки от снаряда, осталось два маленьких осколка. С 4 июня я в лагере пленных. Волосы на голове большую часть седые. (Я с конца 39 г. ношу причёску, ты меня с ней не видала.) Уже 5 мес. как ношу усы, говорят, очень приличные, буденновские. Бороду не отпускаю, вся седая. Вот и всё про свою жизнь, конспективно, конечно...»[{189}](#).

Мало кто сегодня знает о том, что генерал Лукин чудом избежал ареста в период репрессий. Как уже упоминалось выше, с 1935 по 1937-й он был комендантом Москвы. Его лично знали Сталин и Ворошилов. А в 1937 г. «за притупление классовой бдительности и личную связь с врагами народа» Михаил Фёдорович получил по партийной линии строгий выговор с занесением в учётную карточку, был снят с должности военного коменданта столицы и отправлен заместителем начальника штаба СибВо. «И вдруг в 1938 г. его по доносу Мехлиса вызывают в Москву, в Комиссию партийного контроля. И бывает же так в жизни — Лукин случайно в коридоре ЦК встретил Ворошилова и рассказал ему о том, в какую передрагу попал. И Ворошилов прямо при Лукине позвонил одному из руководителей КПК: «Товарищ Ярославский, я знаю Лукина давно, с Гражданской войны. Это честный коммунист, и то, что вокруг него происходит, это — недоразумение. Прошу вас внимательно разобраться, и если он не виноват, написать об этом в округ». Лукин позднее рассказал своей дочери: «Положив трубку, Климент Ефремович долго расспрашивал меня о положении в округе, потом вдруг сказал: «У меня уже третий раз просят санкции на ваш арест». А тогда Ярославский прислал письмо в Новосибирск, будущий командарм Великой Отечественной войны был

спасён...» — пишет О. Сувениров^{190}. Тогда его Бог, что называется, миловал.

В апреле 1945 г. генерал Лукин был освобождён из плена американскими войсками и до 25 мая находился в Париже, а с мая по декабрь 1945 г. проходил проверку в органах «Смерш» в Москве.

В ходе проверки по делу Лукина было установлено следующее:

«...Показал, что в октябре 1941 г. в районе Вязьмы при попытке выхода из окружения был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

Показаниями арестованных Главным управлением СМЕРШ одного из руководителей НТСНП белоэмигранта Брунста, изменника Родины Власова и бывшего начальника курсов мл(адших) лейтенантов 33-й армии Минаева устанавливается, что Лукин, пребывая осенью 1942 г. в лагерях военнопленных в городах Цитенхорст и Выстрау, проявлял антисоветские настроения по вопросам коллективизации сельского хозяйства, карательной политики Советской власти и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Лукин, будучи допрошен по этому вопросу, отрицает преступную связь с этими лицами и проводимую им антисоветскую деятельность.

В результате ранения у Лукина парализована рука и ампутирована нога».

Как утверждают Л.Е. Решин и В.С. Степанов, «речь шла о том, что, находясь в бараке в обществе друзей по несчастью, Михаил Фёдорович искал объяснение причин поражения советских войск в начальный и последующие периоды войны.

В сотнях томов следственных дел, заведённых на советских генералов и офицеров — действительных и мнимых предателей, — не содержится и намёка на сотрудничество генерала Лукина с гитлеровцами или их пособниками. Он был верен своему солдатскому долгу, несмотря на негативные высказывания о колхозах или о репрессиях. Об этом говорили на допросах все, от офицера-патриота до предателя Власова...»^{191}.

После проверки генерал Лукин был возвращён на действительную военную службу в Красную Армию и зачислен в распоряжение ГУК НКЮ, а в ноябре 1946 г. уволен в запас.

За страдания плена, за преданность своему Отечеству Бог подарит ему ещё целых 24 г. жизни. 25 мая 1970 г. Михаил Фёдорович скончался в Москве, прожив более 77 лет.

А 1 октября 1993 г. ему вполне заслуженно присвоят звание Героя Российской Федерации^{192}.

Только такой русский человек и генерал, будучи инвалидом, мог написать из неволи, в сущности, простые и одновременно великие слова: «Вот только здесь, на чужбине, в неволе, начинаешь по настоящему чувствовать, что такое Родина. Какой она кажется милой, родной, что лучше её нет ни одного уголка на всём земном шаре. А эта родина и мой народ переживают ужасную трагедию. Как хочется вступить ногой на родную землю, растянуться на ней и целовать каждый её вершок. Как хочется, чтобы мой народ не переживал ужасов войны и зажил спокойно. Ни на один момент не поколебалась вера в конечную нашу победу, наш великий народ не может погибнуть; взойдёт заря пленительного счастья и для него. За свою Родину, за мой народ я, калека, готов отдать каплю за каплей свою кровь вновь, а если нужно, то и саму жизнь! Родина и свой народ — это пока всё!»^{193}.

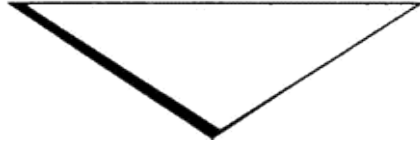
Не потому ли, размышляя о предательстве генерала Власова, И. Эренбург после войны напишет: «Можно ли ответить на вопрос: что такое человек, на что он способен? Да на всё, решительно на всё. Может низко пасть, как пал Власов, может и подняться так высоко, что об этом не расскажешь. Я часто думаю, как различны люди, выросшие на одной земле, ходившие в те же школы, повторявшие те же слова. Именно поэтому я решил рассказать о Власове...

Птицы летают, рептилии ползают. А человек не только всеядное существо, он воистину всеуц — он и парит высоко, и умеет пресмыкаться; это известно всем, а привыкнуть к этому нельзя, это всякий раз поражает не только ребёнка, но и старого человека, казалось бы, давно потерявшего дар удивления»^{194}.

А теперь скажите, разве мог Власов стать «агентом влияния» или полководцем?

Нет! Он только и мог стать предателем, оставаясь посредственностью в роли свадебного генерала, каким всегда и являлся. Другого предназначения у него никогда не было.

К сожалению, сегодня его именем продолжают будоражить умы, вновь и вновь расшатывая извечные общечеловеческие законы, по которым предатель, изменник всегда и во все времена будет оставаться таковым. Для чего это делается, лично мне понятно. Но ложь — это не история. На ней мы снова можем «заехать не в ту степь», как это было уже не однажды. Ибо бесконечное сотрясение воздуха иногда приводило к потрясениям России... Врагов у неё сегодня, как всегда, в избытке и особенно среди тех, кто её никогда не защищал!

КАК ВЛАСОВ СТАЛ ВОЖДЁМ РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

В 2015 г. мы будем отмечать очередной юбилей Великой Победы — 70 лет! Казалось бы, история Великой Отечественной войны в целом написана, ясна и понятна. Но, безусловно, белые пятна ещё остаются. Причин тому превеликое множество. Среди них можно отметить и одну из приоритетных: диаметрально противоположные точки зрения на одни и те же события. Безусловно, касается это и некоторых исторических персон, по поводу которых споры всё ещё продолжают будоражить наши умы, между тем запутывая прежде всего молодое поколение, которому весьма непросто сегодня разобраться в хитросплетениях той, далёкой для него эпохи.

Например, о бывшем советском генерале А.А. Власове, несмотря на многие очевидные факты его предательства, дискуссии и споры с невиданным упорством продолжаются до сих пор. Более того, если его поклонники в былые времена в основном проживали на Западе, то с развалом Советского Союза они появились и в России. Судя по всему, их количество растёт. И растёт оно, к великому сожалению, из-за непонимания очевидного: предательство во все времена и во всех странах по сей день трактуется одинаково. Однако для предательства Власова ещё тогда, когда он тесно сотрудничал с немцами, было найдено «неплохое» тому оправдание под названием Русское освободительное движение. В сущности, никакого такого движения не было, однако работа немецкой пропагандистской машины оказалась живучей вопреки историческим фактам и благодаря советской государственной системе, которая собственными руками взрастила такого посредственного «военачальника» и дала повод для оправдания его иудиного греха.

В 1946 г. Власов и его, так скажем, сподвижники были приговорены к смертной казни через повешение, а в «2001 г. с ходатайством о пересмотре приговора Власову и его соратникам в Главную военную прокуратуру обратился иеромонах Никон (Белавенец), глава движения «За Веру и Отечество». Однако военная прокуратура пришла к выводу, что оснований для применения закона о реабилитации жертв политических репрессий нет.

1 ноября 2001 г. Военная коллегия Верховного суда РФ отказала в реабилитации Власова А.А. и других, отменив приговор в части осуждения по ч. 2 ст. 58 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и прекратив в этой части дело за отсутствием состава преступления. В остальной части приговор оставлен без изменения»^{195}.

Несмотря на это, поклонники Власова капризно утверждают, что Власов и те, кто присоединился к Русскому освободительному движению, «были движимы патриотическими чувствами и остались верными своей родине, но не своему правительству». Один из приводимых аргументов в пользу данной точки зрения выглядит следующим образом: «если государство предоставляет гражданину защиту, оно вправе требовать от него лояльности», если же Советское государство отказалось подписывать Женевское соглашение и тем самым лишило своих пленённых граждан защиты, то граждане более не были обязаны сохранять лояльность государству и, значит, не были изменниками»^[196].

По справедливому мнению историка М.И. Фролова, попытки героизации А.А. Власова могут привести к весьма опасным последствиям:

«— стремление к пересмотру итогов Второй мировой войны, в частности, к обесцениваю соглашений, достигнутых странами-победительницами на Ялтинской и Потсдамской конференциях, на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками, к пересмотру подтверждённых Генеральной Ассамблеей ООН (11.12.1946) принципов международного права, признанных Уставом трибунала и нашедших выражение в его приговоре. Тем самым могут быть достигнуты различные негативные для России геополитические, идеологические и финансовые последствия;

— оправдание коллаборационизма в других странах (в частности, в Прибалтике и на Украине), стремление найти морально-психологическое оправдание поступкам антирусских политических деятелей и сил, а также формирование общественного сознания, признающего правильный сепаратизм;

— изменение ценностных ориентиров в обществе, стремление убрать источники позитивного самоощущения народа, обесценив победу в Великой Отечественной войне с помощью понятий «измена — доблесть», а «трусость — героизм».

Историк тысячу раз прав, когда говорит, что «представлять предателя Власова, коллаборационистов «в роли» борцов за Россию, за русский народ не что иное, как недостойная с нравственной точки зрения потуга, сознательное, преднамеренное извращение фундаментальных ценностей российского общества — патриотизма, любви к Родине, беззаветного служения интересам её народа»^[197].

И тем не менее на сегодняшний день вопрос «изменил генерал Власов государству или всё-таки Родине?» некоторые поклонники Власова

называют ключевым^{198}. Одним из таких можно назвать московского учителя истории, который считает, что «в нашей стране живут потомки тех, кто погиб или пострадал от рук чекистов в годы красного террора и последующих тотальных репрессий, включая и искусственный голодомор, развязанных большевистской номенклатурой против народов России. Поэтому хочу ещё раз напомнить, что фигуру генерала Власова и борьбу РОД нельзя рассматривать в отрыве от того, что происходило в нашей стране начиная с 1917 г.»^{199}.

Однако какое отношение к Власову имеют тотальные репрессии? Как раз таки бывшему заместителю командующего фронтом на них грех было жаловаться, так как именно в период репрессий у Власова появилась возможность выдвижения на тот самый верх, откуда он и попал в плен. Случилось это, как известно, в июле 1942 г....

В книге «Мифы о генерале Власове» её автор К.М. Александров пытается в очередной раз доказать нам в том числе и то, что Власов не был предателем. Для этого у историка есть свои, как он считает, весомые аргументы. Давайте ознакомимся с ними обстоятельно.

«Утром 13 июля, — пишет Александров, — Швердтнер и Пельхау доставили Власова и Воронову в штаб 18-й армии группы армий «Север», размещавшийся на станции Сиверская (Красногвардейский район Ленинградской области). Здесь с Власовым выразил желание познакомиться командующий армией.

Знаменитая встреча с Линдемманом напоминала скорее не допрос, а спокойную беседу, в которой речь шла о боях на Волхове в предыдущие два месяца. Об этом свидетельствуют малоизвестные показания бывшего кадрового сотрудника 1с штаба 18-й армии зондерфюрера Франца Тондорфа, уроженца Санкт-Петербурга, 1894 г.р. В 1949 г. в Ленинграде Тондорф допрашивался сотрудниками УМГБ по Ленинградской области о методах работы и деятельности немецкой военной разведки в годы минувшей войны. Зондерфюрер присутствовал при беседе Линдемана и Власова 13 июля 1942 г., а также участвовал в допросах советского генерала на следующий день. В 1949 г. Власов был давно казнён, поэтому показания немецкого разведчика представляли лишь исторический интерес. В частности, Тондорф сообщил: «Я присутствовал при беседе Линдемана с Власовым в качестве переводчика. Линдемман задал Власову несколько вопросов о плане выхода из окружения 2-й ударной армии, которой командовал Власов. Власов подробно рассказал об этом, показывая на карте, где он думал создать оборонительные рубежи, как рассчитывал

выйти из окружения. Других вопросов Линдеман Власову не задавал». Очевидно, других тем собеседники не касались.

Заявление Тондорфа носит важный и принципиальный характер для нашего повествования, так как позволяет критически оценить популярный тезис о предательстве Власова, якобы совершённом им на допросах в штабе 18-й армии 13–14 июля»^{200}.

Следующие аргументы Александрова таковы:

«14 июля Власов допрашивался начальником отдела 1с штаба 18-й армии майором Вернером Рихтером, уроженцем Бад Лаасфе, 1906 г.р. Кроме Рихтера в допросе участвовали Тондорф и другие сотрудники абвера и содержание допроса хорошо известно. Власов изложил свою биографию, перечислил по номерам армии Волховского фронта (по состоянию на июнь) и назвал фамилии их командующих (кроме 4-й), перечислил по номерам бригады и дивизии разгромленной 2-й ударной армии и вновь описал её боевые действия за истёкшие два месяца. Дал субъективные характеристики генералам армии Георгию Жукову и Кириллу Мерецкову, генерал-лейтенанту Всеволоду Яковлеву. Очень расплывчато охарактеризовал служебное положение в советской военной иерархии генерал-полковника Александра Василевского, маршала Бориса Шапошникова, генерал-майора Григория Кулика, маршалов Семёна Будённого («Имеет задачу формировать новые войсковые соединения в тылу») и Климента Ворошилова («Командной должности теперь не занимает»).

На вопрос Рихтера о планах Ставки Власов ответил, что с планами вышестоящего командования не знаком, так как они представляют военную тайну («Командующие армиями не знали о намерениях командования даже на соседних участках»)^{201}.

«...вот что о допросе Власова сообщили в 1949 г. ленинградским чекистам бывшие сотрудники абвера Франц Тондорф и Вернер Рихтер (на 1945 г. — полковник Генерального штаба). Тондорф: «Власов рассказал свою биографию, дал подробные показания о численности и вооружении 2-й ударной армии. Других показаний Власова я сейчас не могу вспомнить». А Рихтер фамилию Власова вообще запомнил лишь «потому, что о нём писали много в газетах, как в немецкой, так и в советской печати, где о нём очень отрицательно отзывались». Нет никаких сомнений в том, что если бы Власов предоставил какие-либо ценные сведения, повлиявшие на перемещение войск в масштабах группы армий «Север», тем более — в масштабах всего Восточного фронта (!), допрашивавшие его

профессиональные военные разведчики хорошо бы запомнили это незаурядное событие»^{202}.

По мнению историка Александрова, «утверждение о разглашении Власовым секретных сведений, результатом чего якобы стало усиление войск вермахта на южном крыле с последующим прорывом к Сталинграду, не выдерживает критики и не соответствует действительности»^{203}.

Постоянно выгораживая «героя своего романа», Кирилл Александров, никак не может понять одну простую истину, Власов, прежде всего, нарушил военную присягу. И это главное. Другой вопрос, какой он ущерб нанёс в результате своей «беседы» с немецкими военачальниками и офицерами, в результате этого преступления.

31 мая 2011 г. Патриарх Кирилл, на встрече со слушателями военной академии Генерального штаба, назвал смертным грехом нарушение воинской присяги^{204}. Как вы думаете, почему? Потому что, во все времена военная присяга являлась торжественной клятвой на верность своему Отечеству, ради которого иногда необходимо пожертвовать и собственной жизнью. У военной присяги не может быть каких-то оговорок и недомолвок. Там всё конкретно. Когда Власов принимал её и ставил под ней свою подпись, он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что делает. В толковом словаре русского языка присяга — «Официальное торжественное обещание, клятва соблюдать верность, какие-либо обязательства, поступать согласно с законом», а нарушить (её) значит: «Не соблюсти, преступить» и т.д.^{205}.

Согласно 17-й статье Конвенции, «Каждый военнопленный при его допросе обязан сообщить только свои фамилию, имя и звание, дату рождения и личный номер или, за неимением такового, другую равноценную информацию»^{206}. То же самое, но с некоторыми дополнениями записано в современном уставе внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации (см. «Общие обязанности военнослужащих»):

«23...Военнослужащий, захваченный противником в плен, при допросе имеет право сообщить только свою фамилию, имя, отчество, воинское звание, дату рождения и личный номер. Он обязан сохранять честь и достоинство, не разглашать государственную тайну, проявлять стойкость и мужество, помогать другим военнослужащим, находящимся в плену, удерживать их от пособничества противнику, отвергать попытки противника использовать военнослужащего для нанесения ущерба Российской Федерации и её Вооружённым Силам»^{207}. То есть и сегодня

для военнослужащих нашей армии требования остаются практически теми, что были и раньше. Так что режим и власть к воинским преступлениям отдельных военнослужащих никакого отношения не имеет. Всё это современные попытки задним числом оправдать банальное предательство. И что самое интересное, занимаются этим люди, которые никогда не служили в армии, а потому подход у них свой, сугубо штатский, правда, со ссылками на подходящие им источники. При этом они упрямо доказывают свои «военно-исторические открытия», переворачивающие с ног на голову общепринятые нормы, существующие веками во многих армиях мира. К сожалению, на этот нонсенс почти никто не обращает внимания, а жаль. Но вернёмся к их любимому Андрею Андреевичу...

Умел ли Власов хранить военную тайну? Самое интересное, что до своего пленения да! Для этого есть совершенно конкретные документальные примеры. Например, в своём письме походно-полевой жене Агнессе Павловне Подмазенко от 14 февраля 1942 г. он пишет:

«Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа»^{208}. Понятное дело, что речь идёт о Сталине, и всё же имя вождя Власов в письме не называет. А вот два отрывка из другого письма от 26 апреля 1942 г. уже законной жене Анне Михайловне Власовой:

«Раньше у нас с тобой связь почти наладилась, было уже хорошо, но как я переменял место работы, то связь стала хуже. Сейчас я работаю недалеко уже от того места, где жила Надя! (...)»

Он, видимо, служит там, где я служил раньше и откуда я убыл 8 марта сего года. На новом месте работа по объёму стала больше, ответственнее и почётнее»^{209}. В этом послании Власов напрямую не говорит, что назначен командующим 2-й ударной армией, но намекает на своё местонахождение под Ленинградом. В письме Подмазенко от 26 апреля 1942 г. Власов подсказывает свою новую должность:

«Я сейчас выполняю ответственную задачу. Письмо от тебя ко мне и наоборот идёт гораздо дольше, чем раньше, когда я был на старом месте. Что можно сказать о себе? Бьём фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки ещё сильнее. Работаю примерно на той же должности, когда был с тобой вместе, только объёмом она гораздо больше, почётнее, ответственнее. Но ты прекрасно знаешь, что, куда твоего Андрюшу ни пошлют правительство и партия, — он всегда любую задачу выполнит с честью»^{210}. В следующем письме походно-полевой жене от 17 мая 1942 г. Власов намекает на окружение:

«На всё это я не стану тебе долго отвечать, потому что ты в своё время рядом пережила известную обстановку. Правда, сейчас обстановка немного лучше, чем тогда, когда мы начали бой, тогда, когда ты вместе со мной ехала в машине, но всё же обстановка серьёзная. Но невзирая ни на что, мы проклятых извергов фашистов всё равно сотрём с лица земли. И это будет очень скоро»^{211}.

Но это было в письмах, было это и на службе в Красной Армии, которой Власов отдал 22 календарных года. Зато теперь, попав в плен, он как-то разговорился, хотя его никто не пытал и не собирался расстреливать.

Итак, 15 июля 1941 г. штаб 18-й немецкой армии направляет две части протокола допроса командующего 2-й советской ударной армией генерал-лейтенанта Власова. Уже в начале первой части протокола допроса Власов непонятно зачем сообщает немцам: «...вступил в Коммунистическую партию с целью продвинуться вперёд в Красной Армии»^{212}. Далее Андрей Андреевич поведал своему врагу «Подробности о Волховском фронте и 2-й ударной армии». В частности, он назвал состав Волховского фронта на середину марта 1942 г., командующего фронтом Мерецкова и командующих армиями (52-й, 59-й). К слову сказать, почему-то Власов не смог назвать командующего 4-й армией генерала П.И. Ляпина, который с января 1942 г. занимал должность помощника командующего войсками Волховского фронта, а в феврале был назначен командующим 4-й. А ведь новый заместитель командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенант А.А. Власов, как никто другой должен был знать всех командармов, тем более их было всего несколько^{213}.

Любопытна оценка Власова генерала Мерецкова и генерала Яковлева. Своего бывшего шефа он называет эгоистом, очень нервной и рассеянной личностью. Своего коллегу, наоборот, хорошим военным работником, недовольным своим применением. Личностью, известной, как пьяница^{214}. Затем Власов по просьбе допрашиваемых плавно переходит к причинам неудачи отхода своей армии, рассказывает о пополнении (призванных возрастах), о формировании новых соединений, оборонной промышленности, продовольственном положении, иностранных поставках, оперативных планах, об оружии, о семьях перебежчиков, про обращение с русскими военнопленными в Германии, о Ленинграде и, конечно же, о кадрах^{215}. В общем, он рассказал на допросе своему врагу всё, что знал. И здесь, мне думается, не столь важно, в каком объёме Андрей Андреевич обладал секретной информацией, не важно, что он из-за пребывания в окружении многое знать просто не мог. Важно другое. Он охотно беседовал

со своим противником, которого во всех письмах своим жёнам, и видимо не только, «бил и гнал», которого высмеивал и называл побеждённым. Не думаю, что современный историк, будь он хоть трижды доктор наук, способен объективно определить ценность информации выданной командующим армией Власовым немцам в 1942 г. Для этого всё-таки нужна определённая компетенция, а кроме того, понимание сути профессии Родину защищать! Уж, извольте, но Андрей Андреевич был с немцами словоохотлив, впрочем, поговорить он любил всегда.

Для тех, кто не знает, могу привести несколько примеров поведения немецких генералов в советском плену. Например, вот что записал в своём дневнике оперуполномоченный КРО ОО НКВД Донского фронта старший лейтенант госбезопасности Тарабрин о поведении пленённого командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Паулюса и его начальника штаба генерал-лейтенанта Шмидта:

«3-го февраля 1943 г.

Сегодня в 11 часов утра опять у Паулюса, Шмидта и Адама. Когда я вошёл, они ещё спали. Паулюс проснулся, кивнул головой. Проснулся Шмидт.

Шмидт: «Доброе утро, что видели во сне?»

Паулюс: «Какие могут быть сны у пленного фельдмаршала? Адам, вы уже начали бриться? Оставьте мне горячей воды».

Начинается процедура утреннего умывания, бритья и проч. Затем завтрак и обычные сигары. Вчера Паулюса вызывали на допрос, он всё ещё под его впечатлением.

Паулюс: «Странные люди. Пленного солдата спрашивают об оперативных вопросах».

Шмидт: «Бесполезная вещь. Никто из нас говорить не будет. Это не 1918 год, когда кричали, что Германия — это одно, правительство — это другое, а армия — третье. Этой ошибки мы теперь не допустим».

Паулюс: «Вполне согласен с вами, Шмидт»^{216}.

По воспоминания начальника штаба 64-й армии генерала И.А. Ласкина, после пленения фельдмаршал Паулюс, генерал Шмидт и адъютант Паулюса Адам были приглашены на обед. В своих мемуарах он описывает один интереснейший эпизод:

«За столом Паулюс весьма осторожно прикасался и к содержимому в бокале, и к еде. На вопрос Шумилова, почему фельдмаршал так осторожен к пище, Паулюс ответил, что за последнее время он очень мало ел и сейчас боится перегрузить желудок.

А генерал Шмидт совсем не пил и почти ничего не ел, очевидно, боясь

быть отравленным. И за столом у командарма и во время обеда он не проронил ни слова. Жестокий и надменный фашист, он теперь выглядел жалким, затравленным волком.

Совершенно по-особому и как-то независимо от своего начальства вёл себя адъютант Паулюса полковник Адам. И в выпивке и в еде он себя не ограничивал. Развязнее стал и его язык.

По окончании обеда я спросил его, почему генерал Шмидт всё время молчит.

— Шмидт хорошо знает, что побеждённые должны молчать, — ответил Адам»^{217}.

И ещё один штрих к биографии Паулюса. В феврале 1943 г. его привезли в Красногорский оперативный пересыльный лагерь № 27 НКВД по Московской области. В июле этого года там был создан Национальный комитет «Свободная Германия». В нём приняли участие более ста человек, избравших президентом СНО генерала В. фон Зейдлица. «Для Паулюса и его соратников, которые были ещё весной переведены в генеральский лагерь в Спасо-Ефимиевом монастыре под Суздалем, это было предательством. Семнадцать генералов во главе с фельдмаршалом подписывают коллективное заявление: «То, что делают офицеры и генералы, ставшие членами «Союза», является государственной изменой. Мы их больше не считаем нашими товарищами, и мы решительно отказываемся от них»^{218}. Только в августе 1944-го Паулюс подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и офицерам и к немецкому народу», то есть сделал то, чего от него добивались целых полтора года. Но почему? Говорят, ему «помогло в этом»: «открытие второго фронта, поражение на Курской дуге и в Африке, потеря союзников, тотальная мобилизация в Германии, вступление в «Союз» 16 новых генералов и лучшего друга, полковника В. Адама, а также смерть в Италии в апреле 1944 г. его сына Фридриха. И, наконец, покушение на А. Гитлера офицеров, которых он хорошо знал. Его потрясла казнь заговорщиков, среди которых был и его друг генерал-фельдмаршал Э. фон Вицлебен. Свою роль сыграло, видимо, и письмо его жены, доставленное из Берлина советской разведкой»^{219}. Выходит, в отличие от советского генерала Власова немецкий генерал-фельдмаршал, по меньшей мере, был настоящим солдатом. За что, собственно, его и можно уважать.

В свою очередь, поклонники Власова в своих разоблачениях частенько упоминают легендарного генерала Лукина. Для них почему-то имя этого человека, мужественно пережившего все ужасы фашистского плена,

потерявшего ногу и, в сущности, руку, до сих пор не даёт покоя. В каких только грехах они его не обвиняли, однако Сталин выпустил Лукина сразу же после спецпроверки. Неужели вы думаете, вождь простил бы Лукину предательство в неволе? Глубоко сомневаюсь. Проверяли тогда тщательно. И любой голос против искалеченного генерала не смог бы предотвратить его наказания за измену. В этом можно даже не сомневаться. Сталин таких вещей не прощал никому.

Зато историк К. Александров уверенно сравнивает показания генерала Власова с показаниями генерала Лукина, а сравнив, делает вывод:

«Никто из исследователей не обвинял Михаила Лукина в разглашении сведений, составлявших военную тайну, и, следовательно, в государственной измене»^{220}. Конечно же он имеет в виду протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина от 14 декабря 1941 г. Но вот в чём заключается проблема. Как пишет кандидат исторических наук, участник Смоленского сражения В.В. Шлеев, «после опубликования выдержек из этого «протокола» в переводе на русский язык в парижском издании «Обозрение» в 1982 г. ссылка на этот «протокол» появляется в книге И. Хоффмана»^{221}. В работе Иоахима Хоффмана «Власов против Сталина» действительно приводится этот протокол. Дается и ссылка: «322. Здесь и далее: Допрос генерал-лейтенанта Лукина Михаила Фёдоровича, командующего 19-й армией (в последнее время — командующего группой войск 32, 20, 24 и 19-й армий). Группа армий «Центр», 1с/АО, 14.12.1941 (на нем.яз.) // ВА R 6/77; Генерал-лейтенант Лукин о земельном вопросе. Группа армий «Центр», 1с/АО, 14.12.1941 (на нем. яз.) // Там же. М.Ф. Лукин»^{222}. Но что любопытно, «поисковые данные этого документа в Бундесархиве Германии, неточно указанные И. Хоффманом... не позволяют проверить его подлинность. Это подтвердил и ответ из Бундес-архива»^{223}.

По мнению В.В. Шлеева, «Какое-то представление об этом допросе-беседе могли бы дать и упоминавшиеся воспоминания В. Штрик-Штрикфельдта, по-видимому, участвовавшего в этом допросе. Но внимательное знакомство с его книгой ясно показывает, что идея создания так называемой Русской национальной освободительной армии (РНОА) в первую очередь принадлежит не советскому генералу М.Ф. Лукину, а самому В. Штрик-Штрикфельдту и некоторым единомышленникам из немецкого офицерства. Ведь ещё в октябре — ноябре 1941 г. В. Штрик-Штрикфельдт по поручению штаба главного командования вооружённых сил Германии, побывав в лагерях советских военнопленных, составляет

план формирования из них освободительной армии для начала с 200 тыс. добровольцев. На этом докладе имелась резолюция фельдмаршала фон Браухича: «Совершенно согласен. Россию можно победить только Россией же. Считаю формирование русской армии для борьбы против большевиков делом неотложно необходимым».

Не случайно в рассказе об одной из бесед с М.Ф. Лукиным В. Штрик-Штрикфельдт подчеркнул, что развитая им самим мысль «о возможностях евразийской федеративной политики», т.е. союза гитлеровской Германии и антисталинской России якобы «захватила» и М.Ф. Лукина.

Становится очевидным, что в этих воспоминаниях В. Штрик-Штрикфельдт свои собственные мысли стремится приписать М.Ф. Лукину. Но примечательно, что никаких конкретных сообщений о наличии протокола допроса М.Ф. Лукина от 12 декабря 1941г. у В. Штрик-Штрикфельдта, да и в других публикациях 1940–1970-х гг. не содержится»^{224}.

Протокол допроса Лукина действительно какой-то необычный. Но больше всего он поражает в самом конце, где будто бы советский генерал, после всей сказанной антисоветчины и всех выданных военных тайн, заявляет: «Я прошу вас сохранить всё это в секрете, так как у меня есть семья»^{225}. Такие слова не очень подходят к такому мужественному человеку, как генерал Лукин. Слово их произнёс не боевой генерал, а трусливый мальчишка из младших классов средней школы: «Вы только никому не говорите!»

31 августа 1945 г. начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ генерал-полковник В. Абакумов представлял Сталину список генералов Красной Армии, освобождённых из германского плена. По поводу генерала Лукина в этом документе говорится следующее:

«Что же касается генерал-лейтенанта ЛУКИНА М.Ф. — бывшего командующего 19-й армией, в отношении которого имеются материалы об его антисоветской деятельности, но, учитывая, что в результате ранения он остался калекой (парализована рука и ампутирована нога), а также (...)

— на которых в процессе проверки каких-либо материалов пока не добыто, считал бы целесообразным этих лиц освободить и обеспечить агентурным наблюдением»^{226}.

Однако вождь не согласился с таким мнением и генерал Лукин проходил спецпроверку до 21 декабря. В следующем документе на бывшего командующего 19-й армией, доложенном Сталину, говорилось:

«...Показал, что в октябре 1941 г. в районе Вязьмы при попытке

выхода из окружения был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

Показаниями арестованных Главным управлением СМЕРШ одного из руководителей НТСНП белоэмигранта Брунста, изменника Родины Власова и бывшего начальника курсов мл(адших) лейтенантов 33-й армии Минаева устанавливается, что Лукин, пребывая осенью 1942 г. в лагере военнопленных в городах Цитенхорст и Выстрау, проявлял антисоветские настроения по вопросам коллективизации сельского хозяйства, карательной политики советской власти и клеветал на руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Лукин, будучи допрошен по этому вопросу, отрицает преступную связь с этими лицами и проводимую им антисоветскую деятельность.

В результате ранения у Лукина парализована рука и ампутирована нога»^{227}.

Как утверждают Л. Решин и В. Степанов, «в сотнях томов следственных дел, заведённых на советских генералов и офицеров — действительных и мнимых предателей, — не содержится и намёка на сотрудничество генерала Лукина с гитлеровцами или их пособниками. Он был верен своему солдатскому долгу, несмотря на негативные высказывания о колхозах или о репрессиях. Об этом говорили на допросах все, от офицера-патриота до предателя Власова»^{228}.

Но тогда почему Сталин разрешил выпустить Лукина на свободу? Для этого обратимся к статье В. Шлеева:

«...вспоминается рассказанный мне самим М.Ф. Лукиным во второй половине 1960-х гг. эпизод о том, как к нему, ещё в госпитале для русских военнопленных в Смоленске, заявился бывший помощник начальника особого отдела 19-й армии, тоже попавший в плен и вскоре перешедший на сторону гитлеровцев. По поручению немецких властей он предложил и генералу Лукину поступить так же, якобы ради интересов русского народа, ибо, по мнению этого предателя, война в основном была нашей страной проиграна и в Европе будет устанавливаться так называемый гитлеровский «новый порядок». Однако М.Ф. Лукин с возмущением отказался от такого предложения и прогнал предателя.

Кратко рассказано об этом в литературной записи воспоминаний М.Ф. Лукина в «Огоньке», а позднее в книге В. Муратова и Ю. Городецкой и более подробно в обстоятельной беседе генерала с писателем К.М. Симоновым, зафиксированной на диктофоне. Машинописный текст этой беседы с сопроводительной запиской К.М. Симонов переслал М.Ф. Лукину незадолго до его кончины. В этой беседе генерал также сообщил писателю,

что несколько лет тому назад в Смоленском областном партийном архиве его познакомили с одним из документов упомянутого выше предателя-особиста, в котором он сообщил, что генерал М.Ф. Лукин решительно и бесповоротно отказался от любого сотрудничества с гитлеровцами. Этот материал, ставший известным советским властям и органам военной юстиции, как говорил мне сам М.Ф. Лукин, сыграл решающую роль в его окончательной и полной реабилитации»[{229}](#).

В декабре 1964 г., во время работы над новой книгой, генерал-полковник Л.М. Сандалов написал письмо начальнику Генерального штаба маршалу Советского Союза М.В. Захарову, в котором отчётливо заметна его обеспокоенность. Это видно с самых первых строк письма:

«Лет десять тому назад в некоторых книгах и статьях, трактующих о Московской битве, сначала робко, а затем всё смелее и смелее стало выдвигаться утверждение, что город Волоколамск в декабре 1941 г. освобождала не столько 20-я, сколько 16-я армия Западного фронта.

Ряд генералов и офицеров, служивших в 20-й армии, а также Московской области, Промышленный комитет КПСС, Волоколамский городской Партийный комитет и Волоколамский музей попросили обратиться меня к Вам с просьбой: дать распоряжение об уточнении этого вопроса по архивным материалам. Все они считают, что 16-я армия к освобождению Волоколамска никакого отношения не имеет»^{230}.

Далее Леонид Михайлович поясняет маршалу, что он стал начальником штаба новой полнокровной 20-й армии во второй половине ноября 1941 г. А назначенный командующим 20-й армией генерал А.А. Власов до освобождения Волоколамска, по существу, армией не командовал, так как был ещё болен. При этом Сандалов в письме не говорит прямо о том, что в период болезни Власова 20-й армией фактически командовал он.

Бывший начальник штаба объединения, отрицая факт присутствия Власова в армии, пишет об этом очень корректно:

«...от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Лизюковым А.И. (впоследствии командовал танковой армией и погиб в бою) и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П.Н. приходилось руководить действиями войск непосредственно самим»^{231}.

Впоследствии, в своей новой книге «На московском направлении» Л.М. Сандалов относительно роли своего командующего в освобождении Волоколамска уточнил и временные рамки. Они таковы: на армейском командном пункте генерал Власов впервые появился 19 декабря 1941 г.:

«Он зашёл на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и

в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катукова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах»^{232}.

В ответ Власов сказал, что чувствует себя лучше и через день-два возьмёт управление армией полностью. А на следующий день, то есть 20 декабря 1941 г. группа генерала Ремезова (20-я армия) совместно с переданной из 16-й армии группой генерала Катукова освободили от немцев город Волоколамск.

В дальнейшем, благодаря стараниям прежде всего самого Сандалова, вопрос с освобождением города Волоколамска именно войсками 20-й армии был документально доказан. Для этого ему, будучи инвалидом, даже пришлось выезжать в Подольск, где совместно с начальником архива и его сотрудниками он посмотрел большое число документов. Полный разбор операции и был сообщён в письме маршалу Захарову с приложением оперативной сводки штаба 20-й армии, краткой исторической справки академии имени Фрунзе и копии журнала боевых действий группы Ремезова.

По вопросу же руководства войсками 20-й армии со дня её формирования до освобождения города, Леонид Михайлович ограничился своими личными воспоминаниями. Честный и порядочный генерал не мог себе даже представить, что его слова спустя десятилетия, в сущности, любители военной истории подвергнут сомнению. Некто Алексей Исаев, выпускник факультета кибернетики Московского инженерно-физического института, однажды отправился в Центральный архив Министерства обороны за правдой, которую, как ему показалось, он там и нашёл. Называется эта «правда» почти сенсационно, но при этом загадочно вопросительно: «Командовал ли А.А. Власов 20-й армией в декабре 1941 г.?»

Лучше всего итог своего расследования объясняет, конечно же, сам автор:

«В наши дни в статье в «Военно-историческом журнале» (2002. № 12; 2003. № 1), посвященной Л.М. Сандалову, была изложена его версия относительно временных рамок отсутствия А.А. Власова. Авторы статьи, генералы В.Н. Маганов, В.Т. Иминов, сделали Сандалова человеком, фактически исполнявшим обязанности командующего армией. Они написали: «Назначенный командующим армией генерал-лейтенант А.А. Власов был болен и до 19 декабря находился в Москве, поэтому вся тяжесть работы по формированию армии, а в дальнейшем и по управлению

её боевыми действиями легла на плечи начальника штаба Л.М. Сандалова».

Однако если в 1960-е годы, когда доступ к документам ВОВ был практически закрыт для независимых исследователей, можно было невозбранно писать про больные уши и прибытие на командный пункт 19 декабря, то в наши дни это уже малоубедительно. Каждый командующий армией оставил после себя след в виде сонма приказов со своей подписью, по которым можно отследить периоды активного командования и дату вступления в должность.

В фонде 20-й армии в ЦАМО РФ среди приказов автору удалось найти всего один, подписанный А.И. Лизюковым. Он датирован ноябрём 1941 г., и Лизюков в нём обозначен как командующий оперативной группой. После этого идут декабрьские приказы, в которых в качестве командующего армией называется генерал-майор А.А. Власов»^{233}.

«...Фамилия «Сандалов» появляется на приказах начиная с 3 декабря 1941 г. Правда, с появлением Сандалова приказы армии начинают печататься на машинке»^{234}.

Далее Исаев не по-детски рассуждает о подлинности подписи генерала Власова, что в результате приводит его к такому умозаключению: Власов «был не гостем, а хозяином в штабе 20-й армии к моменту прибытия в неё Л.М. Сандалова»^{235}. Сравнив подписи Андрея Андреевича за июль 1941 г. и декабрь 1941 г., Исаев торжественно заявляет: «Попытки вычеркнуть из истории войны деятельность А.А. Власова в качестве комкора и командарма объяснимы, но бесполезны. Особенно в текущих условиях. В конце 1941 г. и в начале 1942 г. Андрей Андреевич Власов был на хорошем счету. Это является историческим фактом». И очередное доказательство, словно теоремы, подкрепляет боевой характеристикой на Власова, подписанной Г.К. Жуковым.

Стоит лишь напомнить автору данного «разоблачения» о том, что история вообще, а военная в частности, не математика и не физика. Более или менее точно разобраться в исторических событиях можно только тогда, когда факты и документы исследуются в их взаимосвязи и во всей противоречивой совокупности. В данном конкретном случае Алексей Исаев всё своё «расследование» построил на наличии только одной подписи генерала Власова, а также её подлинности, таким образом «уличив во лжи» Леонида Михайловича Сандалова.

Но при таком поверхностном подходе к достаточно принципиальному вопросу военной истории, Исаеву и в голову не могло прийти, что подлинная подпись командующего 20-й армией это всего лишь одна

сторона медали. Если командующий ставит на боевом приказе свою подпись, соответственно он несёт всю возложенную на него ответственность. Он в курсе мероприятий, проводимых его штабом, и указаний сверху. Словом, вроде как всё держит на контроле. Но подпись не может быть стопроцентным доказательством его фактического пребывания в войсках. Потому что армейская повседневная жизнь и деятельность, я уже не говорю про боевую, значительно отличается от гражданской. Там нет больничных листов, и очень многие вопросы решаются совершенно иначе, в чём-то даже проще, а потому и непонятно для сугубо штатского человека. Следовательно, Власов был командующим 20-й армией до своего прибытия на командный пункт юридически. Он был назначен на эту должность соответствующими приказами, он стоял на довольствии, его фамилия фигурировала во всех документах. Но фактически Андрей Андреевич находился в столице и проходил курс сначала госпитального, а затем и амбулаторного лечения. При этом, надо сказать, Власов ни за что не подписывал бы документы, в том числе и оперативные, до своего выхода на службу, так как ещё болел и имел штатных заместителей, которые вполне справлялись и без него. Однако подписи Власова потребовали из штаба фронта, и деваться ему было некуда.

Согласно директиве Ставки ВГК от 29 ноября 1941 г. оперативная группа Лизюкова преобразовывалась в 20-ю армию, а её командующим назначался генерал-майор А.А. Власов^{236}.

Как известно из показаний походно-полевой жены Власова А.П. Подмазенко, бывший командующий 37-й армией вместе с ней вышел из киевского окружения 1 ноября 1941 г. В Курске они встретились с частями Красной Армии^{237}. Когда вопрос с новым назначением Андрея Андреевича был решён, на запрос Главного управления кадров, был получен следующий ответ: «Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25–26 ноября связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха»^{238}.

Адъютант командующего майор Н.П. Кузин в собственноручных показаниях уточнит: «В декабре месяце 1941 г. я был направлен в распоряжение отдела кадров 20-й армии. По прибытии в армию я был назначен адъютантом к командующему»^{239}.

Следующее свидетельство — личное письмо Власова жене, датированное 11 декабря 1941 г.: «Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо)»^{240}.

Известный писатель Владимир Богомолов, на основе архивных

документов, а в Подольске он работал весьма усердно, в своей сильнейшей публицистике «Срам имут и живые, и мёртвые, и Россия...» пишет:

«Назначенный командующим 20-й армии 30 ноября 1941 г. Власов с конца этого месяца и до 21 декабря болел тяжелейшим гнойным воспалением среднего уха, от которого чуть не умер и позднее страдал упадком слуха, а в первой половине декабря — вестибулярными нарушениями. Болезнь Власова и его отсутствие в течение трёх недель на командном пункте, в штабе и в войсках зафиксированы в переговорах начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова и начальника штаба фронта генерала В.Д. Соколовского с начальником штаба 20-й армии Л.М. Сандаловым; отсутствие Власова зафиксировано в десятках боевых приказов и других документов, вплоть до 21 декабря подписываемых «за» командующего Л.М. Сандаловым и начальником оперативного отдела штаба армии комбригом Б.С. Антроповым. Поскольку отсутствие Власова, как предположили, будет замечено немецкой разведкой, 16 декабря, по указанию свьше, было организовано его интервью якобы в штабе — Власов находился в армейском госпитале — с американским журналистом Л. Лесюером»^[241].

По утверждению Л.М. Сандалова, «Власов до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал. Он объявил себя больным (плохо видит, плохо слышит, разламывается от боли голова). До начала операции жил в гостинице ЦДКА, а затем его перевозили с одного армейского КП на другой под охраной врача, медсестры и адъютанта. Подходить к нему не разрешали. Все документы для подписи я посылал Власову через его адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления. Впервые я, да и другие офицеры штаба, увидели Власова — в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске»^[242].

Как известно, новый начальник штаба 20-й армии прибыл к новому месту службы 28 ноября 1941 г. Но это гораздо раньше поставленной им подписи на документах. При этом дата «3 декабря» вовсе не случайна: 20-я армия 4 декабря полностью закончила своё сосредоточение.

До этого, в отсутствие командующего, штаб армии формировался в нескольких квартирах многоэтажного нового дома по Ленинградскому шоссе. Туда прибыли бывший комиссар Автобронетанкового управления Красной Армии дивизионный комиссар П.Н. Куликов на должность члена Военного совета, начальник Центрального дома Красной Армии бригадный комиссар С.И. Паша — на должность начальника политотдела, бывший

начальник кафедры Военно-инженерной академии комбриг Б.С. Антропов — на должность начальника оперативного отдела штаба и т.д. Обстановка была очень сложная, времени на формирование было выделено мало, а кроме того, параллельно шла подготовка и к предстоящим боевым действиям.

Уже в ночь на 2 декабря командование армии с начальниками родов войск и большая часть сотрудников штаба и политотдела армии выехали в войска для организации контрудара.

В начале декабря 1941 г. полковник И.М. Чистяков был прикомандирован к штабу 20-й армии, где ждал нового назначения. В один из дней его почему-то вызывает не командующий Власов, а начальник штаба полковник Л.М. Сандалов и просит съездить в 64-ю Отдельную морскую стрелковую бригаду. Уже в бригаде член Военного совета Западного фронта Н.А. Булга-нин, появившийся там вместе (опять-таки) с начальником штаба Л.М. Сандаловым, просит временно покомандовать бригадой, пока подыщут для неё командира. И снова отмечается отсутствие командующего Власова. Об этом можно прочесть в мемуарах генерала Чистякова^{243}.

В прошлом году, к юбилею Московской битвы, вышла подготовленная Главным архивным управлением города Москвы книга «Генерал Сандалов. Сборник материалов и документов»^{244}. В ней также есть немало доказательств отсутствия Власова в армии до освобождения Волоколамска. Это, прежде всего, неопубликованные отрывки из рукописи Л.М. Сандалова, а также свидетельства его сослуживцев, представляющие огромный интерес не только для специалистов.

Например, само за себя говорит воспоминание полковника в отставке П.С. Фролова, а тогда политбойца стрелковой роты 331-й стрелковой дивизии:

«Утром 6.12.41 в сильный мороз на НП дивизии, в сарае за окраиной посёлка Лобня, собрались командир дивизии генерал Ф.П. Король, комиссар дивизии полковой комиссар Т.И. Коровин, начальник штаба подполковник Н.Ф. Пуховский, начальники служб. Обсуждали, как лучше, с меньшими потерями выполнить поставленную задачу. В это время на НП прибыли начальник штаба армии Л.М. Сандалов, за отсутствием командующего армией исполнявший его обязанности, и член Военного совета армии дивизионный комиссар П.Н. Куликов. Заслушав доклад об обстановке, Л.М. Сандалов потребовал главные усилия сосредоточить на быстрейшем освобождении Красной Поляны, где противник создал

сильный узел сопротивления и устанавливает дальнобойные орудия»^{245}.

За свою многолетнюю службу в Вооружённых Силах СССР и России, лично я неоднократно, и в боевых полках, и в больших штабах, слышал одну-единственную фразу: «Свято место пусто не бывает». Её произносили именно в тех случаях, когда начальник, командир или командующий, отправлялись в отпуск или на лечение в госпиталь. То есть имелось в виду, что уходил один, а за него оставался другой. И это было совершенно нормальным явлением для мирного времени. Но в случае с Власовым ситуация совершенно иная. Он отсутствовал в самый тяжёлый, самый напряжённый период формирования армии и её наступления в битве за Москву. А отсутствуя, подписывал приказы. Безусловно, это нонсенс, но тем не менее так было.

Полковник А.И. Лизюков. До формирования 20-й армии короткое время командовал северной оперативной группой Московской зоны обороны, расформированной 1 декабря. В 20-ю армию был назначен заместителем командующего. По воспоминанию генерала И.М. Чистякова, «оказался простым, весёлым и очень шумным человеком. Бывало, за километр слышно, как Лизюков идёт: такие разносы устраивал за малейший беспорядок!»^{246}.

О роли и месте полковника Лизюкова в 20-й армии в период отсутствия её командарма говорит представление к ордену Ленина, кстати сказать, подписанное Власовым 4 января 1942 г.:

«Тов. ЛИЗЮКОВ с 30.XI.41 г. по 1.1.42 г. всё время руководил боевой деятельностью войск 20 Армии. 1 и 3.12.41 г. т. ЛИЗЮКОВ лично водил 1106 полк 331 сд в атаку и по заданию т. Булганина по его личному героизму овладели д. Горки. Солнечногорск захвачен под руководством т. ЛИЗЮКОВА, и он один из первых вошёл в город»^{247}.

В книге Д.З. Муриева «Провал операции «Тайфун» можно прочесть о том, как Александр Ильич Лизюков в очередной раз проявил мужество, прибыв 12 декабря в 35-ю стрелковую бригаду и направив её в Солнечногорск. В этот день 35-я стрелковая и 31-я танковая бригады под его командованием во взаимодействии с 55-й отдельной стрелковой бригадой 1-й ударной армии, наступающей с севера, освободили город^{248}.

Дивизионный комиссар П.Н. Куликов. До формирования 20-й армии короткое время был комиссаром у Лизюкова. Генерал И.М. Чистяков называет его полной противоположностью по характеру своему командиру: «спокойный, рассудительный, кадровый политработник, москвич. Очень хорошо дополнял Лизюкова!»^{249}. В 20-й армии был назначен членом

Военного совета. До появления Власова чаще всего находился рядом с Сандаловым. Вместе с начальником штаба возглавлял развёртывание армии^{250}.

Комбриг Б.С. Антропов. До формирования 20-й армии короткое время был начальником штаба у Лизюкова. По мнению генерала И.М. Чистякова, «уже пожилой человек, образованный, умеющий давать правильную оценку событиям, но вот беда, уж очень мнительный»^{251}. В 20-й армии был назначен начальником оперативного отдела — заместителем начальника штаба. О его роли и месте точно так же говорит наградной лист, подписанный Л.М. Сандаловым 9 января 1942 г.:

«Тов. Антропов, будучи с конца ноября месяца 1941 г. начальником оперативного отдела 20 армии, показал себя неутомимым, оперативно высоко грамотным командиром.

Проведённые успешно операции армии под «Красная Поляна», Солнечногорск, Волоколамск разработаны лично тов. АНТРОПОВЫМ и частично осуществлялись под непосредственным его контролем с передового вспомогательного пункта управления штаба фронта.

Тов. АНТРОПОВ вполне заслуживает правительственной награды орден «Красная Звезда»...»^{252}.

Полковник Л.М. Сандалов. До формирования 20-й армии — начальник штаба Брянского фронта. Официально — начальник штаба 20-й армии. Фактически — исполнял обязанности командующего ввиду его отсутствия. Под его руководством было сформировано армейское управление, развёрнута армия, создана её оборона, готовилось и проводилось наступление вплоть до освобождения Волоколамска. В статье о Л.М. Сандалове «Это был один из наиболее способных наших начальников штабов» генералы В.Н. Маганов и В.Т. Иминов пишут совершенно точно:

«В дни декабрьского контрнаступления Л.М. Сандалов при фактическом отсутствии командующего армией, умело сочетая работу на армейских командном и наблюдательном пунктах и непосредственно в войсках, показал не только профессиональную зрелость как руководитель оперативного штаба, но и способность уверенно управлять военными действиями объединения в сложных условиях обстановки. Он многое сумел сделать в этот относительно небольшой период времени: и наладить работу только что сформированного штабного коллектива, сколотить его, превратив в слаженный и дееспособный организм, и, опираясь на него, грамотно спланировать и в короткие сроки организовать наступление соединений и частей армии, и осуществлять на всех этапах устойчивое

управление ими, обеспечив тем самым выполнение поставленных командованием фронта задач»^{253}.

В представлении на генерала Сандалова к ордену Красного Знамени, подписанного Власовым 9 января 1942 г., чётко говорится о его роли и месте:

«Тов. САНДАЛОВ в боях с немецким фашизмом показал себя высоко подготовленным в оперативном и тактическом отношении и умением управлять войсками в бою.

В боях за Красную Поляну, Солнечногорск и Волоколамск умело организовал операцию по уничтожению противника, чем обеспечил успех боя частей армии.

В ходе боевых действий хорошо организовал взаимодействие, управление и связь между соединениями.

Находясь неоднократно на передовой линии фронта, показал себя смелым, решительным и храбрым командиром...»^{254}.

При внимательном прочтении всех наградных листов, подписанных А.А. Власовым, можно без всякого затруднения понять, что он как командующий до освобождения Волоколамска своим объединением не руководил, так как начальник штаба работал за него, начальник оперативного отдела Антропов за Сандалова. Лизюков и Куликов исполняли свои прямые обязанности: один заместителя, а другой члена Военного совета. К слову сказать, именно за Волоколамскую операцию полковнику Сандалову (27 декабря 1941 г.) было присвоено воинское звание «генерал-майор»^{255}.

Вот как вспоминает Л.М. Сандалов появление Власова в 20-й армии:

«В последние дни 1941 г. на армейском КП в Волоколамске обосновался Власов. Поселился он отдельно от штаба, на восточной окраине города. С этого времени бразды управления армией Власов взял в свои руки, болезней его как не бывало, и слышать и видеть он стал отлично. Фигура его распрямилась, голову стал держать откинутой назад. В обращении с подчинёнными стал надменным и чрезвычайно грубым. Особенно всё это стало заметным после съёмки его для документальной картины, отображающей Московскую битву. После съёмки ряда войсковых армий засняли и командование армии: Власова, Куликова и меня. Изобразили нас как бы находящимися на наблюдательном пункте, прикрытом кустами, откуда Власов указывает перстом направление для атаки войскам. С тех пор он особенно часто стал употреблять выражение «моя армия». В его громком крике то и дело слышалось: «В моей армии нет

места таким, как вы!», «Моя армия — жемчужина среди армий Западного фронта, а вы в ней со своей дивизией тёмное пятно!».

Из армии началось бегство начальствующего состава. Первым уехал полковник Александр Ильич Лизюков. Несколько раз он звонил из моей комнаты в Москву, просил куда-нибудь перевести его.

— Не хочу слушать грубости и хвастовство Власова, уйду в другую армию, — делился он со мной и Куликовым своими обидами. — Я убеждён, что у Власова перед началом контрнаступления никаких болезней не было. Он не верил в нашу победу и тонко задумал лавировать: если наступление не удастся, на него, почти не принимавшего из-за болезней участия в командовании армией, вина не ляжет; ну, а вот теперь, когда наступление принесло победу, он стал в позу Наполеона.

Вслед за Лизюковым получил назначение на должность начальника штаба корпуса мой заместитель комбриг Б.С. Антропов. А за ним из армии уехал командир морской бригады. Как-то Власова вызвали в Москву. И тотчас же ко мне, на время возглавившему армию, заявился полковник Иван Михайлович Чистяков с просьбой:

— Отпустите меня на сутки по личным делам в Москву. Ведь я в начале декабря приехал к вам из Москвы инспектировать морскую бригаду, а вы меня назначили тогда её командиром, не разрешили даже за вещами съездить.

— Но ведь вы едва ли обратно вернётесь? — недоверчиво спросил я.

Он усмехнулся и не стал опровергать моё предположение. Из Москвы Чистяков в армию не приехал, его вскоре назначили командиром Панфиловской дивизии. А командовать морской бригадой мне пришлось отпустить заместителя начальника оперативного отдела подполковника А.Д. Кулешова. Ряд сотрудников штаба и армейских управлений возвратились тогда в центральные управления Наркомата обороны, откуда они были к нам назначены. Пришлось наскоро пополнять штаб армии за счёт штабов дивизий и бригад»^{256}.

Упрямым доказательством, как времени появления Власова в армии, так и его самоустранения от прямого выполнения своих обязанностей является Боевое распоряжение командующего войсками Западного фронта Г.К. Жукова командующему 20-й армией А.А. Власову от 30 декабря 1941 г.:

«1. 20-я армия несколько дней не выполняет поставленных задач, а Военный совет даже не думает донести по существу топтания армии на месте.

Военный совет армии обязан ежедневно отчитываться за день боя,

докладывать своё решение на следующий день. Вы, видимо, считаете себя не обязанным это делать и поручили нач. штаба и второстепенным лицам доносить Военному совету фронта.

Такую практику прекратить и доносить мне ежедневно об обстановке, выполнении задачи о своём решении...»[{257}](#).

В личном архиве Л.М. Сандалова хранится письмо бывшего начальника оперативного отдела Б.С. Антропова, в котором тот откровенно свидетельствует:

«...Я пробыл в штабе 20-й армии с 28.11.41 по 7.1.42, и за это время я ни разу не видел командующего армией. Меня очень удивляло, что у командарма никогда не возникало к оперативному отделу вопросов, мне не приходилось его видеть ни в штабе, ни на улице. Я всегда считал, что он имел дело только с Вами — начальником штаба и не мог снизойти до его заместителя.

Один-единственный раз, так сказать первый и последний, я увидел командарма, когда пришёл доложить о моём переводе в штаб 2-го гвардейского корпуса и проститься с ним. Был милостиво оставлен на чашку чая. Всё это заняло минут 20. Вот как!»[{258}](#).

В общем, вышеперечисленных доказательств вполне достаточно, для того чтобы утверждать: таким образом, генерал А.А. Власов до освобождения Волоколамска 20-й армией не командовал. Но не командовал не потому, что позже стал предателем, а потому что так удобно смог воспользоваться своей болезнью.

У нас в народе не зря говорят, что дуракам везёт. В конкретном и частном случае Андрею Андреевичу тоже повезло. Отлёживаясь в номере гостиницы Центрального дома Красной Армии со своей походно-полевой женой и оставляя автографы на приказах и распоряжениях, привезённых ему адъютантом (благо зимой 1941 г. от центра Москвы до линии фронта можно было добраться на автомашине), он за реальные победы своей армии, к которым имел лишь официальное отношение, был награждён не только орденом Красного Знамени и повышен в звании до генерал-лейтенанта, но и кроме всего прочего стал «освободителем Москвы». И в этом нет ровным счётом ничего удивительного. К сожалению, так работала советская государственная система, где благодаря пропагандистской машине не всегда легко можно было отличить правду от лжи. Обидно лишь за тех, кто впоследствии, по совершенно разным причинам оказался в тени обыкновенного предателя.

И теперь возникает вполне резонный вопрос: а мог ли начальник

штаба армии Л.М. Сандалов по своему военному опыту заменить отсутствующего командующего?

Для этого необходимо просто сравнить военное образование двух генералов и их прохождение службы до назначения в 20-ю армию.

К слову сказать, начальник штаба был всего на год старше своего командующего (1900 г.р.). Его военное образование было следующим:

- Курсы комсостава (1920 г.);
- Киевская объединённая школа командиров (1926 г.);
- Военная академия им. М.В. Фрунзе (1934 г.);
- Академия Генштаба (1937 г.)^{259}.

Теперь посмотрим у Власова:

- Курсы комсостава (1920 г.);
- Владикавказская пехотная школа (сдал экстерном) (1924 г.);
- Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава «Выстрел» (1929 г.);
- 1-й курс Военно-вечерней академии РККА в Ленинградском отделении (1935 г.)^{260}.

В годы Гражданской войны Сандалов командовал взводом, ротой, был адъютантом батальона. Власов — командир взвода и роты.

В межвоенный период Сандалов: с 1921 г. — командир роты, затем на штабных должностях в Киевском военном округе. С 1934 г. — начальник штаба механизированного полка, с 1935 г. — помощник начальника 1-го отделения 1-го отдела штаба округа. Власов: командир роты, батальона, преподаватель тактики школы комсостава запаса, помощник начальника учебного отдела объединённой школы. С 1935 г. — помощник начальника отдела боевой подготовки штаба округа, начальник учебной части Ленинградских курсов военных переводчиков.

С 1937 г. — Сандалов начальник оперативного отдела штаба Белорусского военного округа. Участвовал в подготовке и проведении в 1937 г. крупнейших довоенных учений Красной Армии. В сентябре 1939 г. принимал участие в походе в Западную Белоруссию (начальник оперативного отдела штаба Белорусского фронта). С 1940 г. — начальник штаба 4-й армии.

С 1937 г. Власов командир полка, в 1938 г. — помощник командира дивизии, затем начальник отдела штаба Киевского Особого военного округа. С октября 1938 г. — военный советник в Китае. В 1940 г. — командир дивизии, в 1941 г. — командир корпуса.

В начале войны Сандалов с июня по август 1941 г. — начальник штаба

4-й армии Западного фронта. С 30 июня по 23 июля временно исполняющий должность командующего 4-й армией Западного фронта. Под командованием Сандалова был остановлен отход 4-й армии, в районе Пропойска создан рубеж обороны, с которого осуществлялись контрудары против армии Гудериана. В августе — ноябре 1941 г. он — начальник штаба Центрального и Брянского фронтов.

Власов до июля 1941 г. командир корпуса, затем командующий 37-й армией Юго-Западного фронта. С 20 сентября выходил из окружения. В ноябре — декабре 1941 г. поправлял своё здоровье.

Таким образом, мы можем вполне наглядно убедиться в том, что начальник штаба 20-й армии был значительно образованнее и опытнее своего командующего. Дальнейшие комментарии здесь, надеюсь, излишни.

Что касается судьбы генерала Сандалова, то следует подчеркнуть некоторые моменты из его биографии, благодаря которым этот человек заслужил всеобщее и непререкаемое уважение. В 1951 г., будучи начальником штаба Московского военного округа, генерал-полковник Л.М. Сандалов попал в авиационную катастрофу, получив очень тяжёлые увечья. Сложнейшие операции и два года в госпиталях не сломали этого мужественного человека.

Несмотря на то, что Леонид Михайлович мог передвигаться в инвалидной коляске, он, что называется, назло всем смертям, прожил с такой ужасной болезнью ещё более 30 лет, всего себя посвятив научной и литературной работе. За это время ему удалось создать ряд военно-исторических и мемуарных трудов, благодаря которым мы сегодня, опираясь на них, можем узнать правду одного из наиболее способных наших начальников штабов Великой Отечественной войны. Между прочим, которому довелось тогда занимать последовательно должности начальника штаба двух армий и пяти фронтов. Генералы В.Н. Маганов и В.Т. Иминов не зря этот факт называют поистине уникальным. Собственно, так оно и есть.

Думается, что именно после войны Леонид Михайлович Сандалов совершил свой главный жизненный подвиг, переборов смерть, увечья и написав правдивые и очень интересные мемуары. Сомневаться в которых могут люди весьма далёкие от военной истории и военной науки.

К сожалению, в своей книге «На московском направлении» он не смог рассказать всех штрихов к портрету своего официального командующего. Для этого существовало множество причин. Но именно благодаря этой книге, и сегодня не трудно найти отдельные документы и факты, чётко говорящие о том, что генерал Власов до освобождения Волоколамска 20-й

армией не командовал. Да и потом, его командование не отличалось, что называется, «умом и сообразительностью». Но это уже совершенно другая история.

В конце 1928 г. А.А. Власов прибывает в Москву (в Лефортово) на курсы усовершенствования «Выстрел». Для непосвящённых следует отметить, что Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» — это бывшая Высшая стрелково-тактическая школа командного состава РККА и Высшая стрелковая школа командного состава РККА. В исторической справке о ней говорится следующее: «Высшая стрелковая школа командного состава была учреждена приказом РВСР № 245 от 21 ноября 1918 г. в целях подготовки среднего командного состава для стрелковых подразделений и частей, изучения и испытания новейших видов огнестрельного оружия. Создана в Москве на базе бывшей Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы старой армии с подчинением ГУВУЗу. По положению школа являлась учебно-строевой частью и состояла из учебного отдела, ружейного полигона и управления с отделом снабжения. Учебный отдел включал курсы: тактические, стрелковые, траншейной артиллерии с 6–4-месячным сроком обучения. Приказом Всероглавштаба № 49 от 30 января 1919 г. в школу на правах отдела была передана 1-я Московская школа полковой (траншейной) артиллерии и боевых технических приспособлений. Приказом РВСР № 1151 от 18 июля 1919 г. в школе были организованы временные курсы для подготовки командиров полков.

В целях усиления тактической подготовки комсостава приказом РВСР № 1437 от 7 июня 1921 г. Школа была реорганизована в Высшую тактичеcko-стрелковую школу командного состава РККА с увеличением срока обучения до 9-ти месяцев. Приказом РВСР № 2293 от 13 октября 1921 г. ей было присвоено имя III Коминтерна, а с 24 апреля 1923 г. она получила наименование Высшей тактичеcko-стрелковой школы командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» (приказ РВСР № 824). На основании приказа РВСР № 1591 от 19 июля 1923 г. при школе были открыты педагогические курсы преподавателей, окружные повторительные и курсы начальников школ по подготовке младшего комсостава. Приказом РВС СССР № 1265 от 9 октября 1924 г. школа была реорганизована в Стрелково-тактические курсы усовершенствования РККА им. III Коминтерна (КУКС «Выстрел»). На основании приказа РВС СССР № 590 от 27 сентября 1926 г. на курсах был создан научно-исследовательский отдел. Приказом РВС СССР № 289 от 3 июня 1927 г. при курсах были

открыты отделения для подготовки штабных и хозяйственных работников и пулемётные курсы»^{261}.

В приказе по Стрелково-тактическим курсам усовершенствования комсостава РККА имени «Коминтерна» № 365 от 28 декабря 1928 г. говорилось:

«...Нижепоименованных лиц, прибывших для прохождения курса, зачислить в списки слушателей курсов и на довольствие: денежное и продуктивное согласно отметок в списке и вещевые, согласно арм. списков...»^{262}. Далее в документе перечисляется старший курс — 9 человек (помощники командиров полков — 4, окружной военком, военком стрелкового полка, командир отдельного конвойного батальона, помощник начальника 1-го отдела штаба округа, начальник части ВХС стрелковой дивизии), затем хозяйственное отделение — 3 человека (2 — помощника командира полка и заведующий хозчастью) и, наконец, средний курс — 15 человек (2 командира батальона, помощник командира батальона, 8 — командиров рот, командир пулемётной роты, помощник командира дивизиона и 2 начальника полковой школы). Одним из них в списке самым первым значится: «Власов Андрей Андреевич нач. полкшколы 26 стр. полка. 22/ХІІ...»^{263}.

Курс среднего комсостава, на который был принят будущий генерал, имел цель дать квалификацию и усовершенствование в званиях среднего комсостава^{264}. Обучающиеся на курсах именовались слушателями и числились в продолжительной командировке, сохраняя за собой штатные должности. Численность командироваемых на учёбу устанавливалась отдельно для каждого округа Главным управлением РККА. При этом зачисление кандидатов производилось без предварительных испытаний. Отчисление слушателей до окончания курса происходило в пяти случаях:

- оказавшихся неспособными к усвоению курса;
- получивших два дисциплинарных взыскания за нарушение учебной дисциплины, объявленные в приказе;
- за неудовлетворительное поведение в политическом или моральном отношении;
- по болезни;
- в случае отъезда в командировку на срок более трёх месяцев.

Примечательно, что отчисленные за неуспеваемость в течение первых двух месяцев слушатели среднего комсостава могли быть с разрешения Управления Военно-учебных заведений и Главного управления РККА, направлены в случае изъявления на то ими желания непосредственно в

военные школы, на основной курс или повторное отделение^{265}. И ещё один факт. С прибывающими слушателями всё же проводились проверочные занятия с целью выявления их подготовки. Например, для курса среднего комсостава они были следующими:

- по циклу тактики;
- по обществоведению и политработе;
- по стрелковому делу^{266}.

Некоторое представление о курсах «Выстрел» периода обучения на них А.А. Власова даёт «Докладная записка начальника курсов Смолина от 27 августа 1928 г. Начальнику Главного управления РККА за № 5382. Копии: Начальнику Управления военно-учебных заведений. Инспектору пехоты»:

«Целевой установкой Курсов усовершенствования является усовершенствование в управлении в бою соответствующих категорий комсостава как общевойсковых начальников и усовершенствование в организации и проведении обучения и воспитания командного состава и войсковых частей.

Подготовка складывается из следующих этапов:

- изучение новостей военной техники;
- изучение приёмов применения в бою этой новой техники во взаимодействии с пехотой;
- изучение новых методов использования в бою огневых средств пехоты и практика в управлении современными тактическими соединениями;
- усовершенствование в организации и проведении политработы в мирное и военное время.

Ни один из этих этапов изучаться и прорабатываться в абстрактной теоретической форме не может, т.к. такая форма обучения даст мало пользы.

Необходимы другие формы обучения, такие, которые на конкретных практических примерах /задачах/ давали бы полную возможность как показать, так и проработать самим слушателям тот или иной вопрос, ту или иную тему. Такой формой с истёкшего учебного года на курсах «Выстрел» избран сугубо практический метод.

Сущность этого метода заключается в том, что все теоретические положения, необходимые для изучения слушателями, вложены в основу логического последовательного ряда практических занятий или ряда задач. Истёкший год показал полную целесообразность такого метода. И этот метод является основой для будущего учебного года.

Первой наиболее доступной формой практической проработки тактических вопросов является карта. На ней можно проработать уяснение поставленной задачи, уяснение обстановки, можно наметать идею решения и постановку задач подчинённым. Путём односторонней и двусторонней военной игры можно проследить частично за динамикой самого боя. Но эта динамика не развивается в тех условиях, в которых она развивалась бы в реальном бою. Она не приучает слушателя к быстрому реагированию на изменившуюся обстановку боя, и принятию новых решений и к быстрому проведению их в жизнь.

Следующей более усовершенствованной формой являются выходы в поле и полевые поездки. Как те, так и другие возможности решать задачи на реальной местности с учётом всех её особенностей. Полевая поездка хорошо организованная, обеспеченная достаточными средствами связи, даёт возможность проработать частично динамику боя.

И, наконец, самой ценной формой занятий будет занятие с войсками. Ценность таких занятий наиболее приближающаяся к боевой реальности проработки динамики боя.

Из перечисленных форм обучения слушателям курсов «Выстрел» доступны лишь карта и выходы в поле. При решении задач в поле без войск динамика оставляет много места для воображения и фантазии. Столь важный в бою учёт времени движения тех или иных войсковых подразделений не может быть в полной мере проведён без войск. Вопросы связи с артиллерией, постановка ей задач, понятие о времени, необходимом ей для изготовления к бою из походного движения, — всё это не может быть вполне реально поставлено без реальных войсковых частей. Полевая поездка при крайне ограниченном числе верховых лошадей и полном отсутствии средств связи не даёт никакой поучительности.

Тактические занятия с войсками слушатели также не обеспечены, ибо «Выстрел» не имеет своих частей, обеспечивающих учёбу всем слушателям, особенно командирам полков.

В столь неудовлетворительном положении находятся и практические проработки использования связи, авиации, артиллерии и всех военно-технических средств: с ними слушателям приходится лишь поверхностно знакомиться на показательных занятиях. Такие занятия никаких практических навыков слушателям не дают /«увеселительные прогулки», по словам самих слушателей/. Мнимый сосед, мнимые части, мнимая артиллерия, мнимая техника — всё это создаёт такое положение, при котором слушатель окончательно разучивается реально учитывать боевую обстановку и лишается возможности усовершенствоваться в практике

постановки боевых задач всем тем частям, которые в бою будут ему подчинены или его обеспечивать.

Тот непрактический метод требует и по стрелковому делу предоставления слушателям возможности усовершенствования в организации и управлении в бою огневыми средствами пехоты.

Стрелковая немощь в Красной Армии изживается. Комсостав уже достаточно хорошо умеет сам лично владеть оружием. Сейчас идёт в армии ставка на умение управлять огнём части. Эта же ставка делается и для слушателей курсов «Выстрел». Истёкший год ярко подчеркнул необходимость расширить этот отдел.

Практическая работа в лабораториях, затем на полигоне и в поле со всеми огневыми средствами полка (как его штатными, так и приданными в бою) в виде соответствующих войсковых подразделений — вот этапы стрелкового усовершенствования.

Каждый командир слушатель, должен не только посмотреть, как управляют огнём другие, но сам должен достаточно попрактиковаться в этом. Только тогда он получит соответствующие практические навыки в этом трудном деле.

И, наконец, организационно-методическое усовершенствование в организации и проведении обучения комсостава войсковых подразделений полка, батальона и роты. Никакие теоретические измышления и выкладки в этом сугубо-практическом деле усовершенствования слушателю не давали и не дают. Только непрерывная, под наблюдением преподавателя, практика с реальными войсковыми подразделениями принесут пользу.

Практический метод является основным этапом по пути усовершенствования в методах обучения на «Выстреле». Уже с первого года, при очень скупом материальном и организованном обеспечении учёбы, он дал благоприятные результаты. Этот же первый год его применения указал на ряд предпосылок, без которых невозможно дальнейшее его усовершенствование.

Первой предпосылкой является материальное обеспечение проведения практики. Сюда, прежде всего, относится полное материальное обеспечение оборудования всех лабораторий и их расширение и соответствующее их бесперебойное обслуживание.

В этом году в связи с капитальным ремонтом здания курсов является возможным расширить помещение под учебный отдел в первую очередь необходимо уделить внимание и средства (материальные и денежные) оборудованию кабинетов и лабораторий. При сокращении времени обучения на курсах и взятии курса на практический уклон, кабинеты и

лаборатории, хорошо оборудованные должны явиться колоссальным подспорьем в учёбе. Вся военная техника, все достижения, все новые формы боя, управления, обеспечения боя и войсковых организаций должны быть предоставлены здесь. Здесь же слушатель должен иметь в достаточном количестве всё учебное и боевое вооружение и снаряжение как Красной Армии, так и всех иностранных армий, особенно возможных наших противников.

До сего времени курсы, кроме удовлетворительного музея ручного оружия, ничего почти не имели. В связи с капитальным ремонтом много пришлось разрушить и испортить.

Ныне всё придётся организовывать и устраивать заново, на что требуются соответствующие суммы денег /до 15 тыс./ и отпуска соответствующей материальной части. Параллельно с материальным оборудованием кабинетов и лабораторий встаёт вопрос об обслуживании особенно низшим персоналом этих лабораторий. Необходим штат квалифицированных сверхсрочных вахтёров, хорошо знающих своё дело и инструкторов. Двумя-тремя красноармейцами или вольнонаёмными рабочими, связанными 8-часовым рабочим днём, не обойдётся.

Лучшей практической лабораторией для курсов является полигон. После длительных лет скитания по временным неудобным подвижным лагерям Курсам удалось получить свой собственный полигон. Незначительная сумма денег, отпущенная на его оборудование, всё же дала возможность уже в этом году произвести на нём ряд работ по оборудованию, рационализации его использования. Этим полигоном Курсы будут пользоваться круглый год. Здесь же будут проводить все стрельбы пулемётные курсы при «Выстреле» (...)

Ещё до империалистической войны, когда техника и формы ведения боя и обучение войск имели застывшие формы, ещё тогда бывшая офицерская стрелковая школа при 90 капитанах-слушателях имела свою полигонную роту в 200 человек и обслуживалась бригадой пехоты, дивизионом артиллерии (24 орудия), эскадроном конницы и сапёрной ротой.

«Выстрел» же, имея в своём переменном составе 150 старшего комсостава и 205 среднего, обслуживается полигонной командой из 45 человек, не имеет средств связи, всего 45 верховых лошадей и обслуживается батальоном 2-го стрелкового полка Московской Пролетарской дивизии. Но при этом нужно оговориться, что кадровый батальон этого полка всегда несёт большой караульный наряд, а остальные батальоны, как территориальные, зимой пустые, а летом только начинают

обучать переменников; никаких средств связи в полку нет; пулемётчики и артиллеристы обычно летом отсутствуют на специальных сборах, и «Выстрел» получает 2–3 роты, составленные исключительно из стрелковых необученных отделений (...)

Для курсов «Выстрел» необходим такой учебный отряд, который мог бы, хотя бы в минимальной степени, дать возможность и командиру полка и командиру роты проработать тактические стрелковые и методические вопросы с живыми войсковыми соединениями, а не на бумаге. Обозначенный отряд должен иметь достаточное количество средств связи, которые возмещали бы отсутствующие войсковые части и давали бы руководству управлять и руководить занятиями. Это особенно важно для старшего комсостава и отделений штабных работников. При отряде должен быть артдивизион трёх-батальонного состава /одна из батарей гаубичная/. Тогда будет полная возможность прорабатывать и полковую артиллерию и артиллерию П.П.

С увеличением удельного веса танков в пехоте, необходимо иметь свой взвод лёгких танков»^{267}.

2 января 1929 г. была закончена разбивка зачисленных на Курсы слушателей по отделениям^{268} и началась учёба. Для Власова и его товарищей она закончится в апреле 1929 г.^{269}, после чего командиры разъедутся по своим частям.

Всё военное образование будущего генерала Власова, как это видно из его личного дела, весьма скромное, что, собственно, характерно для многих командиров того времени:

— 6.1920–11.1920 — курсант 24-х Нижегородских пехотных курсов.

— 11.1928–4.1929 — слушатель курсов усовершенствования «Выстрел»^{270}.

Кроме этих десяти реальных месяцев обучения военному делу, Андрей Андреевич сдал экстерном за нормальную школу при Владикавказской пехотной школе в 1924 г. и окончил 1-й курс Военно-вечерней академии РККА в Ленинградском отделении в 1935 г.^{271}. Откровенно скажем, не густо. При этом какое образование на «Выстреле» получил Власов, можно предположить из вышеупомянутой докладной записки начальника курсов Смолина. Но точно так же, как и на курсах, непросто было и во всей Красной Армии. Например, в своих тезисах доклада в РВС СССР о состоянии боеготовности стрелковых частей и подготовке командного состава начальник Командного управления ГУ РККА Н.В. Куйбышев писал (24 октября 1927 г.):

«Нормальному выполнению задач мешали нижеследующие общие условия и причины:

1. Задержка в издании Боевого устава пехоты, ч. II и Боевого устава артиллерии, ч. II.

2. Текучесть личного состава (до 60%), перегрузка нарядами (до 20 000 на дивизию в 1 мес.) и несоответствие штатов требованиям службы и обучения в кадровых частях.

3. Пестрота в качестве оружия и патронов, с большими процентами изношенного, недоброкачественного, и недостаток вооружения, боевых приборов, снаряжения и учебного оружия и учебных пособий.

4. Неполная обеспеченность тирами, стрельбищами, учебными полями и в большинстве — примитивным оборудованием их.

5. Ограниченность средств связи, кроме проволоки, почти ничего нет.

6. Отсутствие противогазов в должном количестве.

7. Невозможность для подавляющего большинства частей ознакомиться с многочисленными видами боевой техники: танки, броневики, пехотные пушки и миномёты, ружейные гранаты и т.п.

8. Пестрота в руководстве штабов боевой подготовкой.

9. Перезагрузка начсостава и связанный с этим недостаточный рост активности и инициативы его в руководстве обучением и боем»^{272}.

Подводя итоги подготовки по категориям, Куйбышев фиксирует:

«в) В качественном уровне старшего и среднего начсостава кадра частей разнородность по своей подготовке значительно сгладилась. В тактической подготовке старшего командного состава отмечается увеличение знаний в умении оценивать обстановку, принять правильное решение, поставить задачу подчинённым частям и артиллерии, правильно использовать имеющиеся технические средства борьбы, организовать наступление и оборону. Слабым местом является неумение сохранить непрерывность в управлении в процессе боя, отчасти — по причине недостатка технических средств связи.

Средний командный состав теоретически по тактике подготовлен удовлетворительно, но в практическом применении не умеет быстро оценить обстановку, излишняя осторожность, нерешительность и отсутствие уверенности в своих действиях. Слабо усвоен вопрос организации огневой системы и выбор целей для обстрела. Особенно существенный недостаток — неумение командовать»^{273}.

К слову сказать, низкий уровень боевой подготовки Красной Армии оставался и в 30-е годы. Кандидат исторических наук А. Смирнов

объясняет это так:

«Главная причина заключалась в слабой подготовке и крайне слабом воинском воспитании младшего, среднего и старшего командного состава — от отделённого командира (соответствующего нынешнему младшему сержанту) до полковника.

Кажется, у нас до сих пор не осознают, насколько низок был уровень общего образования командиров РККА в 30-е гг. — не только после репрессий, но и раньше таковых. Например, в 1929 г. у 81,6 процента (а в пехотных школах — 90,8 процента) принятых в военные школы сухопутных войск было лишь начальное образование или не было вовсе никакого! В январе 1932 г. начальное образование было у 79,1 процента курсантов военных школ, в январе 1936-го — у 68,5 процента (но в бронетанковых — у 85 процентов). Таковы были плоды погони за «процентом рабочих и крестьян»... Но, «как известно, — отмечал в 1935 г. комкор С.Н. Богомяков, — тактически грамотные командиры — это на 99 процентов люди с хорошим общим развитием и широким кругозором. Исключения единичны»^{274}.

Проблема командира Власова, как и многих его товарищей, заключалась в том, что «военные школы не могли подготовить из малообразованных курсантов знающих дело средних командиров. Кроме того, в отличие от германских юнкера и фенриха, советскому курсанту конца 20-х — начала 30-х гг. не преподавали военную психологию, военную педагогику, дидактику. В результате ещё в конце 20-х отмечалось «отсутствие у выпускаемых курсантов... командирских навыков и методических приёмов. Вследствие этого средний комсостав не мог как следует обучить младшего командира, на котором лежала основная работа по одиночной подготовке бойца»^{275}.

А. Смирнов называет безобразной и тогдашнюю методику обучения:

«Повсеместно нарушался её основополагающий принцип: «учить не рассказом, а показом». Имевшиеся учебные пособия младшим комсоставом упорно не использовались (...)

Принятый в русской армии индивидуальный метод подготовки стрелка был забыт... И наконец, повсеместно пренебрегали тщательной и настойчивой отработкой деталей, не добивались чистоты выполнения тех или иных приёмов (изготовки к стрельбе, прицеливания, перебежек, переползания и т.п.)»^{276}.

По авторитетному мнению доктора исторических наук О. Будницкого, боеспособность Красной Армии и качество работы промышленности того

времени были в значительной мере обусловлены степенью урбанизации и уровнем образования населения. Как считает профессор, причины были следующими:

«Во-первых, СССР оставался крестьянской страной. Сельское население вдвое превосходило городское (114 млн. и 56 млн. соответственно, цифры округлены), две трети населения (67,1%) жило в сельской местности...

Во-вторых, уровень образования населения был весьма невысок. На январь 1939 г. почти пятая часть населения страны (18,8%) была неграмотна. Правда, уровень неграмотности у населения в возрасте 9–49 лет был ниже — 10,9%. Критерии грамотности, которыми руководствовались переписчики, были своеобразными: умение читать по слогам и написать свою фамилию на родном или русском языке. На 1000 человек приходилось 6,4 человека с высшим образованием и 77,8 со средним (причём в графу «среднее образование» включались и те, у кого было неполное среднее — 7 классов)^{277}.

Что касается армии, то на «1 января 1941 г. высшее и среднее военное образование имели, соответственно, 7% и 56% командно-начальственного состава. То есть Красная Армия испытывала настоящий кадровый голод. Да и профессиональная подготовка командного состава оставляла желать лучшего: не хватало квалифицированных преподавателей (...)

В половине 1941 г. дефицит квалифицированного комсостава усугубился: численность ВС выросла более чем на 1150 тыс. человек (с учётом призванных на сборы из запаса) — с 4207 тыс. на 1 января 1941 г. до 5373 тыс. на 1 июня 1941 г.

Опыт приобретался дорогой ценой: потери среди комсостава были чудовищными. В 1942 г. на фронтах погибло (в том числе от ран) около 162 тыс. средних и старших командиров ВС, пропало без вести около 125 тыс. Среди погибших были 11 командиров корпусов, 76 командиров дивизий и 16 командиров бригад. Всего же за годы войны погибли, умерли от ран и болезней, пропали без вести или пропали в плен 35% общего числа офицеров, служивших в Вооружённых силах СССР. В абсолютных цифрах — 1 023 100 человек»^{278}.

Печальной оказалась и судьба некоторых однокашников Власова по курсам «Выстрел»: помощника командира дивизиона 83-го стрелкового полка Критина Ивана Авксентьевича, помощника командира батальона 135-го стрелкового полка Шилова Фёдора Николаевича, начальника полковой школы 135-го стрелкового полка Верзина Сергея Владимировича

и командира пулемётной роты 31-го стрелкового полка Эйтингона Саула Абрамовича^{279}.

Подполковник Критин И.В. (1901 г.р.) помощник по тылу начальника штаба 2-го механизированного корпуса пропал без вести в июне 1941 г.^{280}.

Генерал-майор Шилов Ф.Н. (1903 г.р.) командир 218-й стрелковой дивизии умер от ран 4 сентября 1941 г. Похоронен на восточной окраине Твери^{281}.

Генерал-майор Верзин С.В. (1898 г.р.) командир 173-й стрелковой дивизии пропал без вести 19 сентября 1942 г. Известно, что он застрелился во избежание плена^{282}.

Бригадный комиссар Эйтингон С.А. (1904 г.р.) военный комиссар 6-го механизированного корпуса пропал без вести в 1941 г.^{283}.

В 1942 г. Советская военная разведка смогла добыть и отправить в Москву записку, составленную после первых месяцев боёв командующим 2-й танковой армией вермахта генерал-полковником Гейнцем Гудерианом. В начале ноября немецкий генерал направил этот документ в Берлин, а через три месяца, в феврале 1942 г., этот же документ лежал на столе у Сталина^{284}. В нём, в частности, говорилось:

«а) Оборона. Оборона осуществляется с упорством, глубоко эшелонирована, но лишь в редких случаях располагает достаточно сильными резервами для эффективной защиты против охватов. Имеет место частое применение контратак небольшими подразделениями. При этом русские являются мастерами в использовании местности при исключительно умелой маскировке.

б) Наступление. При наступлении отсутствует резко выраженная концентрация сил для главного удара, не хватает умения сосредоточить и использовать действие огневых средств. Проведение наступления всегда сопровождается излишне массированным использованием пехоты. Часто применяются ночные атаки.

в) Марш. При глубоких расчленённых маршах войска показывают хорошую маневренность на бездорожной местности»^{285}.

«а) Пехота. Почти всегда упорная в обороне, искусная в ночных и лесных боях, обученная коварным приёмам борьбы, очень умелая в отношении использования местности, маскировки и постройки полевых укреплений; неприхотлива и закалена. Имеет в своём составе много снайперов. Часто недостаточно обученная, она проявляет тупость и несамостоятельность в наступлении. Её вооружение ниже немецкого, за исключением автоматической винтовки», — подчёркивал Гудериан в разделе «Боеспособность русской армии»^{286}.

Как известно, А.А. Власов начало войны встретил командиром мощного механизированного корпуса. Когда его назначали на эту значимую должность, он, разумеется, отказаться не посмел, хотя с танками и прочей техникой до этого никогда не сталкивался. Впрочем это не важно... Вот что, например, написал про советские танковые войска Гейнц Гудериан:

«Снабжены хорошей материальной частью и имеют хороший личный состав. Располагают многочисленными тяжёлыми танками с отличной бронёй и вооружением. Одиночная подготовка личного состава танковых

частей лучше по сравнению с другими родами войск, но руководство ими уступает немецкому, а в настоящее время при применении крупных соединений оказывается совсем несостоятельным. В настоящее время танковые части более сильны в обороне, чем в наступлении. Если русским удастся массированно ввести в бои более крупные соединения, то необходимо считаться с тем, что при отсутствии достаточного количества противотанковых средств у противника они смогут добиться значительных успехов»^{287}.

Не менее любопытно мнение немецкого генерала и о «Русском командовании»:

«а) Высшее командование. Высшее командование показывает себя очень энергичным. Оно стремится руководить по немецким принципам и приспособиться к немецким методам боевых действий. Но здесь оно не может полностью развернуться, так как ему мешают:

1) политические требования государственного руководства;

2) недостаточная ориентировка соседей и подчинённых командиров в общей обстановке и, как следствие, недостаточное понимание и увязка её с собственными намерениями. Издание приказов о необходимых мероприятиях, в особенности о контрмерах, большей частью производится с запозданием. Введение сил при самом по себе хорошем оперативном и техническом замысле производится большей частью в недостаточной степени и не массированно. Трения между военным и политическим руководством едва заметны. В отношении личных качеств почти всегда храброе.

б) Среднее командование. Большой частью хорошо обучено, но во многих случаях ему не хватает сообразительности. При склонности к схематизму их приказы большей частью примитивны, и в них отсутствует ясное выставление своей собственной воли. Об общей обстановке оно бывает осведомлено лишь в очень редких случаях. Оно не в состоянии организовать наступление силами, превышающими численность полка. В отношении личных качеств большей частью храброе. Трения между военным и политическим руководством проявляются чаще.

в) Низшее командование. Низшее руководство по своему составу очень разнообразно. Наряду с личностями, всецело отдавшимися борьбе, имеется большое количество командиров, которые быстро прекращают борьбу. В низших служебных инстанциях эти две крайности выступают наиболее резко. В большинстве случаев низшие командиры не в состоянии вполне продуманно исполнять приказы вышестоящего командования и претворять их собственные распоряжения. У них преобладает

медлительная и обстоятельная отдача приказов, а также придерживание к схемам. Они почти никогда не ориентируются в вопросах обстановки, выходящих за рамки их собственных приказов. Часто выступают трения между военным и политическим руководством.

г) Политическое руководство. В высших и средних командных инстанциях оно большей частью ограничивается поддержкой военного руководства путём издания распоряжений для поднятия и поддержания морального состояния армии. В военное руководство оно вмешивается только тогда, когда возникает подозрение в недостаточной воле к борьбе со стороны военного командования. В низших командных инстанциях политическое руководство часто пытается оказывать влияние на военное руководство, что приводит к трениям и конфликтам.

д) Общая оценка. В общем высшее и среднее командование, оказавшееся более подвижным, чем его первоначально считали, всё время пытается вырвать инициативу и взять её в свои руки. Низшее командование ни в какой степени не соответствует предъявляемым к нему требованиям. Повсюду душой сопротивления является политическое руководство, проявляющееся здесь со всей силой. Вследствие своей расовой ограниченности и связанных с ней неповоротливости, косности и прежде всего боязни ответственности (последняя усиливается под влиянием политической системы) низшее командование не в состоянии быстро использовать те преимущества, которые ему могут представиться. Следует отметить беспощадность русских при введении в бой своих частей. Русское командование стоит ниже германского»^{288}.

В полной мере это касается и Андрея Андреевича. С его «пулемётными» курсами, с его вечерним и единственным курсом академии (как в вечерней школе), с его резким и молниеносным выдвиганием наверх, он мало чем отличался от тех, про кого писал генерал Гудериан:

«Налицо имеется стремление следовать немецким принципам и приспособляться к немецкой тактике, но для этого у руководства и армии недостаточно подготовки и сообразительности»^{289}.

Напрямую к А.А. Власову можно отнести и мысли маршала Советского Союза Г.К. Жукова, которые он выразил в августе 1944 г., в письме начальнику Главного управления кадров НКО СССР генерал-полковнику Ф. Голикову:

«При разработке плана использования и создания кадров Красной Армии после войны нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны. Чему нас учит

полученный опыт? Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые провалили одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Будённый, Черевиченко, Тюленев, Рябышев, Тимошенко и др.). На армии ставились также малоизученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных ещё в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих — командовать фронтами и армиями. Ещё хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры. Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

Вывод: Если мы не хотим повторить ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, корпусами и дивизиями. Затраченные средства окупятся успехами войны. Видимо, в мирное время нужно иметь два-три комплекта командиров дивизий и полков, которые бы обеспечили полное развёртывание армии и трёх-четырёхмесячное ведение войны. Каждому командующему фронтом и армией иметь заранее отобранного и подготовленного заместителя»^{290}.

О том, как командовал недоученный и неподготовленный командарм Власов после появления в Волоколамске, можно узнать из неопубликованных страниц рукописи «На московском направлении», бережно хранящихся в личном архиве генерала Сандалова:

«Надо сказать, что Власова не интересовало состояние штаба армии. Он вообще игнорировал штабы. Посещая соединения и части армии, Власов лично ставил задачи командирам, не находя нужным ставить в известность об отданных распоряжениях штаб. Он ежедневно формировал и переформировывал оперативные группы. В опустевшие группы Катукова и Ремизова он включал стрелковые полки дивизий и их артиллерию. Из оставшихся войск 331-й стрелковой дивизии он создал группу генерала Короля. Эти импровизированные группы несли большие потери и быстро таяли. Каждый раз после неудачного наступления Власов кардинально переформировывал группы. Мои и Куликова советы прекратить это вредное прожектёрство во внимание не принимались.

Особенно значительные потери понесла из-за более чем

легкомысленных экспериментов Власова 352-я стрелковая дивизия. На правом фланге армии нашу оборону пересекал глубокий, покрытый кустами и мелколесьем овраг. Он тянулся далеко в глубину обороны противника в направлении к селу Ильинское и выходил там в лесу. Овраг простреливался миномётным и перекрёстным пулемётным огнём противника. Однако по ночам наша разведка не раз пробиралась по оврагу в тыл вражеской обороны и приводила пленных. И вот Власов решил использовать этот овраг для прорыва всей обороны противника. Он отдал устное приказание командиру 352-й стрелковой дивизии полковнику Прокофьеву:

— В течение ночи провести дивизию по оврагу в тыл врага и ударом во фланг и тыл прорвать его оборону.

Противник пропустил половину войск дивизии в свою полосу, а затем когда они вошли в лес, отрезал их. В течение нескольких дней продолжались тяжелейшие бои по освобождению попавших в окружение частей дивизии Прокофьева. И только с помощью усиленной группы Ремизова и при поддержке всей армейской артиллерии удалось справиться с этой задачей. Рассерженный на Прокофьева, Власов включил всю его дивизию в группу Ремизова. Об этом я и Куликов донесли во фронт. В результате Г.К. Жуков прислал Власову приказание прекратить формирование оперативных групп»^{291}.

Что касается Ю.М. Прокофьева, то в отличие от Власова он прошёл более сложный путь военной карьеры. Прежде чем окончить 1-е Бакинские военно-инженерные курсы в 1922 г., Юрий Михайлович успел повоевать в кавалерии на Кавказском фронте, затем участвовал в боях с вооружёнными формированиями в Азербайджане и в Дагестане. Был ранен. В период обучения в 21-й Тифлисской пехотной школе участвовал в ликвидации бандформирований на Кавказе. После выпуска был командиром взвода, командиром роты, начальником полковой школы, начальником штаба батальона, помощником начальника штаба полка, помощником начальника 1-го отдела штаба округа, помощником начальника 1-го отдела штаба особого корпуса.

В 1939 г. Прокофьева назначили командиром стрелкового полка, который в составе 36-й мотострелковой дивизии участвовал в боях на р. Халхин-Гол. После боевых действий был выдвинут на должность начальника пехоты мотострелковой дивизии, а весной 1941-го стал заместителем командира дивизии.

Летом 1941 г. Прокофьев сформировал свою 352-ю стрелковую дивизию, которая в сентябре вошла в состав 20-й армии Западного фронта

и участвовала в Смоленском сражении. Через два года, когда Власов пристроится у немцев, Юрий Михайлович примет под своё командование 72-й стрелковый корпус, а весной 1944-го возглавит 84-й стрелковый.

До самого окончания войны генерал-майор Прокофьев (1943 г.) будет успешно командовать своими частями и соединениями, что отразится в его аттестациях. Так, командующий 68-й армией Западного фронта генерал Е.П. Журавлёв писал:

«Товарищ Прокофьев Юрий Михайлович — грамотный, культурный, скромный, дисциплинированный, требовательный командир. Решителен. Смел. Умеет организовать и руководить боем... В обстановке разбирается хорошо».

Мнение командующего 39-й армией генерала И.М. Людника было почему-то лучше мнения генерала Власова:

«...за короткое время командования корпусом генерал-майор Прокофьев хорошо подготовил части и соединения к боевым операциям. В частях и соединениях корпуса повысилась дисциплина, организованность и порядок. 23.6.44 г. части корпуса, прорвав сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника на подступах к г. Витебск, разгромили группировку противника, нанесли ему большие потери в живой силе и технике, овладели г. Витебск, захватив много трофеев и пленных, за что тов. Прокофьев представлен к правительственной награде — ордену Суворова 2-й степени».

Командующий 4-й ударной армией генерал П.Ф. Малышев также высоко оценивал боевую деятельность Ю.М. Прокофьева:

«...в сложной боевой обстановке быстро ориентируется, принимает правильные решения и настойчиво добивается их выполнения. Лично генерал-майор Прокофьев храбр и решителен. Обладает большой силой воли, требователен к подчинённым. В частях и соединениях корпуса навёл твёрдую дисциплину, организованность и порядок...».

Умер генерал Прокофьев в сентябре 1995 г. на девяносто четвёртом году жизни^[292].

Возвращаясь к неопубликованным страницам воспоминаний генерала Л.М. Сандалова, лично я не перестаю удивляться упрямству его поклонников. Ну, никак не хотят они признать своего «героя» неучем и слабым командармом. Почему? Да потому, что тогда не вяжется в их воображении красочная картинка «борца со сталинским режимом». Не вяжется она и с несостоявшимся «освободителем России». Не мог же возглавить «антисталинское» сопротивление какой-то, простите, троечник или хуже того, двоечник. Конечно же, нет! Однако факты вещь упрямая. В

общем, перейдём к ним:

«Утром 6 января 1942 г. я приехал к начальнику штаба Западного фронта генералу В.Д. Соколовскому по его вызову, — пишет Л.М. Сандалов. — Он предупредил меня, что по решению Ставки 8–9 января начнётся общее наступление всех фронтов.

— На правом крыле Западного фронта 9 января должна перейти в наступление на Шаховскую, Сычёвку ваша 20-я армия, — показывал он мне на карте с нанесённым на ней решением на наступление войск фронта.

— А соседние армии не наступают? — спросил я.

— Левофланговые войска 1-й ударной армии будут наступать во взаимодействии с вашей армией, — ответил Соколовский. — Ну, а обессиленная в предыдущих боях 16-я армия участия в наступлении принять не сможет.

Затем генерал Соколовский вручил мне только что подписанную директиву фронта на наступление № 0141/оп и проект директивного письма Ставки, которое, по его словам, через пару дней будет подписано. В этом письме, на основе передовой теории советского искусства о глубокой операции и исходя из практики предшествующих операций, Ставка дала подробные указания по организации и проведению наступательных операций. В письме говорилось, что прорыв вражеской обороны следует производить мощными ударными группами на узких участках. На поддержку и обеспечение ударных групп массировать все силы и средства. Артиллерийскую подготовку перед наступлением заменить артиллерийским наступлением (...)

После просмотра представленного мной решения на наступление 20-й армии Соколовский подчеркнул:

— Ваше решение в основном соответствует и нашей директиве, и директивному письму Ставки. Однако участок ударной группы надо несколько сузить. После ознакомления с врученными вам документами командующего армией сообщите, какие он внесет коррективы в решение, и я доложу его командующему фронтом.

Утром 7 января я зачитал Власову и Куликову исправленный план армейской операции и проект боевого приказа армии.

— Ну вот, теперь всё приведено в соответствие с письмом Ставки, — усмехнулся Куликов.

— Вы правы, — ответил я. — Армия наступает в направлении на Шаховскую в узкой двадцатикилометровой полосе. Прорыв будет производить ударная группа Ремизова и Катуква и 352-й стрелковой дивизии. Участок прорыва второй ударной группы всего лишь 8

километров. Второй эшелон ударной группы — морская и 55-я стрелковые бригады.

— А удалось ли достичь артиллерийской плотности, указанной в письме Ставки? — поинтересовался Власов.

— Плотности на один километр участка прорыва достигают 76 орудий и миномётов и 12,5 танка, — ответил я. — Таких плотностей удалось достичь впервые за войну. На поддержку прорыва выделен 601-й бомбардировочный авиаполк, а осуществлять ПВО прорыва назначена 47-я истребительная авиадивизия. Да и большая часть авиации фронта брошена на помощь нашей армии.

— А корпус Плиева? — спросил Куликов.

— Усиленный гвардейский кавалерийский корпус я планирую ввести на второй день операции, — ответил Власов.

— Войска займут исходное положение для наступления в ночь с 8 на 9 января, а наступление начнётся утром 9 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки, — огласил я концовку.

Тотчас же по получении армейского приказа на наступление в войсках началась усиленная подготовка командиров и штабов войск к прорыву вражеской обороны (...)

И вдруг вечером 8 января, когда части начали занимать исходное положение, Власов заявил Куликову и мне, что 9 января армия наступать не будет.

— Я установил, что в некоторых частях задачи знают плохо, а два артиллерийских полка не имеют пристрелочных данных, — пояснил он нам. — Начало наступления надо отнести не меньше чем на два дня.

Я и Куликов убеждали Власова отказаться от этого решения.

— До начала атаки войска успеют изучить задачи, запаздывающая бригада встанет во второй эшелон, а артиллерийские полки устанавливают батареи на огневые позиции соседних артиллерийских полков и используют их пристрелочные данные, — говорил я.

— Если мы завтра не начнём наступать, противник обнаружит нашу ударную группировку, — поддержал меня Куликов.

Однако Власов остался непреклонным. Он стал по телефону просить Жукова об отсрочке наступления.

Я и Куликов, в свою очередь, доложили своему фронтовому начальству, что оттягивать наступление армии вредно. Жуков, насколько я знаю, не согласился с предложением Власова. Между тем войска армии занимали исходное положение для предстоящего утром 9 января наступления. В полночь Пётр Николаевич Куликов решил ещё раз

попытаться переубедить Власова и пошёл в занимаемый им домик. Меньше чем через полчаса он вернулся в крайне возбуждённом состоянии и с возмущением рассказал мне:

— Не хочет и слушать о начале наступления 9 января. Надеется, что на днях противник будет перебрасывать свои силы из-за реки Лама против наступающих войск Калининского фронта. Хвастает, что во время поездки в Москву его принимал Сталин, который якобы назвал Власова самым талантливым командармом и объявил первым кандидатом на должность командующего фронтом. Поэтому Власов расценивает себя таким же начальником, как и Жуков.

— Если наступление отменяется, надо известить об этом войска, огорчённо сказал я Куликову.

— Об этом спросите сами у Власова, — ответил Куликов. — Он здорово выпивши и, как я знаю, таким бывает каждый вечер. Медсестра его на последнем месяце беременности. Вот, оказывается, почему он никого не принимает. По-видимому, Лизюков был прав, когда говорил об особом умении Власова лавировать: если теперь Жуков вопреки предложению Власова прикажет наступать 9 января, а успеха не будет, виноватым окажется Жуков; если наступление начнётся 10 или 11 января и не получит развития, то виноватым опять будет Жуков. Власов заявит в Ставку, что командующий фронтом своими разноречивыми распоряжениями скомкал ему планомерную подготовку к операции»^[293].

Такое отношение командарма объяснить можно только одним: знания и опыт этому человеку из крестьянской среды заменяли обыкновенная человеческая хитрость и коварство. Но, как можно заметить дальше, на фронте и без Власова хватало подобных командиров и военачальников.

75-я морская стрелковая бригада (позже 3-я Гвардейская) была сформирована из моряков-черноморцев, каспийцев и курсантов военно-морских училищ. Под командованием капитана 1-го ранга К.Д. Сухиашвили она сдерживала натиск врага на рубежах Волоколамского шоссе. Весной 1942 г. Константин Сухиашвили направил в адрес наркома Военно-морского флота адмирала Н. Кузнецова доклад, в котором прямолинейно рассказал о том, какой ценой его бригаде доставались победы. Главной проблемой на фронте каперанг называл повальный обман и очковтирательство:

«Элементы очковтирательства, ложные доклады проходят безнаказанно. Трудно получить от соседа правдивую обстановку, для установления правды приходилось производить разведку на соседа и разоблачать его во лжи. Примеры: а) 8 ГСД, обойдя укрепленный узел

Сичева и 4-х деревень вокруг Сичева, даёт мне обстановку: дорога открыта. Сичева взята, моя дивизия уже прошла и продолжает двигаться по своему маршруту (от Сичева наши пути разошлись, а до этого я шёл за 8 т.д.). Авангард бригады, а за ним и вся бригада подошли к очень сильному укрепленному узлу, где оборонялись батальон усиленный, рота СС и 250 человек сапёров, строящие этот узел, а я был информирован соседом, что проход очищен. Необстрелянная бригада попала под сильный оружейно-пулемётный огонь, а потом и миномётный огонь. Желание рапортовать, что, мол, я быстро продвигаюсь вперёд, заставили, видимо, командира дивизии обмануть вышестоящее командование и меня как соседа; в результате лишние жертвы, но только не у него, а у соседа; б) Второй пример. Командир 45-й бригады без боя оставил Дуброво и открыл левый фланг моей бригады, а в оперсводке докладывает только через сутки: «После упорных боёв противник выбил мои части из Дуброво». Мною через свою разведку было установлено, что Дуброво оставлено соседом без боя, а немцы, не предполагая такую глупость, тоже не вошли; посланный мною взвод не успел занять, так как немцы уже успели без боя войти в Дуброво; в) Третий пример. Командир 8 ГСД докладывает, что Соколово им взято и он продвигается вперёд, тогда как я своими глазами видел, что у Соколово идёт бой, и бой длился ещё 2-е суток. Много таких примеров, когда значительно преувеличивают размер своего успеха»^{294}.

По мнению Сухиашвили, такое повсеместное очковтирательство ведёт к колоссальным потерям:

«Безнаказанно проходит дело по отношению виновников больших потерь. Из практики убедился, что, если армейские командиры докладывают: «Приказ выполняется, медленно двигаюсь вперёд мелкими группами», это значит, что сосед стоит на месте и хочет обмануть необстрелянного соседа, а своим подчинённым передаёт: «Вы так, полегонечку, сделайте вид, что наступаете». Противник наваливается сначала на одного, самого активного, а самые активные бывают новые, необстрелянные части. Под таракановским узлом сопротивления на моих глазах разбиты наши 45 СБ, моя 75-я СБ, 8 ГСД, 117 СД, 391 СД. Все эти части подошли довольно полнокровными, но так как проходили последовательно, то все делают вид, что наступают, а свежая часть разбивается. Очковтирательства и неправильного доклада младший должен больше бояться, чем неисполнения приказа. За неисполнение приказа кругом пугают расстрелом, а докладывать: «Выполняем приказ, медленно ползём вперёд мелкими группами» можно, и никто не расстреляет»^{295}.

Любопытно мнение Сухиашвили и во взгляде на командный состав:

«Бои, проводятся с большим отступлением от устава, и за это виновных не наказывают. На низком уровне взаимодействие родов оружия. Наши генералы недооценивают разведки и плохо её организуют, поэтому мало знаем о противнике. Дается боевой приказ без анализа сил, и часто бросаем людей в наступление без должной подготовки. Удары наши часто получаются растопыренными пальцами. Пока подтягивается артиллерия и боеприпасы, нет людей, которые могли бы закрепить результаты артогня. Вот мы уже целый месяц топчемся на месте, и целый месяц наши генералы повторяют одну и ту же ошибку. Пехотные большие даже командиры слабо знают другие рода оружия; пассивно используя свои огневые средства, непрерывно требуют огонь артиллерии, и до начала общего наступления весь боезапас уже израсходован по частям. Ни разу никто толком не организовал наступление, и в этом командир 3-й армии Пуркаев, по-моему, очень виноват.

Пока я имел независимое направление, дело шло, но как вступил во взаимодействие с Холмской группой, т.е. в состав 3-й армии Пуркаева, ни одной удачной операции в целом, хотя за последний месяц набили очень много немцев. Почему это так? В перерывах от наступления к наступлению операции проводили сами, в порядке активной обороны и с хорошими результатами, почти без потерь. Как общий приказ наступления, так большие потери и никаких результатов, потому что ни разу штаб армии не смог организовать общее наступление по-уставному. Большие штабы плохо знают состояние частей, в частях почти не бывают, операции не готовят, проявляют беспечность в тылу, объясняя это желанием уберечь штабы и командиров соединений, а наши донесения плохо читают или иногда даже не читают, не чувствуют пульс и сердцебиение фронта, не производят осмотр местности и поэтому в приказах задачу ставят невпопад. Когда после боёв части еле дышат и требуют время для приведения в порядок, в это время приказывают наступать, тратят боезапасы, а наступать нечем, тогда соберёшь людские ресурсы, приведёшь их в порядок и ждёшь боезапас для артиллерии, в это время опять невпопад приказывают наступать без артподготовки — опять большие потери. Если сложить силу нашу и противника, и людей, и оружие, то у нас минимум в три раза больше сил, но силы эти действуют одновременно, много потерь, а результатов нет, тут творится что-то непонятное. Устранить недостатки, учесть свои ошибки мы могли бы, если бы делали анализ и привлекали бы к ответственности виновников, но этого не делается, и одни и те же ошибки повторяются уже при мне 6–7 раз»^[296].

Возвращаясь к неопубликованным страницам воспоминаний генерала Сандалова, следует обратить внимание на одну незначительную деталь, где начальник штаба 20-й армии упоминает про некую медсестру Власова, из-за беременности которой тот никого не принимал. Это ей — Подмазенко Агнессе Павловне Андрей Андреевич напишет 14 февраля 1942 г.:

«Дорогая Аля! Теперь разреши поздравить тебя с высокой правительственной наградой — медалью за отвагу. Ты теперь обогнала тов. Кузина: он имеет медаль за боевые заслуги, а ты уже сразу получила вторую: «за отвагу». Искренне рад, да не только я. Меня поздравляли все наши сотрудники. Кроме тебя из наших ещё несколько также наградили разными медалями. Кроме того, скоро ожидает тебе и очередное звание. Как получу, немедленно сообщу»^{297}.

Само по себе наградное представление на начальника медпункта штаба 37-й армии военврача 3-го ранга Подмазенко Агнессу Павловну уникально тем, что его диктовал не кто иной, как сам Власов. Какие-то отдельные фразы звучат в документе из его собственных уст. Кроме того, представление к ордену Красного Знамени любовницы генерала явно надуманно и только с одной целью — сделать женщине «красивый подарок», отблагодарив за её реальные «заслуги» в постели.

«При обороне города Киева с июня месяца 1941 г. активно лично оказывала медпомощь бойцам и командирам, героически отстаивающим город Киев. Под сильным обстрелом артогня и бомбёжки с воздуха лично оказывала своевременную помощь работникам штаба 37 Армии при налёте противника на штаб / Начальнику артиллерии — генерал-майору СТЕПАНОВУ и др.

При выходе из окружения лично участвовала в боях с оружием в руках. Совместно с старшим политруком СВЕРДЛИЧЕНКО вывела из окружения и спасла жизнь большому — Командующему 37 Армии генерал-майору ВЛАСОВУ. Достояна награждения ордена «Красного Знамени».

Командующий 20 АРМИИ генерал-майор Власов»^{298}.

Можно только представить себе удивление Г.К. Жукова который, скорее всего, ухмыльнувшись, 7 февраля 1942 г. начертал чуть ниже представления: медалью «За Отвагу»^{299}.

Генерал Л.М. Сандалов:

«9 января фронтовая авиация, в том числе и бомбардировочный полк, бомбили противника перед намеченными участками прорыва 20-й армии. А наступление войск армии было отменено, хотя они и заняли исходное положение. В полдень 9 января генерал Жуков прислал комиссию для

расследования причин отмены намеченного на этот день наступления армии.

Комиссию возглавлял один из начальников управления фронта. Власов пренебрежительно отнёсся к этой комиссии. Но после разговора по телефону с командующим фронтом генералом армии Жуковым его самоуверенность исчезла. Армейский КП опять опустел: все уехали помогать готовить войска для наступления.

Утром 10 января шёл сильный снег, видимость была плохая. Авиация действовать не могла. Артиллерийская полуторачасовая подготовка при такой видимости должного эффекта дать не могла. В 9 часов 30 минут после артподготовки войска ударной группы перешли в атаку. Однако наступление наших войск для противника, к сожалению, не было неожиданностью. В жестоких, кровопролитных боях, отвоёвывая у противника метр за метром, наши части продвинулись в этот день на 2–3 километра. Группа Ремизова овладела сильно укреплённым населённым пунктом Захарино, разгромила подразделение и штаб полка 6-й танковой дивизии. В то же время 352-я стрелковая дивизия овладела таким же укреплённым пунктом — Тимонино (...)

На второй день операции и в течение первой половины 12 января войска ударной группы армии преодолели ещё три километра вражеской обороны. Левифланговые части 1-й ударной армии также продвинулись вперёд. Медленное продвижение наших войск в значительной степени обуславливалось глубоким снежным покровом, затрудняющим наступление войск, применение танков, передвижение артиллерии. Власов решил в этот день ввести в бой кавалерийский корпус.

По его мнению, конница поможет ударной группе закончить прорыв вражеской обороны, а затем устремится на Шаховскую, Гжатск. Однако Г.К. Жуков запретил ввод подвижной группы до прорыва обороны противника на всю тактическую глубину. К исходу 12 января войска 20-й армии пробились на глубину 6–7 км. Группы Ремизова, Катукова и морская бригада под командованием молодого энергичного командира Кулешева вышли на подступы к Шаховской. Перешла в наступление действовавшая левее ударной группы дивизия генерала Короля. Продвинулись вперёд и левифланговые части 1-й ударной армии.

С утра 13 января был введён в прорыв на Шаховскую кавалерийский корпус генерала Плиева. В последующие дни наши войска продвигались вперёд со скоростью 4–5 км в сутки. Преодолевали многочисленные оборонительные рубежи противника на Ржевском направлении. Конница двигалась на уровне пехоты.

Утром 15 января я докладывал по телефону обстановку генералу армии Г.К. Жукову, и он отдал такое приказание:

— Чего вы все войска направили на Шаховскую и еле-еле продвигаетесь вперёд?! Перенацельте корпус Плиева на Середу, Гжатск для перехвата начавшей отход Можайской группировки противника.

Передать это приказание Плиеву Власов поручил мне. Я поехал к начальнику штаба корпуса полковнику А.И. Радзиевскому и изложил ему приказание генерала Жукова. В это время подъехал Плиев и быстро принял решение на поворот корпуса. Он имел в виду обойти Середу с севера и юга и устремиться на Гжатск. После возвращения на армейский КП я доложил решение Плиева Власову. Он с раздражением упрекнул меня:

— Какую же пользу принёс нам ввод кавалерийского корпуса? Мы ему прорубили ворота, а он теперь уйдёт к Гжатску для действий совместно с другими армиями. Я поеду сам к Плиеву. Пусть он хотя бы захватит Середу и разгромит находящиеся там войска противника.

16 января перешли в наступление все войска армии, а на другой день заняли Шаховскую и подошли к Середе. (...)

В день взятия Середы Власов направил меня в штаб 1-й ударной армии, которую совершенно неожиданно для нас Ставка выводила в этот день в свой резерв. 20-й армии было приказано сменить войска уходящей в тыл армии. Я нашёл генерала В.И. Кузнецова с его штабом в одном селении поблизости от Теряевой Слободы. После тёплой встречи мы сразу приступили к вопросу замены войск 1-й ударной армии нашими войсками.

— Вы получили от нас перед наступлением из Волоколамска три стрелковых бригады, вот их и направляйте в нашу полосу, — советовал мне Кузнецов.

— Так мы и делаем, — подтвердил я. — Но наступательная сила армии теперь резко снизится.

С этого дня 20-я армия стала правофланговой армией фронта, а полоса её наступления увеличилась почти вдвое.

21 января войска правого крыла фронта получили ещё один удар. В этот день была расформирована 16-я армия генерала К.К. Рокоссовского. Остатки войск этой армии были переданы в 5-ю армию.

Ослабление правого крыла Западного фронта явилось общепризнанной тяжёлой ошибкой Ставки и привело к постепенному «затуханию» наступления 20-й армии и её нового левого соседа 5-й армии. 25 января войска 20-й армии, наступая в направлении на Сычёвку, вышли к новым подготовленным гжатским оборонительным позициям противника (так называемая «линия фюрера») на рубеже Васильевское, Быково и

вынуждены были остановиться. Волоколамская операция 20-й армии завершилась. За две недели боевых действий её войска продвинулись на 40–50 км»^{300}.

В открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» словами А.А. Власова будет написано:

«Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал всё от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску»^{301}.

С одной стороны примерно всё так и было, а с другой? А с другой, было всё немножко не так. О чём-то мы говорили выше, о чём-то говорили в книге «Иуды в погонах». И всё же мне бы хотелось вернуться к взятию Середы, к воспоминаниям генерала армии, дважды Героя Советского Союза И.А. Плиева, который написал их по просьбе генерала Л.М. Сандалова:

«Середа. Так называется большое село, лежащее в верховьях реки Руза, километрах в 15 к югу от автострады Москва — Ржев. В те дни это был один из наиболее сильных опорных пунктов немцев, расположенный на пути наступления 2-го гвардейского кавалерийского корпуса на Гжатск. Корпус оторвался от пехоты и успешно развивал наступление. Высланные вперёд дозоры донесли, что Середа занята крупными силами противника. На её окраинах и западном берегу Рузы — хорошо подготовленная система обороны. Перед населённым пунктом с севера на юг тянется широкая полоса равнинной, открытой местности с большой толщей снега. Всё это пространство было зоной сплошного заградительного огня. Само собой напрашивалось решение обойти этот опасный пункт и продолжать стремительное движение на Гжатск. Вряд ли немцы удержали бы его, имея в тылу конный корпус. Об этом решении я доложил прибывшему ко мне командующему 20-й армией Власову. Но он приказал не тратить время на обходы, а взять Середу атакой с фронта.

Кстати сказать, у меня тоже имеются личные счёты с этим отъявленным подлецом. Он являет собой редчайший по низости тип предателя. Приказы, которые поступали от него лично, вызывали всегда у нас недоумение. Их мог отдавать или неподготовленный в оперативном отношении человек, или предатель.

Чтобы Вы лучше представили себе, чего могла стоить атака, нарисую

кратко обстановку.

Корпус в многодневных ожесточённых боях понёс тяжёлые потери, и ударная сила его, естественно, ослабла. Наши успехи достигались за счёт хорошо поставленной разведки, широкого стремительного манёвра (в этом мы шли на любой обоснованный риск, и он всегда приносил успех) и внезапность. Атака в лоб опорного пункта через открытое, заснеженное пространство, днём, к тому же без заблаговременной подготовки, сводила к нулю наши преимущества и могла привести к затяжному бою с тяжёлыми потерями. Но приказ есть приказ, и мы его выполняли. Середка была взята атакой с фронта. Однако расскажу об этом подробнее.

Чтобы достигнуть внезапности удара с фронта, а заодно отрезать пути отхода противника на гжатскую линию обороны, было приказано командиру 3-й гвардейской кавалерийской дивизии захватить переправу через р. Руза у Красного Села, на большаке Шаховская — Середка, и наступать в обход опорного пункта с северо-запада. 20-я кавалерийская дивизия двинулась в обход Середки с юго-востока. Это по замыслу должно было создать у противника впечатление, что наши основные усилия нацелены на обход опорного пункта с севера и юга. В сущности, это так и было. Но мы помнили, что взять опорный пункт приказано атакой непременно «в лоб».

Бой за Середку начался с утра 18 января и продолжался весь день. С наступлением темноты 3-я гвардейская кавалерийская дивизия захватила переправу на р. Руза севернее Середки. 20-я кавалерийская дивизия попала под удар 30 пикирующих бомбардировщиков и укрылась в лесу. Но как только самолёты улетели — продолжала углубляться в обход Середки с юга. В то же время под покровом ранних сумерек в тыл противника на широком фронте просочились многочисленные разъезды казаков. Всю ночь они активно и дерзко действовали вокруг опорного пункта, имитируя окружение, разрушая связь и управление, внимательно наблюдая за всеми движениями по тыловым дорогам. Только 4-я гвардейская кавалерийская дивизия, затаившись, стояла в лесу перед Середкой в готовности к атаке.

Ранним утром 19 января 3-я гвардейская кавалерийская дивизия возобновила наступление из района захваченной накануне переправы. Разъезды донесли, что из Середки навстречу дивизии движется колонна немцев. Одновременно была обнаружена колонна пехоты,двигающаяся к Середке с северо-запада. Эти силы противника оказались на время движения выключенными из борьбы. Теперь всё решала мощная внезапная атака. Атака без артподготовки, но такая, чтобы в неё была вложена вся воля и безудержный натиск казаков.

В установленное время, по заранее сверенным часам, без сигнала, почти одновременно из леса вынеслись эскадроны 4-й гвардейской кавалерийской дивизии и быстро исчезли в темноте. Снежный покров поглощал дробный гул копыт. Это была по-настоящему казачья атака — лихая и стремительная. Первыми в Середу ворвались эскадроны 37-го кавалерийского полка старших лейтенантов Ильи Бурунова и Ивана Картечкина. Артиллерийские батареи сразу открыли заградительный огонь по западной окраине села. Всё это произошло в считанные минуты. Так был взят крупный опорный пункт немцев — Середка. Улицы и окраины селения были покрыты трупами вражеских солдат и офицеров. Однако и наши потери из-за лобовой атаки противника были очень большими.

50-му и 74-му кавалерийским полкам заблаговременно ставилась задача произвести сквозную атаку, не задерживаясь в селе. Они должны были проскочить в тыл противника и, выйдя на большак, разгромить колонну пехоты, создавшую угрозу правому флангу 3-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Полки успели выйти на указанный им рубеж и развернуться на опушке леса. А когда колонна пехоты противника подошла, казачья конная лава вырвалась из леса и, сверкая клинками, пронеслась через большак, пересекая поле, и скрылась в противоположном лесу. А позади остался кровавый след казачьей атаки — поле, покрытое трупами врагов. Всё это произошло буквально в считанные минуты...»^[302].

К слову сказать, методы работы командарма Власова очень напоминают те, о которых писал секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову с фронта 10 июля 1942 г. командир 141-й стрелковой дивизии полковник Тётушкин:

«Возьмём вопрос о взаимоотношениях высшего комсостава. Я был в 33-й армии зимой этого года. Там дело обстояло просто. Вызывает к телефону командарм или его начальник штаба, или даже начальник оперативного отдела командира дивизии, его начальника штаба или ВК дивизии и кричит: «Сволочь, оболтус... твою мать... почему ваш полк не может взять деревню, сегодня приеду и расстреляю вас всех».

Конечно, никто из них за полгода к нам в дивизию не приезжал, а по телефону расстреливали командование дивизии по пяти раз в день. Я задаю вопрос — когда и в какой армии были и есть такие отношения между высшим комсоставом? Разве это поможет успеху боя? Как раз наоборот. Эта закваска спускается вниз во все звенья. Кругом стоит сплошной мат. А дело, конечно, не улучшается и улучшиться не может от этого. Командарм 33-й армии даже бил по лицу командиров, причём совершенно ни за что.

Применяя эти методы, командир расписывается в своём бессилии, значит, у него нет более эффективных способов воздействия. Для такого лица, как командир дивизии, достаточно одного замечания в вежливой форме, и он уже чувствует. А помочь ему выиграть бой можно толковым указанием — как лучше организовать операцию, вовремя придать необходимые средства, дать необходимое время на подготовку боя. Смешивать командира с землёй ежечасно и ежеминутно, это значит — создавать такое положение, чтобы командир не имел никакого авторитета у подчинённых. История военного искусства говорит наоборот, что во все времена и во всех армиях принимались меры к созданию огромного авторитета для офицеров. Это имело и имеет решающее значение в войне и непосредственно на поле боя. Такое отношение к командирам, возможно, имеет место не во всех наших армиях. Но почти везде не считаются с мнением командиров дивизий (который лучше, чем кто-либо другой, знает условия обстановки в своей полосе), а просто ему говорят: «Записывай, что я приказываю, и делай». А вот история всех войн подсказывает нам, что, организуя какую-либо операцию, собирается совещание высшего состава для обсуждения вопроса — как лучше организовать эту операцию. У нас совещаний и заседаний миллион, но такие, что я сказал выше, не практикуются»^{303}.

В Винницком лагере «Проминент», где содержался Власов, немцы вели работу по разложению военнопленных и привлечению их к службе в германской армии. Хозяином здесь был начальник «Группы III» (трофейный пункт) отдела Генерального штаба Иностранное войско Востока (ФХО) при ОКХ (верховного штаба сухопутных сил), руководимого генерал-майором Рейнхардом Геленом, — полковник Генерального штаба барон Алексис фон Ронне. Уроженец Курляндии, барон хорошо владел русским языком, как и все сотрудники группы — прибалтийские и русские немцы: инженеры, пасторы, адвокаты, коммерсанты, профессора, музыканты, журналисты и учителя. Люди высокообразованные и достаточно опытные.

В мае 1945 г. Власов расскажет, как с ним работали в «Проминенте»:

«Первым ко мне стал обращаться майор Сахаров, который, находясь уже на службе у немцев, предлагал мне взять в своё подчинение воинскую часть из военнопленных Красной Армии и начать борьбу против советской власти. Позже меня и полковника Боярского вызвали к себе представители разведотдела при Ставке верховного командования германской армии полковник Ронне и отдела пропаганды верховного командования капитан Штрикфельдт, которые заявили, что на стороне немцев уже воюет большое число добровольцев из советских военнопленных и нам следует также принять участие в борьбе против Красной Армии.

Я высказал Ронне и Штрикфельдту мысль, что для русских, которые хотят воевать против советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование их действиям, чтобы они не казались наёмниками Германии. Ронне ответил, что немцы согласны создать из русских правительство, к которому перейдёт власть после поражения советских войск. Я заявил Ронне, что подумаю над его предложением и позже дам ответ.

После этой беседы 10 августа 1942 г. в лагерь приехал советник министра иностранных дел Германии Хильгер — бывший советник германского посольства в Москве, свободно владеющий русским языком, который, вызвав меня к себе, спросил, согласен ли я участвовать в создаваемом русском правительстве и какие в связи с этим у меня имеются предложения.

Высказав Хильгеру мысль о том, что надо подождать конца войны, я тем не менее стал обсуждать с ним, какие территории Советского Союза

следует передать Германии. Хильгер говорил, что Украина и Советская Прибалтика должны будут войти в состав Германии»^[304].

В августе 1942 г. Хильгер действительно допрашивал генерала Власова, полковника Боярского и полкового комиссара Кернеса. В своей записке в Берлин, он изложил следующие мысли:

«...В течение своей 22-летней военной карьеры генерал Власов продвигался по службе с трудом, так как окончил духовную семинарию и был принят в партию только в 1930 г. Несмотря на своё высокое положение в Красной Армии, он в глубине души никогда не мог согласиться с существующей в Советском Союзе политической системой и методами её властителей. Ход войны и сделанные Сталиным ошибки окончательно открыли ему глаза на то, что существующая система ведёт страну в пропасть. Несмотря на это, Власов не допускает, что Красная Армия уже разбита, а советское правительство в связи с потерей важных индустриальных и сельскохозяйственных областей не окажет больше никакого сопротивления. Власов, видимо, действительно убеждён в том, что ни сила Красной Армии, ни экономический потенциал Советского Союза ещё до конца не исчерпаны. Несмотря на то что Власов знает о бедственном положении в области снабжения продовольствием и о растущей усталости в связи с войной, он считает, что Сталин никогда не сдастся и не будет свергнут изнутри. Проводимой советским правительством пропаганде удалось добиться того, что каждый русский уверен в том, что Германия хочет уничтожить Россию и свести её на положение колонии. По его мнению, сила сопротивления русского народа может быть сломлена только указанием на то, что Германия не преследует подобных целей и намерена предоставить России и Украине существование в форме протектората. На этой основе многие русские военнопленные вступят под руководством Германии в борьбу против ненавистного сталинского режима.

Для него, Власова, а также для большинства военнопленных советских офицеров победа Германии представляет предпосылку для дальнейшего существования, в то время как со стороны советского правительства их ожидает только смерть. Они не мечтают ни о чём другом, кроме падения Советского правительства и победы германского оружия. С другой стороны, они не могут себе представить, чтобы эта победа могла быть достигнута посредством только немецких военных сил.

В связи с этим генерал Власов и особенно полковник Боярский высказали преувеличенные представления о военных и экономических возможностях США и Англии. Это представление является прямым

следствием соответствующей советской пропаганды и является показательным в смысле того, как интенсивно действует эта пропаганда даже на расположенные к критике натуры.

Чтобы добиться победы над Сталиным, нужно, по мнению обоих офицеров, ввести в бой против Красной Армии русских военнопленных. Ничего не подействует на красноармейцев более сильно, чем выступление русских соединений на стороне немецких войск. Для осуществления этого необходимо создание соответствующего русского центра, призванного для того, чтобы рассеять царящие в широких кругах и среди командования Красной Армии опасения относительно намеченных Германией целей войны, а также для того, чтобы убедить эти круги в беспечности дальнейшего сопротивления и тем самым помешать Сталину продолжать войну. На обломках Советского Союза возникнет новое русское государство, которое в тесном союзе с Германией и её вождями будет работать над созданием нового порядка в Европе.

Я ясно сказал советским офицерам, что не разделяю их убеждений. Россия в течение ста лет являлась постоянной угрозой Германии, вне зависимости от того, было ли это при царском или при большевистском режиме.

Германия вовсе не заинтересована в возрождении русского государства на великорусской основе.

Советские офицеры возразили, что между самостоятельным русским государством и колонией имеются ещё различные промежуточные решения, как, например, создание доминиона, протектората с временным или постоянным введением оккупационных войск. В настоящее время решающим является вопрос относительно того, возможно ли освободить русских от представления, будто Германия намерена превратить их страну в колонию, а их самих в рабов. Пока живы подобные опасения, сопротивление Красной Армии будет продолжаться, пока не будут исчерпаны имеющиеся в её распоряжении средства.

На замечание, что указанные средства уже на исходе, оба офицера заявили, что Германия не имеет правильного представления о военно-экономических возможностях Урала и Сибири. Недостаток в Бакинской нефти, по их убеждению, будет возмещён добычей нефти между Уралом и Волгой, причём её будет вполне достаточно для ведения оборонительной войны.

Генерал Власов и полковник Боярский изложили вышеприведённые соображения в меморандуме, который был представлен в моё распоряжение полковником Генштаба фон Ронне»^[305].

Любопытны на этот счёт факты, которые приводит К.М. Александров:

«7 августа, спустя четыре дня после того как Власов и командир 41-й стрелковой дивизии 6-й армии Юго-Западного фронта полковник Владимир Боярский (Баерский) предложили командованию вермахта «создать центр формирования русской армии и приступить к её созданию», с военнопленным № 16901 встретился политический советник Имперского МИД Густав Хильгер, специально приехавший для этого в Винницкий лагерь. Это был первый влиятельный представитель политической элиты рейха, проявивший неподдельный интерес к Власову. Берлинский визитёр имел богатый опыт общения с советскими гражданами, в том числе с военнопленными, и в военно-дипломатических кругах считался знатоком России. Уроженец Москвы, служивший в 1910-е годы в Российской империи дипломированным инженером и никогда не скрывавший симпатий к русским, затем он занимал должность советника в Германском посольстве и работал в столице Советского Союза вплоть до 22 июня 1941 г. Во время войны дипломат находился в Берлине, в группе экспертов, которых предполагалось привлечь в качестве консультантов на случай сепаратных переговоров между Германией и СССР. По собственным словам, он «с отвращением и ужасом» наблюдал «неразбериху германской оккупационной политики на завоёванных территориях Востока»^{306}.

По мнению Александрова, политический советник Имперского МИД Хильгер был «хорошим человеком» только потому, что родился в Москве и служил в России при царе инженером. Однако трудно согласится с таким доводом. Ибо теперь он работал против России. И не важно, какого цвета флаг развевался над этой страной. Хильгеры и прочие бывшие граждане России теперь были врагами русским, жившим по другую сторону Восточного фронта.

Меморандум, подписанный Власовым и Боярским в Виннице 3 августа 1942 г., текстуально выглядит так:

«Перевод с немецкого

Перевод с русского

Принимая во внимание внутреннее положение Советского Союза, растущую оппозицию против существующего режима, а также международное положение, можно прийти к следующему заключению:

1. Правительство Сталина в связи с потрясающими военными поражениями, нанесёнными немецкими войсками, а также в силу его неспособности организовать военные действия и тыл (например, голод в стране, расстройство народного хозяйства) потеряло свою популярность среди населения и особенно в армии. Оно держится только на

организованной раньше и поддерживаемой теперь системе НКВД — системе террора.

2. В ведущих кругах армии и народа всё яснее пробуждается сознание бесполезности и бесперспективности дальнейшего ведения войны, которое приводит лишь к уничтожению миллионов людей и разрушению материальных ценностей.

Эта группа людей стоит перед дилеммой: или же бесполезно погибнуть на войне, или быть уничтоженными в подземельях НКВД. На фронте и в самой стране казнят офицеров, которых обвиняют в военных неудачах. При этом отдельные командиры частей вовсе не виноваты в этих неудачах. В проведении оперативных действий командирам частей мешают комиссары. В связи с этим имеются случаи сдачи в плен высшего командного состава.

3. Офицерский корпус Советской Армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путём может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия. Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму. Стоит вопрос: к кому именно примкнуть — к Германии, Англии или Соединённым Штатам? Главная задача — содержание правительства — говорит за то, что следует примкнуть к Германии, которая объявила борьбу против существующего правительства и режима целью войны. Однако вопрос будущности России неясен. Это может привести к союзу с Соединёнными Штатами и Англией в случае, если Германия не внесёт ясность в этот вопрос.

4. Сталин, используя особенности России (бесконечные просторы, огромные потенциальные возможности) и патриотизм народа, поддерживаемый террором, никогда не отступит и не пойдёт на компромисс. Он станет вести войну, пока не будут исчерпаны все силы и возможности.

На возможность внутреннего переворота при теперешних обстоятельствах рассчитывать не приходится.

5. Если принять во внимание миллионное население оккупированных областей и огромное количество военнопленных и учесть их враждебное отношение к правительству Сталина, то можно допустить, что эти людские массы составят ядро внутренних сил, которые под руководством Германского правительства ускорят давно назревающее возникновение нового политического порядка в России, что должно произойти параллельно осуществляемому немцами созданию новой Европы.

Эти силы в настоящее время не используются. Исходя из

вышеизложенного, мы передаём на ваше рассмотрение следующее предложение:

— создать центр формирования русской армии и приступить к её созданию;

— независимо от своих военных качеств эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устраним ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных и оккупируемых областях, тормозящих дело создания нового порядка;

— это мероприятие легализует выступление против России и устраним мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях.

Мы считаем своим долгом перед нашим народом и перед фюрером, провозгласившим идею создания новой Европы, довести вышеизложенное до сведения верховного командования и тем самым внести свой вклад в дело осуществления упомянутой идеи»^{307}.

Екатерина Андреева появление этого документа, подписанного Власовым, описывает без всяких эмоций, в совершенно спокойных тонах:

«В лагере он встретился с другими советскими военнопленными высоких рангов. Совместно с одним из них, полковником Владимиром Боярским, Власов написал письмо немецким властям. В письме они предложили немцам использовать антисталинские настроения среди населения вообще и военнопленных в частности. Они также высказывались за создание русской национальной армии.

Судя по восклицательным и вопросительным знакам на полях письма, выдвигаемые в нём идеи с немецкой точки зрения были совершенно непонятны. Тем не менее, письмо, по-видимому, явилось катализатором для ряда встреч Власова с различными немецкими деятелями, не согласными с нацистской политикой.

Через четыре дня после написания письма Власова посетил Густав Хильгер, дипломат, до войны работавший в Москве с немецким послом фон дер Шуленбургом. После встречи с Власовым Хильгер представил офицеру связи между немецким верховным командованием и немецким Министерством иностранных дел фон Этцдорфу докладную записку, где подчёркивал, что неправильная нацистская политика по отношению к СССР и его населению, то есть проведение мер по обращению России в немецкую колонию, достигает только одного, а именно — усиливает советское сопротивление»^{308}.

Однако утверждение о совместном написании письма Власова с

Боярским является маловероятным, так как известно, Андрей Андреевич грамотностью не отличался, писать не любил, а если и писал, то в соответствии со своим полученным образованием. А оно было, прямо скажем, не ахти каким. Следовательно, писал этот меморандум другой человек... Считается, что полковник Боярский.

Баерский Владимир Гелярович (Боярский Владимир Ильич) родился в 1901 г. в селе Бродецкое Бердичевского уезда Киевской губернии в семье рабочих. Поляк. В 1922 г. окончил рабочий факультет, в 1926 г. — экономический факультет института. В РККА с 1920 г., в партии с 1941-го. Воевал на польском фронте, против отрядов Махно, в Дагестане, в Грузии. Несколько раз ранен.

С августа 1920 г. — красноармеец стрелкового полка, с апреля 1922 г. — курсант 4-х пехотных курсов, с января 1923 г. — курсант 2-й Тифлисской пехотной школы, с августа 1925 г. — слушатель Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования «Выстрел». По окончании — командир роты, с декабря 1928 г. — помощник командира батальона, с октября 1929 г. — командир батальона, с января 1930 г. — помощник начальника штаба полка. В июле — начальник штаба полка. С июля 1932 г. — временно исполняющий должность командира полка. С 1934 г. — слушатель Военной академии им. Фрунзе. С 1937 г. — преподаватель тактики на Высших стрелково-тактических курсах усовершенствования командиров пехоты «Выстрел». С сентября 1938-го по март 1939-го майор Баерский в запасе. После возвращения в армию назначен помощником начальника штаба 3-й стрелковой дивизии. В 1940-м — заместитель начальника штаба стрелкового корпуса на Дальнем Востоке, подполковник. В 1941 г. — полковник, начальник оперативного отдела стрелкового корпуса, начальник штаба стрелкового корпуса. В сентябре 1941 г. назначен командиром 41-й стрелковой дивизии.

В плену с 25 мая 1942 г., где принял псевдоним Владимир Ильич Боярский^[309].

Мог такой офицер написать меморандум? Думаю, что мог. Но опять-таки не один. Значит, был третий. И он действительно был, оставшись за спинами предавших Родину генерала и полковника.

Как мы помним, в записке Хильгера о допросах военнопленных Власова и Боярского, была третья фамилия: Иосиф Кернес. Там он значится как полковой комиссар.

Иосиф Яковлевич Кернес до плена комиссар 914-го полка 244-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. В боях на харьковском направлении в июне 1942 г. попал в окружение и в плен. Но был в

биографии Кернеса один весьма интересный факт. Спустя всего год после окончания педагогического факультета Военно-политической академии, его оставили адъюнктом на кафедре истории СССР. Правда, учёбу Кернес так и не завершил. Началась война. И всё же, в отличие от других коллег по несчастью, комиссара трудно назвать человеком без способностей. Так, собственно, оно и было^{310}.

Выдержки из протокола допроса Кернеса от 25 июня 1942 г. пусть косвенно, но всё-таки подтверждают его авторство в написании меморандума:

«Отношение к политическим вопросам. К теперешней системе Сталина имеется, по мнению К., довольно значительная оппозиция, которая в политических военных кругах, а также в армии имеет якобы многочисленных сторонников. Оппозиция признаёт, что война для России проиграна, и хотела бы с помощью сепаратного мира с Германией спасти страну от невыразимого хаоса... Продолжение войны с Россией, которая, по мнению К., в состоянии вести войну приблизительно ещё один год, стоило бы также и немцам очень больших жертв и переутомило бы немецкую экономику настолько, что с наступлением англосаксов, которое ожидается в 1943 г. после полной перестановки США на войну, Германия может изнемогнуть. Русский народ и армия хотят мира. Этому сильному народу, который поддерживается также и верхушками среди ведущих кругов (оппозиции), не может на долгое время сопротивляться даже Сталин, но всё же мирные условия должны быть приемлемыми. Необходимыми условиями К. считает: положение, существовавшее с августа 1939 г., и господство русской части населения, которое понесло самые большие жертвы и является ядром государства. Немедленное изменение большевистской государственной системы следует не отклонить, а, напротив, стремиться к постепенной её переустановке, например, восстанавливая частную собственность, увеличивая крестьянские подсобные хозяйства без немедленной ликвидации колхозов, освобождая ремёсла и многое другое. Армия поддержит правительство, которое приведёт к миру, а Сталин после заключения мира долго удержаться не может. Сокращение русской армии до состава полицейских войск — об этом можно говорить свободно. В дальнейшем следовало бы стремиться к достижению немецко-русского сотрудничества против капиталистических держав, в результате которого Россия заняла бы должное ей место в новой Европе»^{311}.

А вот что записал о Кернесе Хильгер 7 августа 1942 г.: «Полковой

комиссар Иосиф Кернес родился в 1910 г. в Кировограде. Держится он положительно и дипломатично, однако не внушает доверия. До 1941 г. Кернес являлся сотрудником Главного политического управления Красной Армии в Москве и одновременно политическим комиссаром полка. Кернес заявил, что перешёл на нашу сторону в связи с полученным им от русских оппозиционных кругов заданием выяснить возможность заключения сепаратного мира. На вопрос, что это за люди, Кернес ответил, назвав несколько ничего не говорящих имён, что значительное количество известных лиц, а также влиятельных членов советского правительства не согласны с политикой Сталина и готовы, в случае если Германия предложит приемлемые условия сепаратного мира, свергнуть его и вступить в переговоры с германским правительством. На вопрос, что это за лица, Кернес назвал такие имена, как Молотов, Калинин, Шапошников, Тимошенко и др. Кернес утверждает, что всё, касающееся данного вопроса, он изложил письменно и передал военным властям в Харькове. По поводу этих заметок запрошены соответствующие сотрудники ОКХ... Ни моя беседа с Кернесом, ни содержание его письма в адрес г-на министра иностранных дел не убедили меня в том, что в его сообщении есть нечто большее, чем стремление к личному выдвиганию. Я побеседовал с Кернесом соответствующим образом и заявил ему, что время окончания войны зависит не от желания русской «оппозиции», а будет установлено немецкими пушками. Генерал Власов и полковник Боярский высказывались о Кернесе сдержанно, но не отрицательно. Они считают его интеллигентным, пригодным к использованию.

Разница между обоими офицерами и Кернесом заключается в том, что первые считают невозможным революцию в Советском Союзе или дворцовый переворот в Кремле, в то время как Кернес указывает на то, что оппозиция против Сталина настолько сильна, что её можно привести к власти предложенным им способом (сепаратный мир с Германией). Кернес не дал доказательств правильности своего мнения. Напротив, предложенное офицерами введение русских формирований в бой против большевизма позволяет сделать благоприятные выводы»^{312}.

Только благодаря своей твердолобой «оппозиционной версии» Иосиф Кернес в декабре 1942 г. смог перейти линию фронта и оказаться у своих. При себе он хранил два свёрнутых в трубочку тонких листа бумаги. На одном было письмо маршалу Тимошенко, на другом письмо маршалу Василевскому. Однако упрямство комиссара на Родине было встречено без энтузиазма. В 1955 г. Кернеса освободили по амнистии и только в 1989 г. реабилитировали. Двадцать лет спустя после смерти.

Именно Кернес очень много дал свидетельских показаний по делу генерала Власова. И как отмечают специалисты, показаний смелых [\[313\]](#).

В Виннице по приказу полковника фон Ронне с Власовым встретился капитан Штрик-Штрикфельдт. Несколько слов об этом офицере германской армии.

Вильфрид Карлович родился в 1897 г. в Риге и был старше Власова всего на 4 г. В 1915 г. он окончил гимназию в Петербурге. До конца Первой мировой войны служил офицером в русской армии. С 1918 по 1920 г. участвовал в Белом движении. Затем 4 г. работал по мандату Международного Красного Креста и Нансеновской службы по оказанию помощи голодающим в России.

С 1924 по 1939 г. представлял в Риге германские и английские предприятия. С 1941 г. — переводчик и офицер вермахта^{314}.

Вот как вспоминал первую встречу с русским генералом капитан Штрик-Штрикфельдт:

«Власов произвёл на меня положительное впечатление своей скромностью и в то же время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той трудно определимой чертой характера, в котором чувствовалась скрытая сила его личности. Это впечатление ещё усиливалось всей его внешностью: бросающимся в глаза ростом худого широкоплечего мужчины, внимательным взглядом через толстые стёкла очков, звучным басом, которым он не спеша, чётко излагал свои мысли. Иногда в его словах проскальзывали нотки лёгкого юмора.

Он рассказал мне о своей жизни».

Вообще Андрей Андреевич очень любил поговорить, пофилософствовать. Бесспорно сказывалось и духовное образование. При этом он часто выдавал желаемое за действительное...

Основной стержень в этой беседе — это прозрение Власова в плену. Об этом хорошо написал Штрик-Штрикфельдт:

«Первоначальное недоверие Власова рассеялось благодаря тактичному обращению с разбитым противником со стороны немецких офицеров и рыцарскому отношению его врага в боях у Волхова генерал-полковника Линдемманна. Этим подтвердилось то, во что он, в сущности, хотел верить: что немцы были не чудовищами, а людьми и, как солдаты, уважали противника...

При следующем моём посещении генерала Власова я должен был много рассказывать ему о Германии. Его интересовало всё. Но прежде

всего он хотел знать больше о германских целях войны. Надо сказать, что знал он поразительно много».

Вскоре капитан поставил решающий вопрос пленному генералу: «Не является ли борьба против Сталина делом не одних только немцев, но также, и в гораздо большей степени, делом русских и других народов Советского Союза? Он задумался. Потом он рассказал мне о долголетней борьбе за свободу, которую вели крестьяне и рабочие, офицеры и студенты, мужчины и женщины. А мир наблюдал и молчал. Из экономических и иных корыстных побуждений с советской властью, держащейся на крови, заключались договора и союзы.

«Может ли всё это ободрить народ, чтобы он взял в свои руки свою судьбу?» — спросил он.

Вопрос на вопрос — показатель сомнения. Видимо, у Власова оно ещё было. С одной стороны, Власов считал: «В Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже ответственные работники, настроены хотя и не против советской системы, но против Сталина. Террор подавляет в России всякую попытку к созданию организованного движения сопротивления».

С другой стороны, он спрашивал: «И как вы представляете себе практическое участие русских в борьбе против Сталина?»

Снова вопрос на вопрос!

Штрик-Штрикфельдт: «Я сказал, что мы сами в начале похода верили в освободительную войну, в освобождение России от большевизма. Я говорил о бедственном положении военнопленных, которое, к сожалению, нам изменить не удалось. Я сказал ему и о том, что вожди национал-социалистов одержимы высокомерием; а потому слепы и не склонны разработать разумную политическую концепцию. Следствие этого, прежде всего, катастрофическое положение 50–70 млн. людей в занятых областях. Позиция же германского офицерского корпуса иная».

— Что же всё-таки мы можем сделать? — спросил Андрей Андреевич.
— И что думает об этом ваш фюрер?

— Ну, фюрер, к сожалению, всё ещё окружён поражёнными слепотой людьми. Но фельдмаршалы и крупные офицеры здесь, в генеральном штабе, делают что могут в сторону изменения политических целей войны и пересмотра наших отношений к русскому народу. Готовы ли вы сотрудничать с теми, кто хочет бороться против Сталина?

— Против Сталина — да! Но за что и за кого? И как?

— Сотни тысяч русских уже помогают немцам в этой войне против Сталина, многие даже с оружием в руках. Но у них нет своего лица.

— Дадут ли нам офицеры, о которых вы говорите, возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наёмников. Она должна получить своё задание от национального русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны.

В конце разговора капитан Штрик-Штрикфельдт попросил изложить свои мысли в письменной форме. При этом в своей книге «Против Сталина и Гитлера» он отметил:

«Момент был благоприятный: начальник Генерального штаба Гальдер ждал от Гелена возможно более полной информации, исходящей из советских офицерских кругов, о реакции в Красной Армии на только что проведённое упразднение института комиссаров».

В общем — обыкновенная работа разведки.

При разговорах с Власовым иногда присутствовал пленный полковник Владимир Ильич Боярский, который в отличие от Власова был настроен более резко антисталински.

Андрей Андреевич часто советовался с ним. В итоге, на основе соображений, обсуждённых в беседах, Власов и Боярский составили и подготовили доклад в виде плана. В своих воспоминаниях Штрик-Штрикфельдт написал: «Набросок плана был хорош, но, увы, слишком многословен. Из моего опыта я уже знал, что «пруссакам» следует всё давать в сжатом, сухом изложении».

После получения указаний начальника Ронне Вильфрид Карлович добросовестно сократил и переработал доклад, который получил название меморандума^{315}.

После прочтения доклада полковник Ронне остался вполне доволен. Он несколько раз беседовал с Власовым и в заключении процесса вербовки сказал Штрик-Штрикфельдту: «В случае совместной работы с русскими я отдал бы генералу Андрею Андреевичу Власову предпочтение перед всеми другими».

И что бы ни говорили кураторы Власова, а потом и историки об этом пред почтении* ясно одно: в целях немецкой пропаганды фигура Власова была наиболее приемлемой и целесообразной.

Во-первых, он имел высокую должность как военнопленный генерал Красной Армии, самое высокое воинское звание в плену — генерал-лейтенант. Таких у немцев в лагерях были единицы.

Во-вторых, внешний вид: рост, заметная худощавая фигура. Народные корни и духовное образование.

В-третьих, умение говорить и говорить много, философствуя. Знание

народа, народной жизни. Умение преподнести себя, умение поторговаться. Некая независимость.

На всё это и было обращено внимание немецких хозяев. По их единодушному мнению, глава Русского освободительного движения должен быть именно таким^{316}.

Как пишет Е. Андреева, «другим посетителем Власова в Винницком лагере был лейтенант Дюрксен из Отдела пропаганды верховного командования вермахта. Его начальник капитан Николаус фон Гроте также активно разыскивал антисталински настроенного советского генерала, который подписывал бы пропагандные листовки для разбрасывания над расположениями частей Красной Армии с целью интенсифицировать дезертирство красноармейцев»^{317}.

И снова возвращаясь к письмам Власова своим жёнам, нельзя не отметить, что до плена Андрей Андреевич был весьма доволен своим положением, своей карьерой, своим питанием, обмундированием, встречами с вождём. Словом, всё у него было прекрасно. Была у него и молодая походно-полевая жена, которая родила ему сына. Его показывали в кинохронике, о нём писали газеты. И вдруг такой удачливый и счастливый человек оказывается в плену... Вся прошлая жизнь переворачивается с ног на голову, все планы и надежды рушатся в момент. В одно мгновение советский генерал-лейтенант лишается привычного положения, комфорта, благ и прелестей жизни командующего. Психологически не каждый человек способен в стрессовой ситуации справиться с таким потрясением. Не каждый способен выдержать такое резкое падение с Олимпа власти из князи в грязи. Не выдержал его и Власов. Более того, именно на этом сыграли немецкие офицеры, работавшие с ним. В частности Штрик-Штрикфельдту удалось подобрать ключик к советскому генералу в том плане, что он ему смог весьма очень просто объяснить его предательство. И это оказалось немаловажно для обиженного и амбициозного выходца из русской глубинки.

Например, всё тот комиссар Кернес более подробно о планах гитлеровцев в отношении советских военнопленных узнал именно от бывшего командующего 2-й ударной армии, «которого немцы усердно обрабатывали, проча в командующие Русской национальной армии. Встретились они так, словно давно были знакомы друг с другом:

— Как же, как же, наслышаны о ваших мытарствах, — говорил, пожимая руку Кернесу, бывший советский генерал. — Поведайте-ка нам о себе.

Слушал он, как бы это точнее сказать, со вкусом. Когда речь зашла об отношении Кернеса к коллективизации, часто вставлял:

— Помилуй Бог, как хорошо!..

В течение месяца, что Кернес провёл в Винницком лагере, они встречались с Власовым почти каждый день, чаще всего в отдельной комнате, где квартировал последний, расписывая столь любимую «пульку». Был он одет обычно в гимнастёрку защитного цвета, синие брюки, на ногах — большие болотные сапоги. Карты всегда располагают к общению, и день за днём Иосиф Яковлевич довольно подробно знакомился не только с биографией бывшего командарма-2, но и с планами будущего командующего РОА, предполагаемого главы будущего нового Российского государства. Во всяком случае, на реальную возможность подобной перспективы генерал намекал не единожды.

Несмотря на существенную разницу в воинских званиях (по советской военной номенклатуре), в их положении было немало общего. И тот, и другой являлись военнопленными. Оба с самого начала стремились добиться расположения немецкого командования демонстрацией лояльности к Германии и заверениями о своей готовности сотрудничать в деле строительства новой России без большевиков, за что им сохранили жизнь и позволили даже иметь определённую свободу. Правда, если Власов определился со своей будущей ролью, то для Кернеса перспективы оставались весьма туманными, что, впрочем, не мешало им проводить время в обществе друг друга, без соблюдения субординации, не подчёркивая разницы в положении:

— Я ведь сын простого деревенского мужика, — рассказывал Власов. — Учился на гроши, всего добился сам. В Красной Армии с самого её рождения, дослужился до генерал-лейтенанта. Но и после этого, друг мой, поддерживал контакты со своими земляками до самой войны, часто бывал на родине, в Нижегородской губернии, кому чем мог — помогал.

В отличие от Кернеса, который проявлял осторожность и лишнего не болтал, Власову постоянно хотелось выговориться. Он много рассказывал о себе, о своей советнической деятельности в Китае, о службе в Киевском Особом военном округе, говорил о контузии, полученной в бою. Наверное, это покажется странным для читателя, привыкшего представлять себе генерала Власова эдаким эталонным монстром предательства, но в откровениях Кернеса о нём, в материалах допросов самых разных людей вполне отчётливо прослеживаются нотки уважительности к этому незаурядному человеку, сочувствия к изломанной судьбе.

Изменник, отщепенец, ничтожество. Несомненно, есть в таких

презрительных словах вполне определённая доля истины, однако, как неоднократно приходилось убеждаться, образ человека, нарисованный одной краской, никогда не соответствует оригиналу.

Судя по документам, имеющимся в делах, Власов в Винницком лагере никак не хотел признавать себя побеждённым:

Воспоминания

— Имейте в виду, — убеждал он Кернеса, отложив карты в сторону, — Вторая ударная армия фактически была отдана нашей Ставкой немцам на растерзание. Мы оказались в окружении, однако бойцы и командиры продолжали героически сопротивляться превосходящим силам противника. Потеряли убитыми и ранеными две трети личного состава. Кончились снаряды, патроны. И лишь тогда было принято решение уничтожить технику, чтобы она не досталась немцам.

— Примерно в такую же ситуацию, Андрей Андреевич, на Северном Донце попала и наша дивизия, — вставил Кернес. — Если бы не контузия, я живым в плен бы не сдался.

— Во время отступления, в большинстве своём беспорядочного и неуправляемого, — продолжал свой рассказ Власов, глядя куда-то вдаль мимо собеседника, — штаб армии был отрезан от своих частей. Тем не менее я вместе со штабом пытался пробиться к своим, ждал и надеялся, что за нами пришлют самолёт. Не пробился и не дождался, тем не менее до последней минуты я оставался со своими бойцами и командирами. С горсткой голодных и измученных красноармейцев мне целый месяц удавалось скрываться в лесах и болотах. Я получил контузию, был ранен в ногу, но уверен, нам всё равно удалось бы добраться до своих. Нас выдал немцам один продажный холуй, в доме которого мы остановились передохнуть»^{318}.

А 17 сентября 1942 г. Власова привезли в Берлин, в так называемый «штаб» русских сотрудников отдела пропаганды верховного командования на Викториаштрассе, 10. Как говорится: процесс пошёл!^{319}.

В конце августа 1942 г. капитан Штрик-Штрикфельдт приехал в Берлин:

«Так называемый штаб русских сотрудников отдела Военной пропаганды (ВПр) ОКВ находился на Викториаштрассе, 10, в помещениях отдела, но за замками и запорами. Решётки на окнах, убогие деревянные топчаны, на них мешки с соломой. Запрет выхода в город. Вечером запирались и двери комнат. Я был потрясён: значит, даже ОКВ в Берлине не смог добиться для своих работников ничего лучшего. Скучную еду приносили ежедневно из какой-то столовой на Потсдамер-плац, а солдаты из охраны часто добавляли кое-что из собственного пайка. Чтобы несколько улучшить питание русских. Они считали, что тот, кто работает с нами, должен быть, по крайней мере, сыт. Не были ли они лучшими политиками, чем их высокое начальство?»

Старший лейтенант Дюрксен дружественно встретил меня. Моим непосредственным начальником стал капитан Гроте. Начальником отделения ВПр/IV, к которому принадлежали Гроте и Дюрксен, а теперь и я, был полковник Мартин».

Капитан Николай фон Гроте происходил из балтийских немцев. По профессии журналист, он с началом войны стал сотрудником отдела армейской пропаганды (ВПр).

Старший лейтенант Дюрксен был чистокровным немцем. Именно он по приказанию отдела пропаганды ОКВ был командирован в ОКХ с целью уговорить Власова подписать листовку, которую Гроте должен был размножить и организовать её «распространение» за линией фронта. Идея была такова, что если эта листовка увеличит число перебежчиков, то, значит, ОКХ и отдел пропаганды не зря едят свой хлеб. Эта листовка и стала для Власова дорогой в Берлин.

Ещё до приезда Дюрксена полковник фон Ронне спрашивал Власова:

— Готовы ли вы подписать обращение к Красной Армии, призывающее солдат прекратить сопротивление и переходить на германскую сторону?

Сначала Андрей Андреевич категорически отказался. Но это диктовала не его совесть. Это был трезвый расчёт. Ведь был уже меморандум — первый шаг.

А Ронне продолжал упрашивать Власова:

— Вы поймите, без явных успехов трудно заставить начальство согласиться на следующий шаг. Этот явный успех в глазах высшего командования был бы очевиден из роста числа перебежчиков после вашего призыва к красноармейцам.

— Они будут переходить и без моего призыва нарушить свой долг, — немного помолчав, заметил Власов.

Возможно, Власов боялся продешевить. Ему всё же не хотелось быть на уровне простой уличной проститутки. Нужно было поломаться.

После Ронне к уговорам Власова приступил Штрик-Штрикфельдт:

— Генерал, ваше обращение нужно нам, чтобы доказать политикам, что офицеры и солдаты Красной Армии готовы слушать вас и следовать за вами, как за русским и патриотом. Когда они это поймут, мы приблизимся к нашей цели. А до тех пор, дорогой Андрей Андреевич, нам не остаётся ничего иного, как идти тернистым путём борьбы против Сталина и против...

— Против этих слепых идиотов вокруг Гитлера.

— Совершенно верно!

— Здесь всё совсем иначе, чем в Москве! Вы берёте на себя ответственность и действуете по вашей совести. Такое у нас невысказано. Малейший намёк диктатора — и все падают ниц.

— Так вы поможете нам? — спросил Вильфрид Карлович.

Власов попросил сутки на размышление, и первая листовка появилась. Текст был составлен Боярским и дополнен Власовым.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал:

«В своём заношенном обмундировании военнопленных с большими буквами «SU» на спине русские «сотрудники» ОКВ могли выходить в город лишь строем в сопровождении конвоя. Власов отказался участвовать в этих «прогулках» для увеселения гуляющих в Тиргартене берлинцев. Он оставался в своей комнате.

Время от времени этих «сотрудников» привлекали некоторые министерства для консультаций, в качестве знатоков по различным специальным вопросам (например, по сельскому хозяйству). Из этого сама собой возникла необходимость в ослаблении их изоляции. Мы решили, прежде всего, добыть гражданскую одежду и улучшить общие условия жизни и работы пленных»^{320}.

Прошли месяцы, прежде чем Штрик-Штрикфельдту и его начальникам удалось приступить к созданию «русского центра генерала Власова». Был создан «Отдел Восточной пропаганды особого назначения». Его начальником был назначен Вильфрид Карлович.

Отдел приравняли к батальону. Первоначальный штат предполагался на 40–50 человек, но Штрик-Штрикфельдт попросил разрешения на 1200. Начальник отдела ВПр/IV полковник Мартин скрипя сердце подписал бумагу. Отделу Восточной пропаганды особого назначения в конце концов был выделен барачный лагерь неподалёку от деревушки Дабендорф, к югу от Берлина. Раньше он использовался для французских военнопленных и был подчинён командующему 3-м военным округом (Берлин)...

Лагерь Дабендорф, расположенный на опушке леса (с траншеями на случай воздушной бомбардировки), был маленьким барачным городком с собственным снабжением. Бюджет по русскому персоналу включал: содержание восьми генералов, 60 старших офицеров и нескольких сотен младших. Соглашение с Отделом Иностранной армии Востока предусматривало размещение русского персонала при ста фронтовых дивизиях и специальных частях, а также назначение русского связного персонала при комендатурах лагерей военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, в прифронтовой полосе и в Германии. В целом штатное расписание в будущем должно было охватить 3600 плановых офицерских должностей.

По немецкому личному составу штат включал двадцать одну офицерскую должность.

После этого Власов и его сотрудники, а также и весь редакционный штаб с Викториаштрассе были формально освобождены из плена и переведены на бюджет Дабендорфа. А в нём разместилась русская редакция, которая готовила регулярные выпуски обеих русских газет — «Заря» (для военнопленных) и «Доброволец» (для добровольцев и «хиви» — «вспомогательный персонал»).

О том, что было дальше, Власов расскажет на допросе советскому следователю:

«В декабре 1942 г. я поставил перед Штрикфельдтом вопрос о передаче под моё командование всех сформированных русских частей и объединении их в армию. Штрикфельдт ответил, что передача мне всей работы по формированию русских частей задерживается из-за отсутствия русского политического центра. Украинцы, белорусы, кавказцы, как заявил Штрикфельдт, имеют в Германии свои руководящие политические организации и в связи с этим получили возможность формировать свои национальные части, а поэтому и я, если хочу добиться успеха в своём начинании, должен прежде создать какой-то русский политический центр. Понимая серьёзность доводов, выдвигаемых Штрикфельдтом, я обсудил этот вопрос с Малышкиным и Зыковым, и при участии Штрикфельдта мы

выпустили от себя документ, в котором объявили о создании «Русского комитета».

Всё дело в том, что план деятельности «Русского освободительного комитета в Смоленске» родился в недрах Отдела Генерального штаба «Иностранные войска Востока» (ФХО). В августе 1942 г. штаб группы армий «Центр» одобрил этот план. По соглашению между отделами ФХО и ОКВ/ВПр воззвание комитета должно быть отпечатано и сброшено на Сталинградском фронте в количестве миллиона экземпляров. В воззвании предполагалось ясно наметить политические цели.

Прошло время, но ничего не было сделано. В своё время получивший разрешение на издание листовки с 13 пунктами, включавшими политическую программу, капитан фон Гроте всё же подготовил такой документ. Публикация его также не состоялась.

Тем не менее Штрик-Штрикфельдт его передал Власову. Зыков переработал все 13 пунктов, внеся туда призыв к населению, а Вильфрид Карлович добился разрешения на публикацию через своего знакомого военного врача частей СС у министра по делам Востока Розенберга. Уже через несколько часов ротационные машины отпечатали несколько миллионов листовок со «Смоленским воззванием»^[321].

Думаю, что не очень трудно понять, для чего Власов был так нужен немцам! Благодаря недолгим уговорам и недолгим убеждениям, советский генерал сломался и стал работать на своих новых хозяев, а проще говоря на врагов своего Отечества. Проще не бывает!

«Появление на политической арене Власова, — пишет авторитетный историк А. Окорочков, — было принято антисоветскими силами с надеждой. Они увидели в нём (в первую очередь благодаря стараниям немецкой пропаганды) авторитет, способный повести за собой массы. Правда, немецкое руководство, создавшее ему соответствующий имидж в исключительно пропагандистских интересах, было само иного мнения о лидере РОД. В связи с этим интересно привести выдержку из речи рейхсфюрера СС Г. Гиммлера перед рейхсляйтерами и гауляйтерами в Познани 6 октября 1943 г.:

«Теперь мы обнаружили русского генерала Власова. С русскими генералами дело особое. Наш бригаденфюрер Фегеляйн взял в плен этого русского генерала. Я гарантирую вам, из почти каждого русского генерала мы можем сделать Власова! Это будет стоит неслыханно дёшево. А этот русский, которого мы взяли в плен, нам вообще ничего не стоит. Он был командующим одной ударной армией. Наш brave Фегеляйн сказал своим людям: попробуем-ка пообщаться с ним так, будто он и взаправду генерал!

И лихо встал перед ним по стойке смирно: господин генерал, господин генерал!.. Это ведь каждому приятно слушать. Это во всём мире так. И здесь это тоже сработало (...)

Итак, с этим генералом обращались должным образом, ужасно вежливо, ужасно мило. В соответствии со своими особенностями, славяне охотно слушают, когда им говорят: «Это вы знаете намного лучше нас», любят быть любезно выслушанными, немного по дискутировать. Этот человек выдал все свои дивизии, весь свой план наступления и вообще всё, что знал.

Цена за эту измену? На третий день мы сказали этому генералу примерно следующее: то, что назад вам пути нет, вам, верно, ясно. Но вы — человек значительный, и мы гарантируем вам, что, когда война кончится, вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время — вот вам шнапс, сигареты и бабы. Вот так дёшево можно купить такого генерала! Очень дёшево. Видите ли, в таких вещах надо иметь чертовски точный расчёт. Такой человек обходится в год в 20 тысяч марок. Пусть он проживёт 10 или 15 лет, это 300 тысяч марок. Если только одна батарея ведёт два дня хороший огонь, это тоже стоит 300 тысяч марок. Но опасно делать из славянина большую политическую программу, которая в конечном счёте может обернуться против нас самих».

Такого же мнения относительно Власова и Русской освободительной армии придерживались и другие руководители Третьего рейха. Так, например, рейхминистр и главнокомандующий ВВС Герман Геринг на допросе 17 июня 1945 г. заявил, что «никаких реальных расчётов на Власова и его армию не возлагалось». То же самое подтвердил и начальник Генерального штаба генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, заверивший следствие, что «верховное главнокомандование никогда не имело никаких серьёзных расчётов на использование власовских войск».

В целом же, на наш взгляд, «власовская акция» стала для немцев вынужденным шагом — ответом на провозглашение Сталиным войны как Великой Отечественной и обращение руководства к историческим победам России под водительством Александра Невского, Суворова, Кутузова и др.

Забегая вперёд, заметим, что немецкая контрпропагандистская акция так и не смогла существенно изменить исход войны. Подтверждением тому является заявление одного из авторов «власовского» проекта, офицера СС Гюнтера Долфена, сделанное им на допросе в советских следственных органах в 1945 г.: «Сталин ещё в 1941 г. переиграл Гитлера, обратившись к национальным, патриотическим чувствам русского народа. После этого у нас не было ни малейших шансов выиграть эту войну».

Тем не менее военные неудачи вермахта на Восточном фронте и перспективы поражения вынудили германское командование использовать генерала Власова и формально подчинённые части РОА в своих пропагандистских акциях.

Впоследствии продолжатели «власовского движения» будут оправдываться, что многие документы, вышедшие от лица Власова и его соратников, были исключительно немецкими пропагандистскими, а имена лидеров РОА использованы для убедительности, причём часто без их согласия. Возможно. Тем не менее важен результат. А он трагичен — это загубленные или сломанные судьбы многих русских людей, которые поверили лично генералу Власову. Это тысячи жизней русских парней, ставших пушечным мясом, в боях на территории Франции, Бельгии, Германии и других европейских стран в составах «восточных батальонов». Это мучительная ностальгия по родине, «съевшая» сотни наших соотечественников после войны»^{322}.

Одной из центральных фигур в Русском освободительном движении сами власовцы и их сторонники называют Мелетия Александровича Зыкова. В.К. Штрик-Штрикфельдт называет его из уже находившихся на Викториаштрассе «сотрудников» Отдела ОКВ/ВПр самой значительной личностью:

«Зыков уже давно был в немецком плену. Он называл себя сотрудником центральных советских газет. Разумеется, этого мы не могли проверить, как и его, якобы близких, отношений с Бухариным и другими крупными советскими руководителями, позже ликвидированными Сталиным. Зыков был человек подкупающего ума исключительно обширных знаний. Хотя он и подчёркивал, что он никогда ранее не бывал в Западной Европе, что, без сомнения, соответствовало истине, он, однако, хорошо знал её. Он не предавался иллюзиям относительно Германии, ясно видел немецкую политику, амбиции национал-социалистической партии и её организаций, хаос в различных министерствах... колеблющиеся позиции Розенберга и, наконец, трудное положение ведущих офицеров ОКВ/ВПр, которые, как сказал Зыков, должны служить чистой истине, независимой от каких-либо идеологий и даже если это против любимых теорий Гитлера.

Характерной для Зыкова была его оценка положения, сделанная им, безо всяких прикрас, в разговоре с Власовым и со мной:

— Национал-социалисты свою войну проиграли, но это открывает богатые возможности для антисталинской Европы. Эти возможности надо использовать, уважаемый Андрей Андреевич. (Когда мы вели эти разговоры осенью 1942 г., немецкие войска ещё успешно продвигались на кавказском и сталинградском направлениях.) — И потом:

— Если немцы слишком узколобы для большой политики, придётся использовать до предела политику «малых шагов».

Этой линии Зыков придерживался до своего исчезновения осенью 1944 г. Зыков не был максималистом, он не стремился, как большинство русских, получить сразу всё. Он делал первый шаг, а за ним второй.

Однажды Власов спросил меня — сумеем ли мы сохранить Зыкова в штабе, поскольку он, видимо, еврей? Я ответил, что за безопасность Зыкова поручился Гроте, которому подчинялся «штаб русских сотрудников». Но когда будет сформировано наше собственное русское воинское соединение и начальником станет он, Власов, то нам с ним вместе придётся отстаивать

Зыкова.

На это Власов заметил, что он считает сотрудничество Зыкова крайне ценным, что ему нужны люди крупного формата:

— Зыков единственный такой из всех, встреченных здесь мною до сих пор; второго Зыкова мы так легко не найдём. Да и в Советском Союзе мало людей такого калибра — всех их отправил на тот свет товарищ Сталин.

Зыков, проведший четыре года в ссылке в Сибири, был страстным врагом Сталина, но не советской системы, как таковой. В этом он несколько отличался от Власова и многих других генералов из его позднейшего штаба сотрудников. Но никто из них не был лично обижен на советскую власть, которая дала им возможность стать тем, чем они были. И это их объединяло»^{323}.

Член НТС А.С. Казанцев в своих мемуарах также выделяет Зыкова, как наиболее яркого представителя и одного из замечательнейших людей из советского мира, с которыми ему приходилось встречаться:

«Ленинская гвардия, вожди без кавычек, организаторы и руководители Октябрьского переворота и Гражданской войны, часто были людьми большой культуры, эрудиции и знаний. Это был цвет русского марксизма, дань, взятая с русского народа коммунистическим интернационалом. Одни были расстреляны потом Сталиным почти поголовно. Среди этих подлинных вождей большевизма нужно особенно выделить Бухарина, Рыкова, Бубнова и целый ряд других.

Зыков молодым комсомольцем, журналистом, попал в эту среду. На дочери Бубнова, наркома просвещения СССР, он был потом женат. До ежовской чистки он был одним из заместителей редактора правительственной газеты «Известия» и постоянным её сотрудником. Потом карьера кончилась чисто по-советски — арест, допросы, таскание по тюрьмам и ссылка. Как была его настоящая фамилия, узнать мне так не удалось, да я и не пытался, несмотря на очень близкие отношения, какие у нас потом сложились. В те времена это было не принято. Советское правительство за сдачу в плен привлекало к ответственности и семью виновного. Вполне понятно, что очень многие из них, попадая в плен и тем более выходя на волю, меняли имена и фамилии. Немцы не препятствовали этому и даже охотно шли навстречу. Мне иногда казалось, что и фамилия Зыков родилась в результате такой же перемены.

Познакомились мы при обстоятельствах не совсем обычных. Как-то летом 1942 г., придя на службу, я увидел в коридоре странное зрелище — в цинковой ванне, в которой заключённые стирали бельё, наполненной доверху водой, сидит незнакомый мне человек с намыленной головой и

немилосердно трёт себя щёткой. Одевшись в очень потрёпанную и замазанную красноармейскую форму со стоптанными развалившимися сапогами, он представился Мелетием Зыковым.

Появился он у нас при обстоятельствах несколько таинственных. Его привезли с передовой линии фронта откуда-то из-под Ростова, на самолёте. Перешёл он к немцам добровольно и назвал себя комиссаром батальона. Потом, гораздо позднее, рассказывал мне, что был на самом деле комиссаром дивизии и чуть ли даже не корпуса. Я не уверен, что и это было точно, но во всяком случае во всём знакомом мне подсоветском мире, оказавшемся с этой стороны, я не встречал человека такого масштаба, таких способностей, каким был он. Общее убеждение было, не знаю, насколько оно верно, что он был евреем. Может быть, это, в конце концов, послужило причиной его гибели.

На следующий день после приезда он решил написать брошюру о советской экономике, что и было им сделано в течение нескольких дней. Написана она была так, как мог написать только очень крупный специалист по этим вопросам. Прогнозы его потом не оправдались (брошюра называлась «Неминуемый крах советской экономики») только потому, что он не смог предвидеть размеров американской помощи Советскому Союзу. Я часто заходил к нему во время работы, он писал её до последней буквы без единой строчки пособий, без справочника. От первого до последнего слова по памяти.

Брошюра была закончена в несколько дней. Написана она была блестяще. О сложной технологии производства цветных металлов, о возможностях десятков, неизвестных многим и советским гражданам даже по имени, фабрик и заводов Зыков писал как крупный специалист. О распределении сырья, о способах его переработки писал как геолог. О работе транспорта, об использовании каналов и железных дорог — как путеец. Специалисты по всем этим вопросам могли соглашаться или не соглашаться с его выводами, но что работа была написана с большим знанием дела — признавали все.

Как журналист он поразил меня ещё больше. Ничего подобного я не видел в жизни.

Отделение пропаганды для той стороны выпускало нерегулярно выходящую газету, носившую название «Боевой путь». Она была закамуфлирована под одну из советских фронтовых газет. Я однажды присутствовал при том, как Зыков продиктовал стенографистке весь номер с начала до конца, от первой до последней строчки. Там была передовая, какой-то очерк, фельетон, сообщение с фронта и телеграммы из-за

границы, отдел развлечений с какими-то головоломками для солдат, заканчивающийся чуть ли не шахматной задачей. Всё это он продиктовал, не поднимаясь из-за стола, как будто прочёл по книге. Работа продолжалась около трёх часов»^{324}.

Бывший инженер и сын владельца большого коммерческого предприятия Риги Сергей Фрёлих работал у Власова связным офицером между штабом СА и штабом РОА. Он также оставил воспоминания о Зыкове, в которых немного «прочитал» этого человека:

«Самой значительной фигурой в штабе был, без сомнения, Мелетий Александрович Зыков, вызывающий интерес персонаж, чей подлинный идентитет до сих пор остался невыясненным. О своём прошлом Зыков рассказывал многое и каждый раз разное. Когда он напивался, хвастал своими подвигами, в которых принимал участие с саблей в руке на диком скакуне в рядах знаменитой кавалерийской армии Будённого. Это, конечно, было выдумкой, потому что Зыков, вне всякого сомнения, был сугубо штатским. В этом можно было убедиться, видя, как военная форма висела на нём, как мешок из-под картофеля. Зыков, должно быть, был высоким партийным функционером, предположительно или заместителем главного редактора «Правды», или даже редактором этой газеты. Главным редактором в то время был Бухарин. Во время сталинских чисток, при которых Бухарин стал жертвой, Зыкова сослали в Сибирь, но через три года, в 1940 г., о нём вспомнили, вернули его обратно, восстановили в партии и послали как комиссара на фронт.

Зыков принадлежал к первым сотрудникам Власова ещё на Викториаштрассе, 10. Он уже в апреле 1942 г. попал в плен к немцам и был привезён в Берлин в специальный маленький лагерь за несколько месяцев до Власова. В этот лагерь собирали военнопленных и перебежчиков, которые поступали в распоряжение немцев для борьбы против сталинского режима. Зыков отнюдь не скрывал, что он — убеждённый марксист, может быть, с более скромной идеологией, как например меньшевистской. Злоупотребление догмой марксизма при Сталине его разочаровало. Вскоре по прибытии в специальный лагерь Зыков разработал план мобилизации русского народа на борьбу со сталинским режимом, который во многом совпадал с соображениями немецких офицеров Отделения WPr.IV.

Зыков предложил также поручить руководство этим антисоветским движением какому-нибудь популярному генералу Красной Армии. Постепенно Зыков превратился в одного из самых значительных идеологов власовского штаба. Он стал редактором двух издаваемых Отделом восточной пропаганды газет — «Добровольца» и «Зари». Первая была

предназначена для отрядов добровольцев и «хиви» и вначале имела тираж в 20 000 экземпляров, а с осени 1944 г. — уже в 60 000. «Заря» выходила тиражом в 100 000 номеров и предназначалась для оstarбайтеров и военнопленных. Немецким коллегой Зыкова по редакции был журналист зондерфюрер Вернер Борман. Он был прибалтом и хорошо говорил по-русски. Обе газеты выходили два раза в неделю (...)

Для гестапо Зыков представлял скрытую угрозу особенно потому, что он был еврей, что в конце концов вышло наружу, хотя все, кто об этом знал, упорно молчали. Он чувствовал симпатию к западным союзникам. Эти чувства, которые, однако, он скрывал, просачивались то к одному, то к другому из руководящих деятелей власовского движения. И его немецкие собеседники были неприятно поражены его духовным превосходством.

На основании моего личного опыта, скажу, что Зыков был в состоянии и отступать. В присутствии Штрикфельдта однажды я поспорил с ним относительно принципа прибавочной стоимости. Тема эта рассматривается в «Капитале» Карла Маркса на примере одной фарфоровой фабрики. Под прибавочной стоимостью Маркс понимал разницу между себестоимостью и продажной ценой. Я задал Зыкову вопрос: «Как вы объясните факт, когда две одинаковых фабрики с одинаковой программой производства, одинаковым расходом сырья и одним и тем же рабочим персоналом целиком отличаются, одна преуспевает и добивается прибыли, другая же приходит к банкротству?» Зыков задумался и признался, что не знает ответа.

Штрикфельдт при такого рода разговорах обыкновенно оставался молчаливым свидетелем. Очевидно, он сам делал выводы, но никогда о них не говорил.

Летом 1944 г. Зыков был похищен и, по всей вероятности, убит. Он жил тогда вместе со своей женой, русской эмигранткой, с которой повенчался в Берлине, и со своим адъютантом Ножиным в маленьком пригороде Берлина Рангсдорфе.

Я знал, что гестапо насильно завербовало его жену в агенты с тем, чтобы она постоянно давала информацию о своём муже. Похищение и необъяснимое исчезновение его довело её почти до безумия, так как она не могла никак оправдать возможную свою вину.

За два дня до командировки Зыков сидел у себя дома за столом со своей женой и адъютантом. Из ближайшего трактира прибежала хозяйка, сообщив, что его вызывают к телефону. (Поскольку у Зыкова в квартире не было телефона, его вызывали по телефону трактира.) Зыков с адъютантом и хозяйкой вышел из дома. На углу улицы их задержал человек в длинном

кожаном пальто, в то время это было обычной одеждой чинов гестапо. О дальнейшем хозяйка рассказала следующее. Человек этот завязал с Зыковым разговор, который становился всё резче.

Постепенно они втроем подошли к автомобилю, который стоял у опушки леса и в который Зыков, протестуя, сел. По словам хозяйки, этот человек ещё и раньше расспрашивал о Зыкове в её трактире.

После этого никто больше не видел Зыкова и его адъютанта. Согласно немецкой официальной версии, советские партизаны прикончили Зыкова. Однако, скорее всего, вину за это убийство следует возложить на самих немцев, что позже и подтвердилось сведениями из многих источников. По всей вероятности, Зыков был убит одним из команды убийц гестапо. Когда власовское движение летом 1944 г. перешло в ведение СС, мне пришлось общаться со многими эсэсовцами, и из отрывков разговоров я мог заключить, что такие специальные команды или команда убийц действительно существовали (...)

Зыков должен был принять участие в пропагандном задании, которое находилось под руководством полковника войск СС, штандартенфюрера Гюнтера д'Алкена, и было известно под термином «Скорпион Восток». Неудачи на Восточном фронте заставили высшее командование немцев проявить большую пропагандную активность, особенно по тылам противника. Было принято решение создать в передовых линиях на южном участке Восточного фронта своего рода немецко-русский пропагандный клин и поручить ему выполнение специальных заданий. При этом опять-таки вспомнили про Власова, чтобы использовать его имя в пропаганде.

Д'Алкен обратился к Власову с просьбой предоставить в его распоряжение лучших русских пропагандистов из Дабендорфа, причём он в первую очередь думал о Зыкове, которого считал самым способным журналистом в штабе Власова. Сразу же при первом собрании, подлежащем созданию штаба под руководством д'Алкена, в котором принимали участие немецкие офицеры СС, генерал Жиленков и Зыков, последний твёрдо заявил, что он — русский националист. Он также не скрывал своего отрицательного мнения о применяемых до того времени методах немецкой пропаганды, касающихся русской проблемы. В случае своего сотрудничества он требовал для себя полной независимости в своих действиях. Д'Алкен обещал ему полную поддержку и свободу в его работе.

Ряд немецких групп, однако, возражали против сотрудничества с Зыковым, опасаясь этого защитника русской национальной идеи. Многие считали его большевиком. И среди русских проявлялось недоверие к Зыкову, некоторые даже подозревали, что он большевистский агент. Кроме

того, его не любили из-за его резкого характера и грубого обращения с подчинёнными»^[325].

Так кем же на самом деле был Мелетий Зыков или самая значительная фигура в штабе Власова?

Ответ на этот вопрос даёт в своём расследовании Игорь Петров. Вот что он пишет:

«Многие современные авторы отождествляют Зыкова с Цезарем Вольпе. Вводится это примерно так:

«По сей день в точности неизвестно, кем был Зыков в действительности. После краха СССР появилась возможность кое в чём разобраться. А началось вот с чего. А. Неймирок, чьи воспоминания приводит А. Артёмов, сообщает, что как-то Зыков ему сообщил, что является одним из составителей книги «Поэты — современники Пушкина», в частности он же — автор статьи о Веневитинове. Одним из составителей этой книги и автором упомянутой статьи был Цезарь Вольпе, известный до войны литературовед. Б.И. Николаевский сообщил, что до революции в Питере жил известный меньшевик Вольпе. Цезарь Вольпе весьма напоминал его. В «Краткой литературной энциклопедии» сообщается, что Цезарь Самойлович Вольпе умер в 1941 г. В 70-е годы, сообщает Артёмов, в «Посеве» вместе с ним работал некто В.Н. Чернявский, из «третьей волны» эмиграции. Как-то увидев портрет Зыкова, он сказал, что это Вольпе, которого он помнил по литературным вечерам в своё школьное время. (Вилен Люленчик «Гайна Милетия Зыкова»»).

Рассказ кочует из книги в книгу, между тем как минимум история с прозрением В.Н. Чернявского представляется сомнительной. Дело в том, что версия Вольпе была высказана вовсе не в 70-х, а самое позднее в 1950-м, когда в журнале «Посев» № 34 А. Николин опубликовал заметку «Кто был Зыков?» Если добавить, что Николин — это псевдоним Неймирока, то история закольцовывается, не оставляя в ней место для Чернявского.

В ноябре 1950-го в журнале «Часовой» № 310 Неймироку ответил А. Несин:

«По поводу гипотезы Николина, что «Зыков был довольно известным в СССР литературоведом — Цезарем Вольпе», можно сказать лишь одно, что Николин жестоко ошибается. Те, кто знал и Вольпе и Зыкова, ехидно посмеялись над этой гипотезой. Прежде всего Цезарь Вольпе был старше Зыкова на добрых 10–15 лет. Вольпе проживал в Ленинграде и сотрудничал в журналах «Звезда», «Литературный Современник» и долгое время был постоянным редактором по отделу критики в литературном отделе Государственного Издательства.

Зыков был экспансивным, энергичным человеком. Цезарь же Вольпе был флегматиком, нерешительным, застенчивым и к тому же малоразговорчивым. С 1939 г. он исчез с литературного горизонта»...

Каноническим считается рассказ одного из главных летописцев и архивариусов власовского движения В. Позднякова («Ме-летий Александрович Зыков», Новый Журнал, № 103, 1971 г.):

«В самых последних числах июля 1942 г. я вместе с двумя своими солагерниками прибыл в Берлин... По распоряжению комендатуры Шталага 3Д мы были направлены в специальное отделение этого лагеря, размещавшегося в самом Берлине на улице Шлиффенуфер, д. 7...

В конце августа или в самом начале сентября в наш лагерь прибыл Зыков... Прежде всего следует отметить, что военнопленный носил знаки различия «батальонного комиссара» и красная звезда политработника не была спорота. Обмундирование выглядело непоношенным и даже не помятым. Офицерские хромовые сапоги были начищены. Военнопленный был побрит и не был истощён, следовательно, в плену находился недолго. Никаких вещей у него не было, даже шинели. На вид ему можно было дать не более 35 лет...

Твёрдая походка, но без особой военной выправки, показывала, что З. не был кадровым командиром...

Батальонный комиссар представился нам как Мелетий Александрович Зыков. Он сказал, что только несколько дней тому назад попал в плен на Ростовском направлении и прибыл сегодня в Берлин на самолёте. Ни в каких лагерях военнопленных он не был. Привезли его в Берлин по распоряжению Геббельса, и завтра он должен быть у него. Зачем его вызвал Геббельс — он не знает.

О своём прошлом З. тогда рассказал очень немного. Упомянул, что работал в редакции газеты «Известия», в 1937 г. был арестован и сослан. В 1941 г. реабилитирован, восстановлен в партии, аттестован на звание батальонного комиссара и назначен заместителем военного комиссара стрелковой дивизии, в качестве какового и попал в плен...

На другой день майор А. рассказал мне про уход З. Рано утром, когда мы ещё спали, пришёл немецкий фельдфебель и, подойдя к койке З., начал его будить. Тот спросонок вскочил и на своём ломанном немецком языке стал объяснять фельдфебелю, что он не пленный, а перебежчик и имеет соответствующий «аусвайс». Через минуту, придя в себя, З. оделся и спокойно прошёл через комнату майора А. вслед за фельдфебелем. Больше мы З....не видели».

Поздняков рьяно держится за «батальонного комиссара». Когда М.

Китаев в мемуарах указывает, что Зыков попал в армию в качестве старшего политрука. С этими знаками различия его видели многие русские офицеры в интернациональном лагере на Шлиффенуфер, где он провёл один или два дня.

Поздняков, издававший мемуары уже покойного к тому времени Китаева, поправляет в комментариях:

«В лагере на Шлиффенуфер М. Зыков носил знаки различия батальонного комиссара, а не старшего политрука».

Сегодня, однако, мне на глаза попала «Объяснительная записка о пребывании в плену немецко-фашистской армии батальонного комиссара Чугунова Якова Абрамовича» от 29.07.1943. Попавший в плен со второй ударной армией Чугунов летом 1943-го перебежал к партизанам.

В записке, между прочим, говорится вот что:

«16.7. я был доставлен в Берлин в гестапо. При обыске в комендатуре у меня обнаружили орденскую книжку, за что после избиения посадили в одиночную камеру. Через месяц в мою камеру привели ст. политрука Зыкова Милетия Александровича, который, по его словам, якобы сдался в плен сам. Зыков рассказал мне своё прошлое, что он как будто шурин Бубнова и в одно время работал замредактора газеты «Известия», а затем якобы 5 лет находился в ссылке как оппозиционер. Последнее время он будто бы работал директором одной из текстильных фабрик и в марте 1942 г. был призван на фронт... Этот Зыков стал предлагать мне работать в газете для военнопленных, которую, по его словам, ему должны были на днях поручить редактировать.

Когда я отказался сотрудничать в газете и изменять своей родине, Зыков пытался запугать меня будущим, стремился доказать, что он мне делает услугу и т.д. Через два дня я снова остался один».

Оставим за скобками содержание разговора... но обратим внимание на дату. Середина августа это никак не начало сентября, о котором рассказывает Поздняков. А ведь в его версии Зыков только прилетел в Берлин. Мог Чугунов напутать с датой, сознательно или случайно? Теоретически да.

Но о лете говорит и А. Казанцев в «Третьей силе»...

Вспомним и уже известного нам М. Китаева:

«Впервые я встретил [Зыкова] в редакции московских «Известий», тогда он был одним из заместителей Бухарина. Он происходил из семьи интеллигентов, социал-демократов по убеждениям, его отец любил политические дебаты и в целом придерживался либеральных взглядов. Зыков получил образование в духе «легального марксизма». Истории о его

приключениях во время Гражданской войны, которые он любил рассказывать, выпив, казались мне сомнительными. Потом он стал журналистом и преподавал в институте Герцена. Потом он был редактором в Ташкенте, молодой смысленый парень, разделявший взгляды «правой оппозиции». Его отправили в Магадан. Когда он вернулся, разразилась война, и он попал на фронт младшим политруком. Когда его взяли в плен, он написал то самое знаменитое письмо Геббельсу и через несколько дней был вызван в Берлин. Удивительно, что в отличие от множества писем его письмо произвело немедленный эффект.

На Шлиффенуфер, 7, в Берлине располагался спецлагерь для военнопленных всех национальностей, представлявших интерес для ОКБ. Именно там я встретил Зыкова в июле или августе 1942 г.».

Итак, вырисовывается вот такая картина. В июле, августе, сентябре 1942-го в различных камерах лагеря Шлиффенуфер то в форме старшего политрука, то в форме батальонного комиссара появлялся человек, называвший себя М.А. Зыковым и рассказывавший одну и ту же легенду об «Известиях», ссылке и пр. После одного-двухдневного зондажа этот человек из камеры исчезал. И это не совсем та история, которую рассказал нам Поздняков»^{326}.

Из других источников выясняется, что в начале 30-х годов Зыков работал корреспондентом в газетах «Комунна», выполнял функции корреспондента в газете «Социалистическое земледелие» по Центрально-Чернозёмному округу^{327}.

Из интервью Ойгена Дюрксена для книги Ю. Торвальда, ок. 1950 г.:

«Зыков — маленький, плотный, но не толстый, ярко выраженная еврейско-арабская голова, толстые губы, низкий лоб, очень живые подвижные глаза. Произносил каждое слово обдуманно и не спускал взора с собеседника. Беседы с Зыковым были напряжёнными.

Он попал в плен где-то на южном участке восточного фронта в звании дивизионного комиссара. «В/Пр» [отдел «Вермахт/ Пропаганда»] получил сообщение об этом пленном (предположительно через отдел «Иностранные армии Востока» или напрямую от группы армии) с подробной характеристикой и работой Зыкова об оборонно-экономическом положении Советского Союза»^{328}.

Около года (с марта 1935 г. по март 1936 г.) Зыков работал ответственным секретарём газеты «Ханты-Манчи Шоп». Параллельно он был корреспондентом «Омской правды» в Остряко-Вогульском (ныне Ханты-Мансийском) округе. Опубликовал десятки статей, фельетонов,

экономических обзоров и заметок^{329}.

Из статьи Эллы Максимовой («Известия») о М.А. Зыкове:

«Старший научный сотрудник Публичной библиотеки Нина Антоновна Зубкова, узнав о цели моих разысканий, вдруг невзначай заметила: в каталоге, который она проверила, стоит карточка с фамилией Зыков. Да-да, именно Мелетий Александрович.

Как это? Значит, Зыков — реальное лицо?

Назавтра я держала в руках сочинённые им в 1930–1931 гг., напечатанные издательством воронежской газеты «Коммуна» жиденькие брошюрки на сельскохозяйственные темы «Хохол — село колхозное», «Возглавить новый подъём колхозного движения». Что стиль, что содержание — не оторваться. «Отлив из колхозов происходил не в результате неправильной линии партии, а вследствие прямого извращения партийный директив. А кулак в это время прямо провоцировал перегибы». Ну не соединяется этот убогий Зыков с тем — публицистом, аналитиком. На каком поле брани, в каком лагере подобрал один имя другого, по всей видимости, погибшего.

И тут в Подольске в архиве Министерства обороны обнаруживается карточка на М.А. Зыкова. Родился в 1901 г. в Днепропетровске, призван в Красную Армию из Москвы, жена Н.Д. Малькова проживает на улице Карла Маркса, дом 22, квартира 158 [правильно: 58 — ИП]. В 1942-м он пропал без вести.

Дальше обвальню стали собираться и неожиданным образом совпадать подробности, которые из чужих документов едва ли почерпнёшь. Дочь Бубнова после ареста отца укрывалась на улице Карла Маркса. Дом номер 22 в 30-е гг. выстроила для своих сотрудников Библиотека имени Ленина, там работала жена Бубнова, а в 60-е гг. некая молодая женщина с той же фамилией Малькова. И наконец, последнее сообщение нашего корреспондента Е. Бовкуна: жену Зыкова звали Наташа. В старой домовой книге значится Наталья Давыдовна Малькова, художник-шелкограф, скончавшаяся — ирония судьбы — 5 марта 1953 г., в день смерти Сталина.

Всё говорит за то, что Мелетий Зыков и был настоящим Мелетием Зыковым, скрывавшимся под своим же именем (мы нашли продукцию Зыкова и в «Известиях»)^{330}».

По данным архива Министерства обороны РФ, значится:

«Зыков Милетий Александрович. 1901 г.р. Днепропетровск. Призван 27 марта 1942 г. Фрунзенским РВК г. Москва. Рядовой 535 гвардейского полка, 3-й батальон, 7-я рота. Пропал без вести в октябре 1942 г.^{331}».

Как известно данный полк, где служил рядовой Зыков, входил в состав 2-й гвардейской Таманской Краснознамённой стрелковой дивизии. В январе 1942 г. дивизию после пополнения перебросили в район Ростова-на-Дону и до декабря 1942 г. она участвовала в оборонительных операциях в ходе битвы за Кавказ^[332].

Теперь, я думаю, не сложно составить портрет человека, чья лепта в идеологию Русского освободительного движения была колоссальной.

Приступая к созданию так называемого «своего штаба», Власов вместе со Штрик-Штрикфельдтом посетили ряд лагерей военнопленных в ближайших окрестностях Берлина.

Вильфрид Карлович вспоминал:

«При наших посещениях лагерей военнопленных мы видели, что настроение было подавленное. Советские генералы в большинстве своём становились просоветскими, вернее, стали думать в отчётливо национально-русских категориях. Во всяком случае, враждебность к немцам росла. Разочарованы и озлоблены были и те офицеры, которые, попав в плен, ещё год назад были готовы бороться против коммунистической диктатуры на стороне немцев.

Власов ездил из лагеря в лагерь и спрашивал, спрашивал. Лишь немногие генералы сами узнавали Власова. Остальным он скромно называл своё имя. Свои разговоры с пленными товарищами он обычно начинал со слов о долге помочь, по добровольному решению, страдающим соотечественникам. При этом он подчёркивал, что это служение народу становится тем более высшим долгом бывших советских штаб-офицеров, что национал-социалисты следят за всем с недоверием и стараются подавить каждое проявление этого осознанного долга. В такой тяжёлой обстановке надо помогать друг другу и быть примером. Это были простые и в то же время необычные слова, и они производили впечатление».

В Берлинском лагере, так называемом «штабе Власова», при отделе пропаганды состоялось знакомство Власова с генералом Малышкиным, который пошёл на сотрудничество якобы после заверений Власова, что он не получает от немцев никаких субсидий:

— Я — русский, один из миллионов пленных. Я не изменник, что бы Сталин ни говорил о военнопленных. Я люблю свой народ и хочу ему служить. Я могу это делать, только выступая за свободу и благополучие каждого. Пока что я больше ничего не могу. Я могу достичь каких-то успехов в борьбе за улучшение положения в лагерях военнопленных, если я твёрдо встану на защиту свободы и человеческого достоинства русского человека. Я не немецкий наёмник! Многие немецкие офицеры искренне хотят помочь русским людям. Они предложили мне поддержку. Я решил сотрудничать с ними. Будущее покажет, что надо делать дальше.

Итак, Малышкин Василий Фёдорович, родился в 1896 г., русский, из

служащих. С 1908 по 1916 г. учился в гимназии. В 1916 г. — рядовой запасного пехотного полка. В 1917 г. учился в Чугуевском военном училище. Прапорщик. Участник Гражданской войны. В 1918 г. дважды ранен. Награждён орденами Красного Знамени и «Знак Почёта». Член ВКП(б) с 1919 г. В РККА — с апреля 1918 г.

Командир роты, батальона и помощник командира полка. До 1924 г. командир ряда стрелковых полков. Учился в Военной академии РККА, по окончании которой был назначен начальником штаба дивизии в Могилёве. В октябре 1930 г. — начальник штаба курсов усовершенствования комсостава «Выстрел».

С ноября 1931 г. — начальник сектора управлений военно-учебных заведений. С декабря 1933 г. — начальник пехотной школы в Киеве. В мае 1935 г. назначен военным комиссаром и командиром 99-й стрелковой дивизии.

С декабря 1936 г. — заместитель начальника штаба ЗабВО. С августа 1937 г. — начальник штаба 57-го особого корпуса в Улан-Удэ.

9 августа 1938 г. арестован как «враг народа». На следствии признал себя виновным, но на заседании суда от своих показаний отказался. Реабилитирован в декабре 1939 г. и назначен старшим преподавателем в Академию Генерального штаба. С 12 июля 1941 г. комбриг Малышкин — начальник штаба 19-й армии Западного фронта. В октябре ему было присвоено звание «генерал-майор». 24 октября в окружении под Вязьмой, во время ночёвки у костра, взят в плен. В этот момент был одет в гражданскую одежду и представился рядовым. В лагере военнопленных под Вязьмой он был опознан и выдан одним из сотрудников штаба.

Находился в лагерях под Смоленском, в Фюрстенберге на Одере. В плену голодал, перенёс дизентерию и тиф, испытал на себе жестокое обращение немцев.

Работать с Власовым согласился и генерал Благовещенский.

Благовещенский Иван Алексеевич родился в 1893 г., русский, из семьи священника. В 1914 г. окончил Виленское пехотное училище. Участвовал в Первой мировой — штабс-капитан. Участник Гражданской войны. Член ВКП(б) с 1921 г. В РККА — с 1918 г.

В 1924–1926 гг. помощник начальника курса Военно-морского училища им. Фрунзе. С 1926 г. — начальник курса. С 1929 г. — начальник строевого отдела Военно-морского училища им. Дзержинского. С 1931 г. — преподаватель Военно-морского училища связи. В мае 1934 г. окончил вечернее отделение Военной академии им. Фрунзе. 2 декабря 1935 г. присвоено звание «майор». С 1936 г. — начальник штаба Южно-

Кавказского УРа Черноморского флота, с 1938 г. — начальник курсов усовершенствования командного состава запаса Черноморского флота. 4 марта 1938 г. присвоено звание «полковник».

10 июня 1939 г. награждён орденом Красного Знамени, а 3 ноября присвоено воинское звание «комбриг».

С 1939 по 1940 г. — начальник учебно-строевого отдела штаба учебного отряда подводного плавания в Ленинградском ВМУ им. Кирова. В 1940–1941 гг. — начальник курсов подготовки начсостава. В апреле 1941 г. назначен начальником училища ПВО ВМФ в Либаве. 21 мая присвоено воинское звание «генерал-майор береговой службы». В конце июня — начальник обороны северо-восточного участка блокированной Либавы.

6 июля при попытке выйти из окружения взят в плен. Доставлен в Шяуляй, а затем этапирован в Тильзитский лагерь военнопленных. С конца июля содержался в Офлаге XIII-D в Хаммельбурге. Пошёл на сотрудничество с немцами добровольно. Подписал обращение к германскому командованию о создании боевых частей из военнопленных. В ноябре 1941 г. вступил в «Русскую трудовую народную партию» и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда.

25 мая 1945 г. следователь спросил Власова:

«Стало быть, вы вступили на путь вооружённой борьбы против советской власти?»

Власов: Да, по предложению Штрикфельдта я написал антисоветскую листовку, в которой указал, что война проиграна Россией из-за неумелого руководства со стороны советского правительства, которое не способно руководить страной, и призывал русский народ свергнуть это правительство. В октябре 1942 г. немцы предложили мне выехать в Берлин.

Следователь: Для чего?

Власов: Для того, чтобы иметь возможность встретиться с находившимися в плену генералами Красной Армии и использовать их для антисоветской работы, о чём в своё время я просил Хильгера. В Берлине я был помещён в лагерь при отделе пропаганды вооружённых сил Германии. В этом же лагере находились генералы Малышкин и Благовещенский, а также бывший сотрудник редакции газеты «Известия» — Зыков.

Им я рассказал о своём намерении начать борьбу против большевиков. Создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооружённой борьбы с советской властью.

Малышкин, Благовещенский и Зыков поддержали меня и высказали

свою готовность принять участие в борьбе против советской власти, причём Зыков заявил, что он уже ведёт антисоветскую работу, сотрудничая в издаваемой немцами для советских военнопленных газете «Заря»...»

В декабре 1942 г. капитан Штрик-Штрикфельдт организовал встречу Власова в отделе пропаганды с генерал-лейтенантом Понеделиным — бывшим командующим 12-й армией. На предложение Власова принять участие в работе по созданию русской добровольческой армии Понеделин наотрез отказался. Он заявил, что немцы только обещают сформировать русские части, а на самом же деле им нужно только имя, которое они могли бы использовать в целях пропаганды.

Следующая встреча была с генерал-майором Снеговым — бывшим командиром 8-го стрелкового корпуса. Он также отказался, но по другим мотивам. Снегов боялся за судьбу своих родственников, проживающих в Советском Союзе.

Была и ещё одна встреча. Штрик-Штрикфельдт отвёз Власова в один из лагерей под Берлином, где Власов встретился с генерал-лейтенантом Лукиным — бывшим командующим 19-й армией, у которого после ранения была ампутирована нога и не действовала правая рука.

Власов рассказывал следователю: «В присутствии немцев Лукин высказался враждебно по отношению к советскому правительству, однако после того, как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и моё предложение не принял»^[333].

После «Смоленского воззвания», а точнее, очередной и самой обыкновенной пропагандистской немецкой листовки (тираж несколько миллионов экземпляров) Власов посетил Дабендорф, где были открыты курсы по подготовке пропагандистов для работы среди военнопленных.

Русским руководителем учебной части Власов назначил сперва генерала Благовещенского, но вскоре заменил его более энергичным Трухиным.

Иван Алексеевич Трухин родился в 1896 г., в Костроме, из дворян, русский. В 1906 г. окончил начальную школу, в 1914 г. — 2-ю Костромскую гимназию, в 1916 г. первые два курса юридического факультета МГУ и 2-ю Московскую школу прапорщиков. Беспартийный. В РККА — с 1918 г. Участник Гражданской войны: командир отделения, командир роты. С июля 1920 г. — командир батальона, а в октябре назначен командиром стрелкового полка. С января 1921 г. снова командир батальона, затем в отпуске по болезни. С августа 1921 г. — командир роты на Костромских пехотных курсах. В сентябре 1922 г. зачислен слушателем в Военную

академию РККА. В 1924 г. награждён орденом Красного Знамени. По окончании академии в августе 1925 г. назначен начальником штаба и исполняющим должность командира 133-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии УВО. С сентября 1926 г. — начальник штаба 7-й стрелковой дивизии. В январе 1931 г. назначен начальником штаба 12-го стрелкового корпуса ПриВО. С февраля 1932 г. преподаватель в Военной академии им. Фрунзе, а с апреля 1934 г. — начальник кафедры методики боевой подготовки. В 1935 г. — полковник. В октябре 1936 г. — слушатель Академии Генштаба. В октябре 1937 г. — старший руководитель курса, с ноября 1939 г. — старший преподаватель кафедры оперативного искусства. В 1940 г. ему присвоено воинское звание «генерал-майор». С августа — заместитель начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА.

28 января 1941 г. — начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба ПриВО, с 28 июня — заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта. 27 июня ранен и захвачен в плен. 30 июня доставлен в сборный лагерь в Шталуленен, а затем в Офлаг XIII-D в Хаммельбург. В октябре дал письменное согласие на борьбу с советской властью, вступил в РТНП...

Вместе с Трухиным в Дабендорф прибыли и представители Национально-трудового союза (НТС). Началась совместная работа эмигрантов с бывшими советскими гражданами^{334}.

После получения согласия от фельдмаршала фон Клюге Власова стали готовить к поездке на средний участок фронта. Инициатором этой акции стало Восточное министерство. Удивительно, но только теперь, после воззвания (листовки) «Русского комитета» и поражения Германии под Сталинградом, особенно резко встал вопрос об укреплении фронта и обеспечении безопасности тыла. Для сопровождения Власова выделили офицера штаба генерала фон Шенкендорфа, подполковника Шубута и капитана Петерсона.

Итак, Белосток — Минск — Смоленск. Подготовку поездки взял на себя отдел пропаганды штаба группы армий «Центр», возглавляемый майором Костом. Майор даже добился разрешения в штабе группы, чтобы Власову была предоставлена радиостанция в Бобруйске для обращения к населению. Но ОКВ запретило это радиообращение. Тем не менее руководитель радиостанции объявил, что в данный момент в радиостудии находится почётный гость: «Генерал Власов совершает инспекционную поездку по освобождённым областям и передаёт свои лучшие пожелания всем искренним русским патриотам...»

А вот как об этой поездке рассказывал следователю сам Власов:

«Я в сопровождении представителя отдела пропаганды германской армии подполковника Шубута и капитана Петерсона выехал в Смоленск, где ознакомился с деятельностью созданных немцами из советских военнопленных батальонов пропаганды и добровольческого отряда.

Там же, в Смоленске, по инициативе городского самоуправления мне была устроена встреча с представителями местной интеллигенции. Я выступил с сообщением о создании «Русского комитета» и переговорах, которые ведутся с немецким командованием, о формировании русских вооружённых сил для борьбы против советской власти».

Была и вторая поездка на северный фронт:

«В том же, 1943 г., я посетил Псков, где осмотрел батальон добровольческих войск и был на приёме у командования германскими войсками, действовавшими под Ленинградом, генерал-фельдмаршала Буша, который попросил меня рассказать на собрании германских офицеров о целях и задачах «Русского комитета». Выступая на этом собрании, я заявил, что «Русский комитет» ведёт активную борьбу против советской власти и что немцы без помощи русских уничтожить большевизм не смогут. Моё выступление явно не понравилось генерал-фельдмаршалу Бушу.

Возвращаясь в Берлин, я остановился в Риге и выступил с антисоветским докладом перед русской интеллигенцией города, а также имел беседу с проживавшим в Риге митрополитом Сергием.

Встреча с митрополитом Сергием мне была организована немецким офицером, который ведал пропагандой в Риге, с целью установления контакта с русской православной церковью и использования духовенства для совместной борьбы с советской властью...»

Во вторую поездку Власов поехал по приглашению фельдмаршала фон Кюхлера и генерала Линдемана. Она состоялась с середины апреля до начала мая 1943 г.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, эта поездка была полным личным триумфом Власова, но в то же время она нанесла их движению страшный удар...

Однажды после выступления Власова в театре Смоленска к нему подошёл заместитель германского начальника Смоленского района Никитин и начал спрашивать: правда ли, что немцы собираются делать из России колонию, а из русского народа рабочий скот? Правы ли те, кто говорит, что лучше жить в плохом большевистском СССР, чем под немецким кнутом? Почему до сих пор никто не сказал, что будет с нашей родиной после войны? Почему немцы не разрешают русского

самоуправления в занятых областях?

Что мог ответить ему Власов, если он и сам не всё понимал. После нескольких секунд раздумий следовали общие слова, общие фразы: «Уже одно моё выступление в этом театре доказывает, что немцы начинают понимать настроения и проблемы русских. Недоверие привело ко многим и тяжёлым ошибкам. Теперь эти ошибки признаются немцами... Свернуть большевизм, к сожалению, можно только с помощью немцев. Принять эту помощь — не измена... Чтобы добиться от немцев того, что должно было быть сделано уже давно, мне нужны доверие и помощь народа».

Власов лгал не только людям, но и самому себе, отвечая на конкретные вопросы, в общем. Так, его спросили: «Господин генерал, почему после воззвания Смоленского комитета ничего не слышно об этом комитете и о вас лично?»

— Россия велика. Словечко «Смоленский» на листовке вы не должны принимать буквально. Но вы же знаете, как было под Сталиным. А обо мне вы скоро будете слышать больше и чаще. Ведь мы только начинаем, — это всё, что мог сказать Власов.

Никакого триумфа у него и быть не могло. Это был триумф капитана Штрик-Штрикфельдта и его начальников, а также всей немецкой пропаганды ОКВ. Сделано было немало. А как благодарят собаку за её верную службу? Ей бросают кусок мяса.

Отблагодарили и Власова: из Дабендорфа, лежащего вне Берлина и находившегося на положении лагеря с установленным распорядком жизни, перевели в скромную виллу на Кибицвег в одном из районов Берлина — Далеме. Здесь он поселился вместе с двумя главными помощниками — Малышкиным и Жиленковым, под охраной русской команды^[335].

Жиленков Георгий Николаевич родился в 1900 г. в Воронеже. Русский. Из крестьян. Член ВКП(б) с 1929 г. С 1925 по 1929 г. работал подручным слесаря и слесарем. С августа 1929 г. на комсомольской работе. С февраля 1930 г. — заведующий производственным сектором Воронежского ОК ВЛКСМ. В 1931 г. закончил индустриально-технический техникум в Москве. С октября 1931 г. по февраль 1934 г. — ответственный секретарь партийного комитета техникума. С февраля по июнь 1938 г. — директор ФЗУ завода «Калибр», затем секретарь парткома этого завода. С января 1940 г. — 2-й секретарь Ростокинского РК ВКП(б) Москвы. 16 апреля 1939 г. награждён орденом Трудового Красного Знамени. В июне 1941 г. член Военного совета 32-й армии, бригадный комиссар. 14 октября взят в плен под Вязьмой. Скрыл должность, звание и фамилию. До мая 1942 г. служил шофёром в транспортной колонне 252-й пехотной дивизии вермахта под

фамилией Максимов. 23 мая выдан лесником гжатского лесничества и арестован. На допросах дал правдивые показания и заявил желание бороться против советской власти. Переведён в Берлин в отдел пропаганды особого назначения, где находился до августа^{336}.

После своего возвращения Власов со своими сподвижниками разработал план операции по захвату ещё не занятой германской армией полосы между бывшими царскими летними резиденциями Ораниенбаумом и Петергофом, а также по овладению Кронштадтом. Власов, по воспоминаниям Вильфрида Карловича, предлагал провести эту операцию сам с русскими добровольцами в составе двух дивизий. Его целью было удержать за собой Ораниенбаум и Кронштадт. Пока доклады об этом через генерала Гелена пошли наверх, готовилась пропагандистская акция под кодовым названием «Просвет». Задача этой акции заключалась в распространении по ту сторону Восточного фронта информации о том, что против советских войск стоят не только немцы, но и их борющиеся за свободную Россию бывшие боевые товарищи, и что при переходе на немецкую сторону их будут рассматривать не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах русской национальной части, если они того захотят, или же они смогут мирно работать.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «Гелен возлагал большие надежды на эту операцию, при условии, что она будет проводиться в сотрудничестве с Власовым и в связи с освободительным движением. Санкции на это у него ещё не было. Но уже было дано согласие на то, чтобы придать каждой фронтовой дивизии вермахта специальные группы русских, состоящие из пяти офицеров и пятнадцати иных чинов. Эти русские группы должны были пройти в Дабендорфе краткосрочные курсы, чтобы к концу апреля было подготовлено полторы тысячи человек. Их должны были прислать на Дабендорфские курсы из существующих добровольческих частей при генерале восточных войск. Авторы проекта надеялись, что специальные группы в результате переходов красноармейцев вскоре вырастут до батальонов или даже до полков».

Но случилось так, что фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении Власову какой бы то ни было политической деятельности, вследствие его «наглых» высказываний во время поездки в группу армий «Север».

А.А. Власов: «После возвращения из поездки я имел в городе Летцене встречу с командующим добровольческими частями генерал-лейтенантом Хельмигом.

Хельмиг предложил мне остаться у него в штабе и помогать ему

руководить сформированными русскими частями. Я отказался от этого предложения, заявив Хельмигу, что до тех пор, пока русские военнопленные будут находиться на службе в немецких частях, они воевать против большевиков как следует не будут. Я просил Хельмига всю работу по созданию русских частей передать мне, с тем чтобы сформировать из них несколько дивизий, подчинив их «Русскому комитету».

Не договорившись с Хельмигом, я возвратился в Берлин и от Штрикфельдта узнал, что о моём выступлении у фельдмаршала Буша стало известно Гиммлеру.

Гиммлер на одном из узких совещаний высших начальников германской армии заявил, что отдел пропаганды вооружённых сил Германии возится с каким-то военнопленным генералом и позволяет ему выступать перед офицерским составом с такими заявлениями, которые подрывают уверенность у немцев в том, что они одни могут разбить Советский Союз.

Гиммлер предложил прекратить такую пропаганду и использовать только тех военнопленных, которые заявляют о своём согласии служить в немецкой армии.

После этого выступления Гиммлера я некоторый период не проявлял активности и до 1944 г. никуда из Берлина не выезжал...»

Следовательно, срывалась и акция «Просвет», так как она планировалась при участии Власова. Однако немцы провели её без него {337}.

Главная же причина в снижении активности Власова заключалась, прежде всего, в твёрдом решении Гитлера относительно использования советского предателя, о чём говорит документ, подписанный начальником штаба вооружённых сил Кейтелем (1 июля 1944 г.):

«1. Начальник отдела пропаганды вооружённых сил доложил мне в Берлине о совершённой им по моему приказанию фронтовой поездке (Восточный фронт).

Согласно его сообщению, власовская пропаганда и параллельно с этим развёртывание «освободительной армии» сведены к масштабам, предусмотренным фюрером, и направлены в желаемое фюрером русло.

2. Министр по делам Востока отклонил использование Власова. Фюрер согласился с доложенным мной предложением полковника фон Веделя об использовании его в целях пропаганды.

3. Сегодня я беседовал с фюрером по поводу обоих предложений, переданных полковником фон Веделем. Фюрер согласен с таким раздроблением и связанной с этим отменой великорусской идеи Власова.

4. Начальник отдела пропаганды вооружённых сил мною проинформирован».

Так советского предателя генерал-лейтенанта Власова немецкие хозяева поставили на место, напомнив ему очевидную истину: инициатива наказуема! Ведь он действительно переборщил. Но пользоваться им продолжали.

Между этими двумя поездками «родилось письмо» Власова под заглавием «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом».

Этот новый заказ был не менее важен, чем «Обращение Русского комитета», опять-таки в целях агитации и пропаганды...

Известно, что Власов рассказывал, а Зыков записывал. Затем немцы отпечатали листовки, в которых русский генерал обращается к русским и при этом как бы раскрывает свою душу^{338}.

По мнению власовцев и их сторонников, «самым серьёзным успехом в «тактике малых шагов», как называл Штрикфельдт мероприятия в поддержку власовского движения несомненно стало создание Дабендорфской школы РОА»^{339}. Примечательно, что эта школа, в сущности, являлась главной и единственной кузницей офицерских кадров РОА. Всего через Дабендорф в 1943–1945 гг. прошло от 4400 до 5000 курсантов^{340}.

Как пишет А. Огороков, «предтечей учебных структур РОА следует считать лагерь Вустрау, организованный летом 1942 г. Фактически он не имел отношения к Русской освободительной армии и к военной части РОД, однако 10 выпускников этих курсов, включая генерала Трухина, составили основной преподавательский костяк курсов пропагандистов РОА в Дабендорфе. Многие пропагандисты РОА также прошли первоначальную подготовку в указанном лагере.

Основой русской части лагеря послужил контингент военнопленных, находящихся в лагере Цитенгорст, в 5–8 км от Вустрау. До начала войны этот лагерь служил пунктом для немецких рабочих групп, нёсших трудовую повинность. В первый год войны Цитенгорст стал своего рода фильтрационным лагерем для отбора советских военнопленных в целях их подготовки для работы на оккупированных немцами территориях. Инициатором данной акции выступило Министерство пропаганды. С образованием Министерства по делам оккупированных восточных территорий работа по «перевоспитанию советских военнопленных» была передана ему (...)

Участник отборочной комиссии В.Д. Поремский вспоминает о процедуре отбора так:

«Отбор состоял из нескольких категорий — от 0 до 5. Люди с интеллектуальным уровнем ниже 3 не представляли интереса. Отбирали в основном по оценкам от 3 до 4,5. Человека, получившего 5, талантливого и который способен был сделать многое, — тоже не брали. Это было опасно. Дельвиг характеризовал таких: «хитрый, умный и может быть агентом». С такими людьми не рисковали, в списках их переводили на 0»^{341}.

«Основой постоянного состава курсов были преподаватели и выпускники курсов пропагандистов в лагере Вильхайде. Первая группа численностью 22–25 человек для обслуживания курсов была сформирована

в лагере Вульхайде и 27 февраля 1943 г. переведена в Дабендорф. В её состав входили повара, уборщики, фельдшеры, парикмахеры, сапожники, портные и т.п. и 4 руководителя учебных групп Вульхайде, включая 2 офицеров — майора Г. Пшеничного и полковника Н.С. Бушманова. По прибытии в Дабендорф группа была официально освобождена из плена и 28 февраля приведена к присяге генералом Малышкиным. Руководителем курсов был назначен генерал Благовещенский...

1-й сбор в количестве 250–300 человек прибыл на курсы в конце февраля и приступил к занятиям 1 марта 1943 г. Контингент слушателей в основном (около 70%) составили офицеры, унтер-офицеры и солдаты «восточных» частей, охранных и полицейских отрядов, находившихся на Восточном фронте.

В основу теоретического курса была положена программа апробирования в Вульхайде с дополнением тем по Русскому освободительному движению: задачи Русского освободительного движения, задачи пропагандистов РОА в частях и лагерях военнопленных; задачи печати РОД.

В программу обучения, кроме теоретической части и экскурсий по Берлину, входили строевые занятия — 6 часов в неделю и занятия по физподготовке — 3 часа в неделю.

Первый сбор, по сведениям майора Пшеничного, продолжался 3 недели и был официально закрыт 22 марта 1943 г. По выводам Пшеничного, «он не дал ощутимых результатов: прошёл наспех, курс обучения не был подготовлен, лагерь не оборудован. Курсы не сумели заинтересовать слушателей, пробудить у них интерес к занятиям».

Второй сбор составили пропагандисты, прошедшие в различное время курс обучения в Вульхайде. Продолжался он 2 недели (закончился 14 апреля).

Формально офицеры постоянного состава не были подчинены немецкому коменданту, но были обязаны приветствовать его при встрече, а при следовании с подразделениями докладывать о маршруте и цели.

Все распоряжения относительно увольнения, отпуска, командировки, банных дней и т.п. делались через коменданта или от его имени.

Курсы не имели своей печати, а подпись начальника курсов на документах признавалась только внутри курсов. Весь учёт — денежный, вещевой, продовольственный — проходил через немецкую канцелярию.

В лагере было организовано 2 офицерских казино, отдельно для немецких офицеров и для русских. Последние не имели права посещать немецкое казино. Русское казино снабжалось пищей из общего котла, для

немецкого готовили специально и завозили спиртное. На территории лагеря существовал немецкий офицерский ларёк (кантина), для русских офицеров ларька не было.

Состав курсов получал денежное содержание (верзольд — карманные деньги) — 16 марок в месяц вне зависимости от чина...

Как и предыдущий сбор, поступившие в Дабендорф принимали присягу. 40 человек из прибывших принимать присягу отказались и были возвращены в лагерь военнопленных.

К 25–26 марта 1943 г. в Дабендорф прибыла группа преподавателей из лагеря Вустрау, чтобы осуществлять учебный процесс на курсах. В группу входили: Ф.И. Трухин (старший группы), назначенный в апреле 1943 г. заместителем начальника курсов в Дабендорфе по учебной части; А.Н. Зайцев — старший преподаватель по идеологии; Н.Г. Штифанов — старший преподаватель по советскому режиму; В.А. Богомолов — преподаватель взводной группы; Дашков — преподаватель взводной группы; Г.Г. Деменков — преподаватель взводной группы; А.А. Кандауров — преподаватель взводной группы; С. Соболевский — преподаватель взводной группы; Б. Хаханин — преподаватель взводной группы; Мысиков (позже отказался от преподавательской должности в Дабендорфе и вернулся назад в лагерь).

Третий сбор состоялся в апреле — мае 1943 г. и длился 3 недели. Личный состав (около 200 человек) комплектовался из военнослужащих «восточных» батальонов, действовавших на кавказском участке фронта (в основном это были казаки). Около 50% прибывших имели высшее образование. В середине мая 1943 г. слушатели разъехались по своим частям. Примерно с этого времени курсы пропагандистов в Дабендорфе стали именоваться офицерской школой РОА.

Четвёртый сбор состоялся в конце мая 1943 г. По существу, это был первый нормальный сбор, на котором программа была пройдена полностью, а слушатели состояли из военнопленных. Курсанты составили 5 полностью укомплектованных рот: 1-я и 2-я — офицерские, остальные унтер-офицерские и солдатские, численность — по 100–150 человек в каждой...

Срок обучения 4-го сбора составил 6 недель.

Программа курсов включала 3 раздела:

1-й раздел. Германия:

Исторический очерк развития Германии (до Версаля); история национал-социалистического движения; основы национал-социализма; еврейский вопрос; государственное и общественное устройство в

Германии; рабочий вопрос в Германии; сельское хозяйство в Германии; социальная помощь в Германии; семья и воспитание молодёжи в Германии.

2-й раздел. Россия и большевизм:

Краткое знакомство с многовековой историей русского народа и развитием его государственности; идеологический гнёт в СССР; земельная политика советской власти; рабочий вопрос и стахановщина; советская интеллигенция и культура; семья, молодёжь, воспитание и образование в СССР; борьба власти с населением; экономическая политика советской власти; внешняя политика СССР; еврейство в России; Россия под властью большевиков; Англия — исторический враг России; русский народ и германский народ; СССР и Германия.

3-й раздел. Русское освободительное движение:

Основы Русского освободительного движения.

Темы 1–4, 10–15, 24–28 преподавались в форме лекций; 5–9, 16–23 — в форме семинаров с коллективным обсуждением и выступлением слушателей.

10 июля 1943 г. четвёртый сбор был официально завершён. Часть выпускников была назначена во Францию, Италию, Бельгию, Данию, Чехию, Австрию и другие места, где дислоцировались восточные батальоны.

Описывая состав 8-го (4-го) курса, бывший лейтенант Красной Армии Смирнов, обучавшийся на курсах, отмечал, что на основе анкет, с которыми ему удалось ознакомиться (согласно графе «обижен или не обижен советской властью»), слушателей можно было разделить на 3 категории: первая — около 60% — лица, которые подвергались репрессиям в 1937–1938 гг. или были осуждены в первые годы войны; вторая — 20% — это лица, занявшие выжидательную позицию, которые не участвуют в каких-либо активных акциях; третья категория — 20% — это «бывшие большевики». К их числу он относил группу «старых» пропагандистов, посаженных 30 августа «за проволоку», так как они вели патриотическую пропаганду. Среди арестованных были Боженко, лейтенанты Иванов, Фирс, Жуков и др.

Говоря о настроениях слушателей, Смирнов отмечает, что к указанному периоду стало нарастать недоверие к немцам, появились сомнения относительно реальности создания при их содействии Русского освободительного движения.

В задачу выпускников входила пропагандная работа в добровольческих частях, информирование о моральном состоянии личного состава соответствующих немецких инстанций и руководства РОА.

Последнее выполнялось в секретном порядке (...)

О распределении пропагандистов, окончивших 4-й курс, сообщил упоминавшийся уже лейтенант Смирнов. Согласно его показаниям, датированным 4 ноября 1943 г., 40–50 выпускников было направлено в части РОА в г. Орёл, 25 человек — в лагеря военнопленных в Норвегию, 20 человек — в лагеря военнопленных в Австрию, 20 человек — в лагеря военнопленных в Латвию, Литву и Эстонию. Часть направили на Украину и в лагеря военнопленных, находящиеся в Германии. Около 50% выпускников курса были отправлены для работы среди гражданского населения»^{342}.

Благодаря этой школе одновременно при немецких дивизиях были созданы группы русских пропагандистов в составе 5 офицеров и 15 унтер-офицеров и рядовых — так называемые «группы перехвата», которые должны были вести через линию фронта агитацию за переход красноармейцев на сторону РОА.

В пунктах сбора военнопленных и в пересыльных лагерях создавались «русские подразделения обслуживания» в составе 1 офицера, 4 унтер-офицеров и 20 рядовых РОА каждое.

О работе таких вот пропагандистов очень интересно рассказал бывший военнопленный, написавший о годах в немецкой неволе очень честную книгу, Ю.В. Владимиров:

«После обеда я надумал полежать, но это не удалось: в барак неожиданно пригнали около 50 пленных из соседних барачков, из-за чего стало очень тесно. Многим пришедшим пришлось стоять в проходах между нарами. Вслед появились немецкий офицер в звании капитана, пожилой мужчина в гражданской одежде и молодой человек в немецком офицерском пехотном обмундировании, но с «русскими» знаками отличия. За ними вошли старший полицаи, как всегда, с нагайкой, и средних лет военнопленный. Все они уселись на стульях и скамейках, после чего старший по барачку предоставил слово пришедшему военнопленному. Он оказался руководителем группы агитаторов. Этот руководитель объявил негромким голосом об открытии собрания военнопленных блока IV и предоставил собравшимся пришедших «высоких» лиц из Особой команды. В начале своей речи он сказал, что вчера день на нашей многострадальной Родине считался великим праздником Октябрьской революции. Она должна была, по замыслу её организаторов — Ленина и Троцкого — принести народу мир, социализм, свободу и жизнь в достатке. Земля должна была принадлежать крестьянам, а заводы и фабрики — рабочим. Далее оратор отметил, что всего этого не случилось. Сталин повёл страну совсем не так,

как предполагал Ленин. Сталин выгнал из страны и уничтожил Троцкого, установил в государстве жестокий диктаторский режим, расстрелял почти всех соратников Ленина, отнял у крестьян полученную ими после революции землю, загнав их в колхозы и совхозы, довёл до голодной смерти население в Поволжье и на Украине, вернул крепостное право. Он первым начал войну с Германией, из-за чего и мы, собравшиеся здесь, мучаемся в плену, а наши товарищи на фронтах гибнут массами и истекают кровью. В тылу терпит великие муки гражданское население. Необходимо избавить Родину от Сталина и его приспешников. И это мы можем сделать лишь с помощью Германских вооружённых сил, которые уже близки к победе. После победы мы договоримся с руководством Германии о дальнейшем устройстве нашего государства, следуя принципам, которых придерживался Ленин. Поэтому в данное время нашей первоочередной задачей является всяческая поддержка усилий Германии в борьбе с ненавистным всему народу сталинским режимом. Для этого желательно, чтобы мы вступили в создаваемую генералом А.А. Власовым Русскую освободительную армию (РОА), либо в национальные или немецкие подразделения. Всех желающих сделать это оратор пригласил заходить к нему для записи по рабочим дням.

Многих слушателей, включая и меня, будущее нашей страны, которое можно было представить себе из выслушанной речи, вполне устраивало, и за это вроде стоило бороться с оружием в руках. Позже мой знакомый повар сказал, что подобного рода речами Особая команда лагеря обманывает военнопленных, чтобы легче было вербовать их в антисоветские войсковые формирования. И, между прочим, несколько пленных в лагере, то ли поддавшись этой агитации, то ли своему убеждению или из-за невозможности выносить голод и другие мучения, подали тайком от своих товарищей заявление о зачислении их в РОА. После этого их скоро уводили и незаметно для других пленных увозили из лагеря»^{343}.

Что ж, голод не тётка, а уж в немецких лагерях голод нередко превращал советских военнопленных в животных, и если кто ломался на голоде, то он не мог не знать, что в Дабендорфе курсанты получали паёк немецких военных частей второго разряда, на ступень выше, чем им полагалось. Потому что второй разряд был предназначен для частей на фронте; первый для частей на передовой боевой линии, а третий частям в Германии^{344}. А чем ещё можно было заставить человека встать на путь предательства?

И всё же, курсы в Дабендорфе были созданы немцами как курсы пропагандистов РОА. Никакой другой цели у них не было, да и быть не могло. Сегодня можно говорить по этому поводу всё что угодно, однако трудно не согласиться с мнением А. Окорокова, который делает в своей книге довольно точный и ёмкий вывод:

«К слову сказать, «массовость антибольшевистского лагеря» являлась внутренним оправданием для многих бойцов Красной Армии, взятых в плен и решивших сотрудничать с немцами. Ведь никакие политические мотивы, ненависть лично к Сталину или число в советском руководстве «кагановичей и мехлисов» не могли полностью вытравить из подсознания мысли о сотрудничестве с врагом в период внешней опасности для страны, в которой ты родился. Особенно у людей, прошедших ужасы немецких лагерей для военнопленных и на себе познавших сущность «миролюбивой политики» Германии»^[345].

После того как Гитлер запретил Власову проявлять всякую активность и уточнил, что он «не нуждается во Власове в тылу фронта», генерал Гелен однажды задал Штрик-Штрикфельдту вопрос:

— Как будет реагировать Власов?

— Я должен переговорить с ним открыто. Это принципиальное и, может быть, окончательное решение, которое выбивает почву из-под соглашения, заключённого между мною и Власовым.

— Фюреру Власов не нужен, но нам всем он очень и очень нужен. Скажите ему это, — заключил Гелен.

Известно, что Власов был потрясён и подавлен. А что, собственно, ему оставалось делать?

Вильфрид Карлович передал ему слова генерала, а больше сказать ему было нечего.

Ещё в апреле Власов был уверен в успехе. Его поездки на Восточный фронт были чем-то новым. Ему выдали военный билет и поставили на довольствие, а 23-го наградили медалью «за отвагу» для граждан восточных народов 2-го класса...

Гораздо серьёзнее Власова пострадал Малышкин. Выступая на собрании русских эмигрантов в Париже, он попытался доказать необходимость объединения всех русских формирований под руководством Власова и соответственно высказал отрицательное отношение к деятельности созданного немцами казачьего управления. Сразу же после выступления Малышкина арестовали и в сопровождении немецкого офицера доставили в Берлин.

Власов: «В июле 1943 г. генерал белой армии Краснов заключил договор с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и Розенбергом в том, что казаки обязуются бороться на стороне немецкой армии против советских войск, за что германское правительство предоставит им казачьи земли на Востоке и места для поселения в других странах Европы. К концу 1943 г. немцы, выселив из ряда районов Северной Италии местных жителей, организовали там казачьи поселения. Выступление же Малышкина шло вразрез с политикой германского правительства, что и привело к его аресту. По моему ходатайству Малышкин вскоре немцами из-под стражи был освобождён».

Однако бездеятельность Власова не была таковой в полном смысле

этого слова. Не было только освободительного движения. Сначала Власова вывезли в Магдебург, где он познакомился с условиями жизни и работы немецких промышленных рабочих. Следующие поездки были также ознакомительного характера. Власова повезли в Вену. Там он осмотрел достопримечательности старого имперского города и его изумительные окрестности. В программу вошли венская опера, бега, осмотр промышленных предприятий и посещение школы испанской верховой езды в одном из поместий. В Мюнхене, при входе в отель, Власов в киоске увидел журнал «Унтерменш» («Недочеловек»), тот самый, что изображал русских как преступников и кретинов. Чтобы не портить поездку, жена организовавшего её писателя госпожа Двингер тут же скупилла все имеющиеся экземпляры этого бульварного листка, но через час, когда все выходили из отеля, на том же самом месте вновь увидели пятьдесят экземпляров «Унтерменша».

Путешествуя по Баварии, Власов имел возможность заходить в крестьянские дворы, видеть их чистоту, опрятность, благосостояние. Ему показывали стада на пастбищах, шкафы и комоды крестьян, их одежду, обувь, шерстяные одеяла и фарфоровую посуду. Во Франкфурте-на-Майне Власов бродил по старым, узким улочкам.

После возвращения из поездки Власов сказал Штрик-Штрикфельдту:

— Вот видите! Эта война может быть выиграна только теми, кто способен принести лучший порядок. Нацисты должны были бы это знать: они пришли к власти в Германии в час её нужды, потому что обещали лучший порядок, и сначала у них было искреннее желание выполнить своё обещание. Поэтому мне трудно понять, как те же самые национал-социалисты отказались от своих собственных принципов. Высшая миссия не должна быть эгоистичной. Но вы, немцы, не только эгоистичны, вы хотите отнять у нас нашу землю и наши богатства. И поэтому вы проиграете войну.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, «по возвращении из поездок по Германии обнаружилось, что положение Власова, вопреки всем неудачам и враждебности «сверху», стало более прочным, чем нам казалось возможным. Без сомнения, это было следствием выдвигания его как пропагандной фигуры после запрета Кейтелем его активной политической деятельности и отказа Гитлера от создания национальной русской армии. Личность Власова, в двойственном свете противоречивых указаний различных ведомств, начала настолько заинтересовывать, что скачкообразно стало расти число лиц, искавших с ним контакта».

С Власовым действительно искали контакты представители различных

кругов немецкой и русской общественности из Германии и с оккупированных территорий. И если Вильфрид Карлович считал, что этому немало способствовала и разъяснительная деятельность его ближайших сотрудников, и работа Дабендорфа, то, судя по фактам, здесь главную и решающую роль сыграла скорее германская военная пропагандистская машина генерала Гелена.

К Власову устремился поток посетителей: немцев и русских. Если к первым относились его «старые» знакомые из германских офицеров, знавших его с 1942 г. (плена), или же «новые» знакомые, интересовавшиеся им и представляемым им «русским освободительным движением»; представители прессы; представители хозяйственных кругов, то ко вторым — представители русской эмиграции; офицеры с фронта; представители русского православного духовенства.

Наиболее сложно складывались отношения с эмигрантами. Старые эмигранты, в том числе казаки под командованием генерала Краснова, не принимали «красного генерала» как руководителя всего движения.

Бывший политработник и бригадный комиссар Жиленков говорил: «Если мы не двигаемся с места, действуя через армейцев, мы должны пробиваться через политиков или же через партийцев».

Зыков лишь добавлял: «Мы должны бороться на всех возможных фронтах»^{346}.

Однако «борьба» была скорее похожа на пассивное ожидание...

Офицер связи от СА при Власове Сергей Фрёлих так опишет быт и будни самого главного советского предателя периода Великой Отечественной войны:

«Уже летом 1943 г. генерал Власов мог поселиться в достойном его помещении в Берлине-Далеме. Штрикфельдту удалось добиться предоставления Власову пустовавшей виллы на Кибицвег, № 9. Эта вилла соответствовала дому чиновника. Узкий палисадник отделял её от улицы, а с задней стороны имелся участок размером в тысячу квадратных метров. В первом этаже было две комнаты, одну из которых с видом на сад превратили в рабочий кабинет генерала, а вторую, выходящую на улицу, скромно меблировали как гостиную и столовую. На втором этаже были три спальни для генерала Власова, его заместителя генерала Малышкина и для адъютантов обоих генералов. Погреб был отделан. В нём была кухня и помещения для денщиков генералов, повара и трёх студентов-рижан...

Все мы получали продовольственные карточки и пропитание из полевой кухни в Дабендорфе. Организованная служба курьеров доставляла продовольствие, которое приготавливалось поваром на Кибицвег. Генералы

получали месячное жалованье по военной табели — по 70 рейхсмарок, а остальные офицеры — по 30 марок. Жизненные условия были, конечно, скромными, но ценились из-за относительной свободы и, особенно, полной взаимного доверия атмосферы, царившей в доме (...)

Дневной распорядок был неравномерен. Утром генерал Власов чаще всего гулял по саду. Потом слушал доклады и сидел перед военными картами. Ежедневная сводка Ставки сразу же переводилась на русский язык. Кроме того, слушались иностранные, бывшие под строжайшим запретом, передачи. В общем, обычный порядок дня усложнялся обильными возлияниями в любое время, но особенно по вечерам при игре в преферанс, одной из самых популярных карточных игр в России, похожей на бридж. Когда я не хотел пить, Власов каждый раз говорил: «Как ты больше не хочешь! Ты обязан пить за наше дело...»

Атмосфера в доме была своего рода смесью конспирации, домашнего уюта и ожидания. Власов всё время ожидал, что что-то должно произойти. Но ничего не происходило»^{347}.

Возможно, поэтому Андрей Андреевич иногда начинал капризничать:

«Всё чаще Власов высказывал свои сомнения по поводу поведения немцев. «Я больше не хочу этого, верните меня в лагерь военнопленных! Всё это бессмысленно. Немцы меня обманывают», — говорил он.

В этих случаях Штрик-Штрикфельдт, которого я информировал о таких настроениях генерала, был мастером убеждения. У него был дар «поговорить по душам», согласно русской поговорке. Штрикфельдт в совершенстве владел этим искусством и при этом сам был убеждён в правильности власовского начинания, как в единственном выходе из создавшегося положения... Такие чисто личные отношения Штрикфельдт создавал и с другими русскими генералами, которые к нам присоединились»^{348}.

А вот как «вождь» Русского освободительного движения принимал ходяков:

«Уголовник, некий Пастернак, приговорённый к смерти в Советском Союзе за разбой, принял заказ убить Власова. За это ему обещали помилование. Этому человека в Советском Союзе соответствующе подготовили пропагандой. Там ему говорили, что Власов изменил своему народу и за деньги и роскошную жизнь продался врагам родины, немцам. Он якобы живёт в полном довольствии, любит шампанское и податливых девиц.

Этот Пастернак... стоял в один прекрасный день перед дверью нашей

виллы и позвонил. Власов сам ему открыл.

— Что вам угодно? — спросил генерал.

— Я хотел бы познакомиться с генералом Власовым!

Без всякой проверки Пастернака пригласили войти. Оба сели у стола друг против друга.

— Ну, теперь мы можем побеседовать, — сказал Власов, очевидно радуясь возможности такой беседой развеять всё время мучившую его скуку (...)

Как рассказывал Пастернак, Власов достал коробку из-под сигар, в которой лежали немецкие сигары и махорка. Ножницами он разрезал сигары на маленькие кусочки, смешал их с махоркой, скрутил себе папиросу и предложил гостю: «Скрути себе тоже!» В это время вошёл денщик с бутылкой водки и закуской — маленькими бутербродиками. Они состояли из кусочков солёных огурцов, томатов и двух кусочков хлеба.

После дружественного и откровенного разговора, в котором генерал сообщил своему гостю о своих политических взглядах и развил свои планы на будущее, советский агент был приглашён к обеду. И обед удивил его своей простотой. Он состоял из жидкого супа с капустой и жареной картошки с салатом. Это было всё»^{349}.

Как подчёркивает Фрелих, «о Власове узнали. Стали появляться женщины, делая ему разные предложения. Он им редко отказывал. Он был очень гостеприимен и приглашал всех, кто только ни приходил»^{350}.

Приводит Фрелих и один любопытный эпизод, связанный, конечно же, с женщиной:

«В один прекрасный летний день 1943 г. у входа в сад звонит звонок. Там стоит молодая женщина, скорее даже девушка, светлая блондинка с ангельским лицом, большими голубыми глазами, длинными ресницами и наивным затуманенным взором. Генерал, который как раз смотрел в окно, приказывает своим басом: «Впустить!» Девушка входит и заявляет, что она слышала, что здесь живёт генерал Власов. Она — оstarбейтер и пришла из простого любопытства — познакомиться с таким великим человеком. «Это же настоящий маленький ангел!» — заявляет полковник Кравченко. Как этот «ангел» проявил себя — вы скоро узнаете...

Очень быстро появился слух, что эта Оленька (так себя называла эта молодая женщина) собирается выйти замуж за адъютанта генерала, капитана Р. Антонова. Насколько это соответствовало истине — осталось тайной. Во всяком случае, настоящего венчания не было, но у неё были интимные отношения с Антоновым.

Весьма возможно, что она побывала и в других постелях, так как, несмотря на внешность невинного ангела, она проявляла большую любовную активность. Сразу же она стала завоёвывать домашние права, уходила и приходила по своему усмотрению, как будто бы она была одним из домочадцев. Она только разыгрывала роль жены, иногда невесты, но чаще всего была просто подругой генерала, эти роли менялись весьма часто. Её поведение в доме вызывало моё большое неудовольствие, так как вся ответственность лежала на мне. По всей вероятности, я был также единственным, который не был покорён шармом этой девицы.

Как-то раз настроение в штабе было подавленное. Надежды на признание власовского движения были слабы. Разрешение на формирование армии, казалось, откладывается на неопределённое время. В этот день попойка, в которой я не мог не участвовать, началась с раннего утра и продолжалась до позднего вечера. Я устал выше всякой меры и сказал Антонову, что не поеду ночевать в свою меблированную комнату в Берлине, и пошёл вниз в комнату дежурного по канцелярии. Там стояли рядом две кровати. Я разделся, лёг на одну из них и готов уже был заснуть, как вдруг дверь открылась, зажёгся свет, и я увидел Антонова с Оленькой. Антонов сказал: «Уже очень поздно, Оленька не может ехать домой и останется здесь. Ведь вот ещё одна кровать тут свободна, она может лечь на неё». Я был настолько удивлён, что вообще ничего не мог сказать. Антонов исчез. Оленька разделась, подошла к свободной кровати и легла под одеяло.

Несмотря на то, что мой разум был ещё под влиянием алкоголя, я сразу понял, какое создалось щекотливое положение. Я предполагал, что этот «ангел» должен был меня обворожить. Советчики считали меня оком немецкого руководства в окружении Власова, и им было известно, что на меня возложена ответственность за всё происходящее на вилле на Кибицвег. Я встал, оделся и сказал Оленьке: «Здесь в двери есть ключ. Когда я выйду, будьте добры — закройте дверь». Потом я пошёл наверх в кабинет генерала и одетым лёг на диван. Рано утром меня там обнаружил Антонов, который не мог скрыть своего удивления. А Оленька после этого меня безгранично возненавидела...»[\[351\]](#).

В своей книге, кроме всего прочего, Фрелих даёт очень точный портрет Власова и даже отмечает такие детали, на которые никто не обратил внимания:

«Выразительное лицо Власова было отмечено довольно грубыми, но волевыми характерными чертами. Говорил он глубоким басом и носил внушительные очки в роговой оправе. Власов был безупречным артистом и обладал невероятным шармом, который, однако, не был природным, а

скорее приобретённым. Как у многих русских, в нём действовал ярко выраженный инстинкт, который выручал его в неожиданных жизненных ситуациях. По существу, он был большим педантом. Любовь к порядку, связанная с энергией, объясняла — почему немцы ему импонировали. Поэтому Власов был в состоянии разрешать ряд проблем с немецкой педантичностью. При этом он не стеснялся в выборе средств и бывал по-русски деспотичен»^[352].

Первые переговоры о создании денежного фонда велись с референтом начальника Главного управления железа и стали в министерстве Шпеера Клаусом Боррьесом и членом правления Дрезденского банка Раше.

Бывший офицер, воевавший на разных участках фронта и демобилизованный по ранению Боррьес, под свою ответственность стал действовать в пользу так называемого движения Власова. Он же организовал в Берлине на Унтер-ден-Линден «Деловое сотрудничество с Востоком», во главе которого встал Раше.

Вопрос стоял о займе для Русского освободительного движения. По инициативе Боррьеса и Раше год спустя удалось организовать переговоры при участии министра финансов графа Шверин-Крозига о предоставлении освободительному движению первоначального кредита в размере полутора миллионов рейхсмарок.

Забегая вперёд, скажу, что соглашение о займе было подписано только в январе 1945 г.

Благодаря офицеру военной пропаганды Дюркенсу к власовскому движению была привлечена Мелита Видеман, главный редактор антикоммунистического журнала «Акцион». Её задачей было установление связи с офицерами войск С.С. Госпожа Видеман знакомила Власова с новыми людьми. Её усилия были направлены на привлечение отдельных людей среди бывших офицеров войск СС на сторону освободительного движения.

Хотя даже Штрик-Штрикфельдт отмечал: «Изменение расположения к нам отдельных офицеров СС происходило часто из чистейшей воды практических соображений, как это было и в вермахте».

Власова свели с Робертом Леем, другом Гитлера со времён возникновения национал-социализма, его заместителем, главным руководителем высшего партийного обучения и начальником управления кадров партии.

Интересен вопрос Лея:

«— Почему генерал, награждённый орденом Ленина и другими советскими орденами, теперь борется с большевизмом?

Власов стал что-то лепетать про период Гражданской войны и своё отношение к этому событию, но Лей был непреклонен:

— Это всё меня не интересует; то, что вы рассказываете, было давно.

Власов продолжил свой рассказ, объясняя свою карьеру и вступление в партию. Лей прервал его второй раз:

— Это тоже меня не интересует. Я знаю ваше открытое письмо, но ведь оно написано для дураков, то есть для быдла. Меня интересуют действительные причины перемены ваших взглядов.

Власов буквально обиделся, но что он хотел услышать от друга Гитлера — сострадание? Самое интересное, что Лей сказал:

— Я думаю, что этот человек рассорился со Сталиным потому, что тот его обидел.

Лей не понимал многое:

— Если бы вы, генерал, сказали мне просто, что ненавидите жидов и вы боретесь против Сталина потому, что он окружил себя жидами, я понял бы вас. Особенно если, как вы сказали, вы лично не обижены Сталиным.

Лей посчитал всё сказанное Власовым напыщенным. Власов после беседы с ним был в мрачном настроении»^[353].

Осенью 1943 г. положение на Восточном фронте стало реальным предлогом для разоружения «восточных батальонов». Были отмечены факты реального перехода их к партизанам. Когда Гитлер узнал об этом, он приказал разоружить и распустить все эти формирования, а людей — направить на работу в шахты и на фабрики.

ОКХ возражало. Генерал восточных войск Гельмих запросил все дивизии фронта и уже через несколько часов представил начальнику Генерального штаба Цейтцлеру доказательства надёжности территориальных частей. По его данным, «число так называемых перебежчиков, а также попавших в плен бойцов «восточных войск» не даёт никаких оснований к беспокойству: потери находятся примерно в тех же пределах, что и в немецких частях.

В середине октября пришло решение: разоружения не будет. Гитлер приказал, видимо остыв, все восточные формирования перевести на Запад — во Францию, Италию и Данию.

Переброска была закончена уже в январе 1944 г. Однако некоторые командиры дивизий схитрили: они перевели своих «добровольцев» на статус «хиви» и не отдали их.

В соответствии с проводимыми мероприятиями был создан командный штаб генерала «восточных войск» при командующем войсками на Западе. Большинство «восточных» батальонов было плохо вооружено и

недостаточно технически обучено для западного театра военных действий. Происходили ссоры и недоразумения, с каждым днём увеличивались трения. Командование уже ожидало мятежа, который вот-вот должен был произойти.

Предупреждая непредсказуемые последствия в отделе ОКВ/ВПр, с помощью Генштаба ОКВ пришли к мысли побудить Власова составить новое открытое письмо. Так о Власове вспомнили. Целью письма было объяснить, что «переброска на Запад лишь временна, и задача освобождения Родины остаётся в силе». Над документом пропагандистского характера работали Гроте, Дюрксен и несколько русских. Первоначальный набросок открытого письма был направлен из отдела ВПр в Генштаб ОКВ. 5 ноября 1943 г. заместитель Кейтеля в Генштабе ОКВ Йодль утверждает текст 5 ноября 1943 г.

Следом в Дабендорф пришло распоряжение командировать во Францию инспекторов, чтобы успокоить находящиеся там «восточные войска». При этом русские части находились в составе «четвёртых батальонов» в немецких частях, размещённых вдоль атлантического побережья. Они находились и в Дании, Норвегии, Италии. Также оставались «добровольцы» и на Восточном фронте. Всех их требовалось обслуживать из Дабендорфа, в том числе и газетами...

1 января 1944 г. генерал Гельмих был заменён генералом от кавалерии и бывшим германским военным атташе в Москве Кёстрингом, а наименование «генерал восточных войск» было изменено на «генерал добровольческих частей».

Через несколько недель Кёстринг вызвал Штрик-Штрикфельдта в Егерхеэ под Летценом. Разговор длился около трёх часов. Вначале, как и положено, генерал задавал капитану вопросы:

- возникновение Дабендорфа;
 - отношения с ОКВ/ВПр и с ОКХ;
 - Власов и его сотрудники;
 - перевоспитание и обучение в Дабендорфе и т.д.
- Сталин, как и Черчилль, — сказал Кёстринг, — часто резко менял курс своей политики; Гитлер же никогда не изменит своей политики в отношении России. «Фюрер» заявил раз и навсегда, что он и не помышляет предоставить народам России независимость. Поэтому Русская освободительная армия останется фикцией.

Когда же Штрик-Штрикфельдт предложил организовать генералу встречу с Власовым, тот сразу же отклонил наивное предложение:

- Власов стал пугалом для «фюрера» и господ на верхах ОКВ.

Поэтому я предпочитаю выполнять мои чисто солдатские и человеческие обязанности без связи с ним.

По поводу же популярности Власова Кёстринг вообще возразил:

— Этому я не верю. В России военные никогда не были так популярны, как в Германии. Русские думают и чувствуют иначе. А факт остаётся фактом, что Гитлер не хочет ничего слышать о Власове. И если в будущем нам придётся когда-нибудь опереться на какую-либо ведущую русскую личность, — что нужно было бы, кстати, сделать ещё в 1941 г., — то мы должны будем найти другого человека.

Старый знаток России и в этом был прав!

Когда Штрик-Штрикфельдт изложил Власову точку зрения генерала Кёстринга, тот просто отказался иметь что-либо общее с «кёстрингскими наймитами»^{354}.

Положение на Восточном фронте с каждым днём становилось угрожающим. Уже в апреле 1944-го советские войска перешли государственную границу СССР. «Власовцы» внимательно следили за обстановкой на фронтах и в самом узком кругу стали обсуждать планы действий на случай крушения Третьего рейха.

Предполагалось установить контакты с англосакскими державами и с французским движением Сопротивления. Для содействия можно было использовать НТС — эмигрантскую организацию.

Власов считал:

— В глазах американцев и англичан мы, вероятно, не «унтерменши» и не «подмастерья мясника», употребляя выражения Гимmlера, но мы — изменники, потому что боремся против правительства своей страны.

Он, как всегда, много говорил, но при этом действительно искал выход.

— Думаю, что единственный выход — всеми силами стараться сохранить и по возможности растить русскую «живую силу» до краха нацистов. Только если мы станем фактором силы, мы, вместе с чехами, поляками, югославами, благоразумными немцами и другими народами Европы, можем рассчитывать, что рано или поздно, англосаксы признают нас, — аргументировал Андрей Андреевич.

В январе 1944 г. Штрик-Штрикфельдт изложил генералу Гелену беседу с Власовым и свои мысли о крахе Германии. Он, в частности, предложил отправиться в Португалию, чтобы там установить связь со старым школьным другом, занимавшим до 1929 г. видное положение на британской службе.

— Подобные контакты немцами по разным линиям недавно уже намечены, так что надо подождать результатов, если же будет нужно, я вернусь к вашему предложению, — успокоил капитана генерал.

Весной Гроте свёл Штрик-Штрикфельдта с молодым издателем журнала СС «Чёрный корпус» Гюнтером д'Алькэном. Ему каким-то образом удалось добиться согласия Гимmlера на участие нескольких власовских офицеров в пропагандной операции СС на Восточном фронте с целью привлечения перебежчиков. Штандартенфюрер д'Алькэн руководил пропагандой СС.

Судя по всему, СС меняли свою политическую концепцию. Так наряду

с бельгийскими, голландскими и норвежскими частями СС, были созданы эстонские и латышские части. В процессе организации находились галицийские формирования, силой до дивизии. Вопрос стоял и о создании русских частей...

Готовилась акция под названием «Скорпион». СС предоставляли русским только технические возможности. Акция должна была повлиять на изменение курса на всём Восточном фронте.

Но не всё было просто для Власова.

Во-первых, до начала этой акции бесследно исчез Зыков вместе со своим адъютантом Ножиным...

Во-вторых, д'Алькэн сразу же предложил Жиленкову возглавить «движение» вместо Власова. Жиленков отказался, не желая брать на себя непосильную ношу, чем, по сути, спас своего шефа. Его могло ожидать то же самое, что и еврея Зыкова.

Таким образом, несмотря на нежелание СС сотрудничать с Власовым, другого выбора не было.

Оставался Власов. С обнародованием политических целей Русского освободительного движения появилась надежда расшатать мощь Красной Армии. Именно акция «Скорпион» была первым шагом в этом направлении. Тем более что шла речь о судьбе Третьего рейха.

По воспоминаниям Штрик-Штрикфельдта, часть руководящих эсэсовцев начала понимать критическое положение: «Меня бомбардировали телефонными звонками и просьбами об информативных встречах с разных сторон, включая промышленников и министерство Шпеера. Мне говорили: «Это очень важно и срочно. Дело идёт о том, чтобы получить информацию о «Власовском движении» из первых рук. Власову, может быть, удастся помочь. И нам тоже!»

В итоге случилось невероятное.

Власов: «10 июля 1944 г. ко мне приехал представитель отдела пропаганды вооружённых сил Германии на Востоке капитан Гроте, который предложил мне срочно поехать с ним на приём к Гиммлеру, но в связи с покушением на Гитлера, происшедшим в этот день, встреча с Гиммлером была отложена и состоялась лишь 18 сентября 1944 г.....»

Сам заговор окончательно убедил Гитлера, что он не может доверять армии. С августа 1944 г. Гиммлер стал одной из самых могущественных фигур рейха. Вследствие неудавшегося покушения на фюрера в июле 1944 г. его назначили командующим группой армий. С этого момента он имел гораздо больше титулов и должностей в рейхе: министр внутренних дел, министр здравоохранения, высший руководитель всех полицейских служб,

разведки, гражданских и военных спецслужб.

Как командующий войсками СС, он имел в своём подчинении целую армию, которая в начале 1945 г. имела в своём составе 38 дивизий, 4 бригады, 10 легионов, 10 специальных групп — командос штабных сил и 35 отдельных корпусных частей.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал:

«Вскоре мы получили более полные сведения о покушении на Гитлера и о смерти графа фон Штауфенберга. Постоянно стали известны имена офицеров, ставших жертвами нацистского режима. Это были имена тех наших друзей, которые с 1942 г. стремились к изменению политики в отношении России и к ведению войны политическими методами. У них, вероятно, были различные конечные цели, и не все из них были готовы безусловно поддерживать план Власова.

Но, несомненно, эта группа делала всё возможное в отношении Русского освободительного движения».

Это личный взгляд Вильфрида Карловича. Однако летом 1944 г. никакого освободительного движения не было и в помине. Был только русский предатель — генерал Власов, его окружение и какие-то отдельные подразделения русских «добровольцев», большей частью находящихся на Западе. Власов находился в плену уже целых два года, и, кроме военной пропаганды, его деятельность ни к чему не сводилась.

Он ел немецкий хлеб, пил немецкую водку и был доволен до тех пор, пока не пришло время задуматься о дальнейшей жизни. Крах Третьего рейха приближался, и надо было что-то предпринимать, чтобы спасти свою шкуру.

Провал заговора немецких офицеров стал в этом плане роковым событием, ведь возможность договорится с западными державами о перемирии и возобновлении войны с новыми союзниками против Советского Союза теперь исключалась.

Продолжение кампании на Востоке в самом ближайшем будущем грозило катастрофой. Спасительной нитью Власова оказалась лишь связь с ведомством Гимmlера. Надо было торопиться.

В связи с отложенной встречей Власова с Гимmlером у начальника Главного управления СС Бергера удалось получить разрешение на поездку на отдых в Баварию, в местечко Рупольдинг, где для него в доме для выздоравливающих тяжелораненых чинов боевых частей СС была забронирована квартира. С ним поехали Фрелих и Штрик-Штрикфельдт.

Сергей Фрелих вспоминал: позднее:

«Находясь в командировке при штабе Власова, я развил особую

тактику, стараясь, как правило, внешне казаться мало самостоятельным в своих действиях. Такая игра в маскировку мне удавалась особенно хорошо. У моих русских сотрудников я пользовался любовью, так как говорил с ними на их языке.

Я старался каждого из них убедить в том, что являюсь только маленькой шестерёнкой в большом механизме и что все ежедневно возникающие проблемы я предпочитаю направлять куда-то на решение. На самом же деле решения я почти всегда принимал самостоятельно и только в редких случаях передавал их дальше, однако с уже принятым мною решением...»

Могу лишь предположить, что не без участия этого человека Власов выехал в дом отдыха СС, которым заведовала симпатичная госпожа Хейди Биленберг, вдова эсэсовского офицера. Её муж погиб в 1943 г. на Кубани, а его брат являлся приближённым Гиммлера.

Эта дамочка не могла не понравиться Власову, если бы даже была ужасно страшной и грубой...

Вечерами Хейди музицировала в окружении Власова и его «друзей». В новой компании смеялись и шутили, а днём все совершали удивительные прогулки по окрестностям горного курорта.

Немка не говорила по-русски, но это не помешало Власову при помощи ломаного немецкого языка разбить её сердце, проявив недюжинные способности Казановы. Хейди была близко знакома с Гиммлером, и только через её постель можно было быть уверенным в завтрашнем дне.

«Путеводная» нить в приёмную Гиммлера не только согласилась на любовные встречи, но и приняла предложение руки и сердца. Расчёт оправдался 18 сентября 1944 г., когда Власова из Рупольдинга вызывали на приём к самому.

Когда Власов вместе с Штрик-Штрикфельдтом подошли к кабинету Гиммлера, к последнему обратился сопровождающий их генерал СС и сказал:

— Господин капитан! До начала общего совещания рейхсфюрер СС хочет минут десять поговорить с Власовым наедине.

Андрей Андреевич колебался, но недолго. Дверь открылась, и Вильфрид Карлович слегка сдавил его руку и буквально подтолкнул через порог.

Вот что рассказывал об этой встрече сам Власов:

«Вопрос: Где вы встретились с Гиммлером?»

Ответ: В Ставке верховного командования вооружённых сил Германии,

в лесу, близ города Растенбург (Восточная Пруссия).

Вопрос: Кто присутствовал при вашей встрече с Гиммлером?

Ответ: В поезде вместе со мной для встречи с Гиммлером ехали: Штрикфельдт, представитель СС оберштурмбаннфюрер Крегер и командир полка пропаганды СС полковник Далькен.

В приёмной Гиммлера нас встретил обергруппенфюрер Бергер, который объявил, что Штрикфельдт на приёме присутствовать не будет.

Вопрос: О чём вы разговаривали с Гиммлером?

Ответ: Гиммлер мне заявил, что отдел пропаганды вооружённых сил Германии не смог организовать русских военнопленных для борьбы против большевиков, в связи с чем этой работой он будет руководить лично.

Всеми русскими делами, как сказал Гиммлер, будет заниматься его заместитель Бергер, и своим представителем при мне он назначает Крегера.

Для успешной борьбы против советской власти Гиммлер предложил все существующие на оккупированной немцами территории и внутри Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр, предоставив мне свободу выбора именовать этот центр правительством или комитетом.

Приняв предложение Гиммлера, я просил его разрешить мне создать комитет под названием «Комитет освобождения народов России» и сформировать армию в составе 10 дивизий из числа военнопленных для использования их в борьбе против Красной Армии.

Гиммлер согласился с созданием «комитета» и разрешил сформировать из военнопленных пока 5 дивизий, обещав обеспечить их вооружением.

Тогда же Гиммлер дал мне указание разработать «Манифест комитета» и представить ему на утверждение.

В дальнейшей беседе Гиммлер подробно интересовался событиями в Советском Союзе в 1937 г. Он расспрашивал, был ли военный заговор в действительности, имел ли он сторонников. Желая показать, что внутри Советского Союза есть противники правительства, которые ведут борьбу с советской властью, я ответил Гиммлеру, что заговор действительно существовал. На самом же деле я всегда считал, что никакого заговора не было и органы НКВД расправились с невиновными людьми.

Гиммлер задал мне вопрос, был ли я знаком с Тухачевским и знал ли других участников военного заговора. Я ответил, что в тот период я был ещё маленьким человеком, занимал небольшую должность и никаких связей с Тухачевским и другими заговорщиками не имел.

Гиммлер спросил, остались ли в Советском Союзе люди, на которых в настоящее время германское правительство могло бы рассчитывать и которые могут организовать в России переворот. Я сказал своё мнение, что такие люди, безусловно, в России должны быть, но мне они неизвестны.

Тогда Гиммлер поинтересовался, как я считаю, может ли Шапошников организовать переворот, как один из офицеров старой армии и занимающий видное положение в СССР. Я на этот вопрос не ответил, сославшись на то, что с Шапошниковым близко знаком не был и только представлялся ему в 1942 г., как начальнику Генерального штаба.

После этого Гиммлер спросил, как я знаю Сталина, Берию, Кагановича, Жданова. Особенно Гиммлер интересовался личной жизнью Сталина, расспрашивал, где Сталин живёт, из кого состоит семья и есть ли евреи в семье и близком окружении Сталина.

Я клеветал на Сталина, но каких-либо подробностей Гиммлеру о личной жизни Сталина рассказать не мог, так как в действительности ничего не знал.

В отношении Берии, Кагановича и Жданова я также ничего Гиммлеру не сумел сказать, ибо мне ничего о них не было известно.

Тогда же Гиммлер задал вопрос, кто может быть преемником Сталина. На моё заявление, что это трудно предположить, Гиммлер высказал своё мнение, что по военным вопросам преемником Сталина, очевидно, будет Жуков, а по гражданским делам — Жданов. Я сказал, что Жуков в прошлом был моим начальником. Я его знаю как волевого и энергичного, но грубого человека.

Перед тем как отпустить меня, Гиммлер спросил, смогу ли я справиться со столь ответственной задачей, как объединение антисоветских организаций всех национальностей. Я заверил Гиммлера, что с этой задачей справлюсь, так как за два года пребывания в Германии я приобрёл необходимые связи среди белоэмигрантов и националистов, а также что в ближайшие дни представлю ему проект «манифеста».

А через некоторое время Власов получит телеграмму следующего содержания:

«ТЕЛЕГРАММА РЕЙХСФЮРЕРА СС ГЕНЕРАЛУ ВЛАСОВУ

Составлено по указанию обергруппенфюрера Бергер.

Фюрер назначил вас со дня подписания этого приказа Верховным командующим русскими 600-й и 700-й дивизиями. Одновременно на вас будет возложено верховное командование всеми новыми формирующимися и перегруппирующимися русскими соединениями.

За вами будет признано дисциплинарное право Верховного

главнокомандующего и одновременно право производства в офицерские чины вплоть до подполковника.

Производство в полковники и генералы происходит по согласованию с начальником Главного управления СС, по существующим для Великогерманской империи положениям.

Г. Гиммлер

Просмотрено и согласен

Доктор Кальтенбрунер»^{355}.

«После встречи с Гиммлером, — вспоминает Сергей Фрë-лих, — Власов приступил к выработке текста манифеста, который должен был быть оглашён на торжественном учредительном собрании Комитета освобождения народов России — КОНРа. Генерала спросили, сколько времени ему будет нужно для этого. Его ответ гласил: «От двух до двух с половиной недель». Я точно помню его ответ.

Однако потом оказалось, что для окончательной редакции потребовалось почти два месяца. После бесконечных обсуждений в сотрудничестве со специально для этого созданной комиссией и с прежним Комитетом освобождения народов России был выработан проект манифеста. Он содержал 14 пунктов о том, как будет выглядеть Россия, за которую власовское движение, Русская освободительная армия (РОА) и сам КОНР готовы были вступить в борьбу. В этой России не должно было быть «ни коммунистов, ни капиталистов». Ясно было, что искали средний путь.

Манифест... был документом гуманности. Проект текста был послан ряду немецких учреждений, в том числе и Гиммлеру, но не Розенбергу. Как я потом узнал от Власова, текст вернулся, усеянный собственноручными примечаниями самого Гиммлера, главным образом антисемитского характера.

Власов отказался принять эти поправки. В общем Власову и его сотрудникам выработка текста Манифеста была не совсем по силам. Поскольку его написание растянулось почти на два месяца, противники власовского движения могли за эти недели создать бесчисленное количество препятствий. К этому времени уже не было централизованного руководства в Третьем рейхе. Сам аппарат часто бывал сильнее Гиммлера и самого Гитлера. У чиновников оставались ещё в силе его слова: «Для чего нам нужны эти русские? Мы и без них можем победить Советский Союз и овладеть им». Когда же они узнали, что генерал Власов собирается издать Манифест, который выдвигает его как главнокомандующего русской антикоммунистической армией, они предприняли всё, чтобы торпедировать эту идею. По программе национал-социалистов русские по-прежнему

должны были превратиться в народ рабов.

Первоначальный план предвидел обнародование Манифеста в годовщину Октябрьской революции, и это должно было состояться в русском городе. Но этого нельзя было сделать. Вместо Смоленска, уже оставленного немецкими войсками, или какого-нибудь другого русского города, пришлось выбрать Прагу»^{356}.

Екатерина Андреева в своей работе «Генерал Власов и Русское освободительное движение» пишет:

«Рассказы о том, как составлялся Пражский манифест, разнятся между собой». И далее: «Когда Гиммлер дал разрешение опубликовать программу Русского освободительного движения, Жиленков в конце сентября 1944 г. собрал вместе редактора «Зари», бывшего зыковского заместителя Ковальчука, старшего дабендорфского преподавателя Зайцева, сотрудника отдела печати Дабендорфа Норейкиса и приказал им составить манифест. Жиленков, в качестве главы отдела пропаганды Русского освободительного движения, видимо, осуществлял переговоры с немецкими властями. Двое из вышеупомянутых, оставшиеся в живых, описывают процесс составления Манифеста по-разному. Норейкис вспоминает, что Жиленков, созвав всех троих, потребовал, чтобы они спешно составили Манифест, и прибавил, что не отпустит их, пока не получит удовлетворительного текста. Тогда Норейкис написал проект декларации, который Жиленков раскритиковал за журналистский подход. Защищая Норейкиса, Зайцев сказал, что при поставленных условиях можно и ожидать только лишь журналистики. Тогда проект был унесён и о нём больше не говорили.

К этому рассказу Зайцев прибавляет некоторые подробности и вносит оговорки. Например, когда Жиленков просил составить текст, который мог бы служить официальным Манифестом, он прибавил, что ему нужен проект политической декларации и что Власов хочет получить его, чтобы внести туда историческое обоснование. Зайцев ответил, что он не может работать в коллективе и под давлением, но только самостоятельно. Было решено, что Ковальчук напишет введение, Зайцев — статьи программы, а Норейкис — заключение. Норейкис в своём рассказе отвергает версию разделения труда.

Зайцев заявил, что не может составлять программу без подготовки, и покинул остальных, с тем чтобы достать программу НТС и другие документы, которые считал необходимыми. Следующей ночью он составил четырнадцать пунктов программы, которые его будущая жена печатала под его диктовку. На следующее утро он передал свой вариант Жиленкову, и

последний остался им доволен»^{357}.

Однако Власов на вопрос следователя в 1945 г.: «Кто участвовал в составлении Манифеста, написанного по предложению Гиммлера?» — отвечал иначе:

«Проект Манифеста, который нами разрабатывался по предложению Гиммлера, составляли я, Малышкин, Трухин, Жиленков и работавший в ведомстве Геббельса генерал-майор Закутный — бывший начальник штаба 21-го стрелкового корпуса Красной Армии»^{358}.

Дмитрий Ефимович Закутный родился в 1897 г. на Дону. В 1911 г. окончил сельскую школу, а в 1914 г. экстерном сдал экзамен за 5 классов реального училища. В РККА с 1918 г. С сентября — помощник командира батареи, с ноября — в штабной роте штаба южного боевого участка Царицынского фронта. 1 февраля 1919 г. — адъютант отдельного артдивизиона, затем адъютант артдивизионов ряда соединений. С 26 мая 1921 г. — исполняющий должность порученца в инспекции артиллерии 2-го Кавказского корпуса. С 21 августа — помощник адъютанта стрелкового полка, с 16 марта 1922 г. — командир взвода конной разведки стрелкового полка, с 25 июня — помощник начальника штаба стрелкового полка, с 25 июля — помощник начальника пулемётной команды, с 30 октября — помощник начальника штаба корпуса. Осенью 1923 г. зачислен слушателем на курсы усовершенствования при разведуправлении РККА, после окончания которых — заведующий разведотделом штаба корпуса. В 1925 г. — помощник начальника разведотдела штаба СКВО. В 1928 г. зачислен слушателем в академию РККА.

В 1931 г. — начальник 1-й части штаба стрелкового корпуса. С марта 1932 г. помощник начальника 1-го сектора оперативного отдела Генштаба РККА, затем — заместитель начальника сектора. С 1935 г. — начальник 1-го отделения оперативного отдела Генштаба РККА, полковник. В 1936 г. зачислен слушателем в Академию Генштаба, а в 1938 г. назначен ассистентом кафедры службы штабов Военной академии им. Фрунзе. С 1939 г. — начальник штаба Горьковского стрелкового корпуса, комбриг. В 1940 г. ему присвоено звание «генерал-майор». 21 июля 1941 г. назначен командиром 21-го стрелкового корпуса. 26 июля в Гомельской области взят в плен. До конца лета содержался в особом опросном лагере в Лодзи. Осенью переведён в офлаг XIII-D в Хаммельбурге. В контакт с Власовым вступил в августе 1944 г.^{359}.

По воспоминанию Ф.П. Богатырчука, «13 ноября в специальном поезде члены Комитета отправились в Прагу на подписание Манифеста.

Перед торжественным заседанием приём и обед у диктатора Чехии генерала Франка. На обеде присутствуют все члены президиума Комитета во главе с генералом Власовым, члены чешского кабинета министров во главе с премьером д-ром Крейчи и видные немецкие государственные деятели, среди них генерал Кёстринг, заместитель министра иностранных дел Лоренц и др. Никаких речей.

Во время обеда мне пришлось сидеть с д-ром Крейчи. Незабываемое впечатление! Исключительно умный, интеллигентный и культурный человек. Интересная деталь: мы всю беседу нашу вели на смешанном русско-украинско-польском языке, несмотря на то что оба знали немецкий язык достаточно хорошо. Д-р Крейчи, намеренно уклоняясь от немецкого языка, очевидно, этим хотел подчеркнуть своё отрицательное отношение к немецкой диктатуре. Во время обеда он заметил иронически: «Что-то уж очень торжественно открывают Комитет». — «Вы хотите, вероятно, сказать, что торжественностью хотят подменить дело?» — заметил я. Крейчи хитро улыбнулся, но промолчал»^{360}.

Сергей Фрëлих также принимал участие в этом событии. Он свидетельствует:

«Торжественное обнародование Манифеста 14 ноября 1944 г. состоялось в старинном дворце Храдчане, высоко над рекой Влтавой. С немецкой стороны хозяином был Карл Герман Франк, министр Богемии и Моравии. Как представитель немецкого правительства участвовал также обергруппенфюрер войск СС Вернер Лоренц. Гостями были: президент государства Эмиль Хаха, известные генералы вермахта и войск СС, многочисленные русские, среди них глава русских эмигрантов в Германии генерал Василий Бискупский, начальник Русского Общевоинского Союза (РОВСа) генерал Алексей Лампе, начальник Дроздовской дивизии генерал А. Туркул, атаман донских казаков генерал П.Н. Краснов и казачий генерал-майор А.Г. Шкуро. Присутствовали также и родственники русских офицеров и чинов добровольческих отрядов и многочисленные остарбейтеры. Не все они сочувствовали власовской идее...

Профессор Сергей Михайлович Руднев, русский эмигрант из Берлина и старший член Комитета, открыл собрание короткой речью. Он был так взволнован, что плакал, произнося свою речь. Выбранный президиум состоял из генералов Малышкина, Трухина, Жиленкова, Закутного, профессора Ф.П. Богатырчука и членов-кандидатов профессора Иванова, профессора Будзиловича и Ю. Музыченко (Письменного).

Центральным пунктом при обнародовании манифеста было выступление самого Власова, который спокойно своим глубоко звучащим

басом обрисовал цели и возможности своей программы. Переводил его слова барон фон дер Ропп. Это было его последним выступлением для власовского движения, так как после перехода его в ведение СС многие сотрудники должны были прекратить свою деятельность, если они не хотели переходить в состав эсэсовских войск.

Для генерала Власова это стало большим днём. С ним он связывал большие надежды. Он верил, что обнародование Манифеста будет означать значительный успех для его движения и что он сможет, наконец, приступить к формированию своей освободительной армии. «Мы должны продвинуться в Россию, и тогда мы будем вести войну главным образом по телефону», — сказал он. Он верил в возможность возникновения Гражданской войны и доказывал это словами: «Как только наша армия появится на фронте, противник начнёт перебегать»^[361].

По поводу «обнародования Манифеста» весьма примечателен комментарий известного британского историка Джеральда Рейтлингера:

«Вступительное заседание КОНР 14 ноября 1944 г. было хорошо подготовлено. Специальный поезд доставил 500 делегатов из Берлина, из которых 49 были представителями комитетов, в то время как многие были восточными рабочими, которых гестапо вытащило из трудовых лагерей и снабдило комплектом одежды. Этим задавленным жизнью людям, у которых не было никаких гражданских прав, был навязан фиктивный комитет с председателями Горденко и Янушевский. Русские генералы-пропагандисты из Дабендорфа и Кибитцвега были здесь, конечно, представлены полностью, так же как и ведущие члены НТС — те же самые люди, которые совсем недавно мучились в Заксенхаузене по подозрению в переговорах с союзниками. Казаки были представлены генералами Балабиным и Туркулом, и были ещё многочисленные комитеты от национальных меньшинств, которые выступали в пользу федерализма под началом Власова, включая, как предполагалось, калмыков. Но комитеты, выступавшие от Прибалтийских республик, Белоруссии, народов Кавказа, делегаций не прислали.

Как документ Манифест КОНР интересен только как демонстрация немецкого камуфляжа. В нём приветствовалась германская военная помощь, и он обещал почётный мир с Германией, но в том, что касалось политики, не было никакого упоминания о чём-либо, что пахло бы Гитлером или национал-социализмом. И тем не менее этот документ надо было отправить Гитлеру. «Любопытная вещь, — говорил Шерлок Холмс, — это поведение собаки в ночное время». И Ватсон отвечал, что собака в ночное время ничего не делает. Если бы тут был хотя бы самый отдалённый

шанс, что эта безобидная программа будет выполнена КОНР хотя бы на нескольких сотнях квадратных километров Советского Союза, то Гитлер аннулировал бы Манифест. Но шансов на выполнение не было, и единственная цель в придании Манифесту гласности была в том, чтобы убедить антикоммунистов мира, что Власов не действует по принуждению. По этой причине Власову было разрешено выдвигать идею правительства, которое в западных странах Гитлер осуждал бы как «декадентское, капиталистическое и порождённое средним классом». Гиммлер настоял на преамбуле, в которой содержалась атака на «державы империализма, возглавляемые плутократами (то есть финансовыми магнатами, в основном евреями) Англии и США». Это не изменило того факта, что власовские четырнадцать пунктов — снова символизм 1918 г. — были сознательной попыткой оформить свои демократические верительные грамоты для западных держав. И собака не залаяла»^[362].

К слову сказать, до сих пор сторонники Власова продолжают ставить знак равенства между Белым движением и русским коллаборационизмом времён Великой Отечественной войны. Всё это происходит от нежелания понимать суть происходивших событий в период Гражданской и Второй мировой войн. Именно с целью объяснить разницу первого и второго движений взялись В.Ж. Цветков, А.Н. Алекаев и Р.Г. Гаркуев в статье «Нельзя ставить знак равенства». В частности они пишут:

«Важнейшим пунктом в программах Белого движения было следование политико-правовой преемственности от дореволюционной (1917 г.) России. При этом определялось достаточно чёткое размежевание с представителями так называемой «революционной демократии», выдвинувшимися на политическую авансцену после февраля 1917 г. Сотрудничество с ними не исключалось (Б.В. Савинков, Н.В. Чайковский), но только после того, как они открыто заявят о поддержке политического курса Белого движения и, в частности, о поддержке власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и его преемников (генералов А.И. Деникина, П.Н. Врангеля) и, следовательно, о признании приоритета норм военной диктатуры в качестве обязательного условия воссоздания в России законной власти. В белых правительствах активно разрабатывались проекты избирательного права применительно к выборам как высшего учредительно-санкционирующего органа власти (Национального учредительного собрания), так и местного (земско-городского) самоуправления. Окончательное решение вопроса о политическом и государственном устройстве будущей России, а также о форме правления отводилось Учредительному собранию, которым должен был завершиться

период «временных властей», вынужденно образовавшийся после отречения от престола Государя Императора Николая II и отказа от принятия Престола Великим князем Михаилом Александровичем. Главным источником права становилась бы «соборная воля» народа России.

В «Пражском манифесте» ничего подобного не было. Учредительно-санкционирующий порядок установления будущей государственной власти России в нём вообще не упоминался. Более того, исходная позиция в отношении будущей российской государственности определялась достаточно конкретно. Это — февраль 1917-го. «В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную справедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости», — говорилось в манифесте. Тем самым признавалась не формально-правовая сущность произошедших в феврале 1917-го перемен, а, в первую очередь, фактически сложившаяся система власти — то есть республика, санкционированная отнюдь не «соборной волей» народа, а единоличным решением А.Ф. Керенского (1 сентября 1917 г.). Фраза об «отжившем царском строе» свидетельствовала о невозможности и недопустимости возвращения к монархии. «Мы за новую Россию, которую не создал ни царский режим, ни большевизм», «Белое движение потеряло опору в народе», «мы должны завершить Национальную революцию 1917 г.», — говорилось в статье газеты «Воля Народа». Поскольку упоминания об учредительно-санкционирующем способе создания власти отсутствовали, с полным основанием можно считать, что исполнение функций управления предполагалось структурами, созданными сами Комитетом освобождения, то есть коалиционным органом, составленным из различных военных, политических и общественных деятелей. Можно предположить, что КОНР в перспективе мог бы заявить о себе как о некоем объединённом правительстве. В Гуверовском архиве сохранился безымянный проект «Конституции Российской державы» (в нём предполагается введение власти Правителя и Земского собора), однако его идейно-политическая связь с Манифестом КОНР не прослеживается.

Однако подобная перспектива (КОНР как основа создания временной, коалиционной власти) опровергается тезисами Манифеста, имеющими, по сути, центральное значение: «Возвращение народам России прав, завоёванных ими в народной революции 1917 г... равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие,

самоопределение и государственную самостоятельность». Так представляется решение не только вопроса о форме правления (республиканская), но и о государственном устройстве на той территории, которую занимала бывшая Российская империя в 1944 г. — СССР. Это отнюдь не «единая Россия», а в лучшем случае — союз формально независимых «народных государств» и государственных образований, объединённых только освобождением от большевистской системы». И здесь уместно подчеркнуть ещё одну принципиальную разницу между политическими позициями Белого движения и КОНРа. Белые политики и военные провозглашали лозунг «Единая, неделимая Россия» (допуская отделение от неё лишь Польши и Финляндии), внутреннее устройство которой будет, возможно, допускать значительную степень областной автономии или будет построено на федеративных началах, но никоим образом не должно привести к распаду страны. А деятели КОНРа утверждали о невозможности в принципе существования каких-либо унитарных элементов государственности. Это, безусловно, тактическая неизбежность, поскольку в поисках союзников в антибольшевистском сопротивлении приходилось обращаться к различным националистическим, сепаратистским структурам (Украинская повстанческая армия, органы управления в казачьих областях, в Прибалтике и т.д.): «Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведёт к победе». Но результатом подобного «сотрудничества» не могло стать иное решение, как отказ от единства России, утрата её территориального суверенитета. Военно-политическое «единство» на этапе «борьбы с большевизмом» вполне можно было трактовать как временное (...)

Таким образом, в Манифесте вполне определённо просматривается та же идея создания государственных образований под верховным контролем Германии. Это подтверждает история возникновения и деятельности национальных формирований в составе вермахта и войск СС, политических структур коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Но могут ли быть «национальными» режимы, находящиеся под непосредственным контролем со стороны агрессора? К тому же установившиеся с помощью страны, всего лишь два десятилетия до этого бывшей противником России в годы Первой мировой войны? (...)

Тезис о том, что «Европа будет союзом национальных государств», озвученный Власовым в его речи на пражском собрании, подчёркивал отсутствие принципиальных различий в официальных идейно-политических программах правительств государств, ставших союзниками

Германии. Считая РОА и КОНР в числе этих союзников, Власов «раскрывает» этот тезис: «Сегодня мы можем заверить фюрера и весь немецкий народ, что в их тяжёлой борьбе против злейшего врага всех народов — большевизма народы России являются их верными союзниками и никогда не сложат оружия, а пойдут плечо к плечу с ними до полной победы». В выступлении подчёркивалась важность «свидания с государственным министром Гиммлером... длительной и сердечной беседы, протекавшей в духе взаимного понимания и касавшейся всех вопросов счастливого будущего народов России», а также «полного понимания» позиций КОНР, полученного Власовым со стороны «имперского министра иностранных дел господина фон Риббентропа» (...)

Что же касается идеологических позиций лидеров Белого дела, то, несмотря на намерения к сотрудничеству с Германией, высказавшиеся отдельными политиками, военными, партийными и надпартийными структурами после окончания Первой мировой войны и смены власти в Германии в 1919–1920 гг., ни в одном официальном заявлении белых правительств и лидеров движения не декларировался отказ от «союзнических обязательств» перед странами Антанты (хотя политика этих стран в отношении России была крайне противоречивой и непоследовательной).

Можно отметить и другие принципиальные отличия положений официальных документов КОНР от документов Белого движения. В «аграрном вопросе» Манифест предусматривал «безвозмездную передачу земли в частную собственность крестьян». Подобного рода решения не принимались даже в рамках наиболее радикальной «земельной реформы» Правительства Юга России генерала П.Н. Врангеля в 1920 г. За землю, закрепляемую крестьянам в собственность, предполагалась уплата хотя и незначительного выкупа в форме «пятикратного среднего за последние десять лет урожая» зерновых в Таврии. Подобного рода проекты «безвозмездного наделения» были характерны именно для программ эсеров и социал-демократов, идейно-политическое сходство с которыми фактически декларировалось КОНР.

И ещё одно важное отличие. Во всех без исключения программных заявлениях Белого дела содержались упоминания о значительной роли Русской Православной Церкви. Связь Церкви, власти и общества предполагалась не в форме возврата к «синодальному периоду», когда Церковь являлась одним из элементов государственной системы, а в форме сотрудничества с Церковью и деятельной её поддержки со стороны государства. Показательно завершение политического курса Белого дела в

России актом благословения Церковью деяний Приамурского Земского собора в 1922 г., предрешавшего восстановление на российском престоле династии Романовых. В Манифесте же КОНР нет ни слова о роли Русской Православной Церкви в будущей, освобождённой от большевизма, России. Упоминание в Манифесте о «религиозных свободах» употреблялось лишь в контексте предложения о «введении действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати»^{363}.

В общем, как точно констатируют авторы статьи, единственным общим положением в программе Белого движения и планах КОНР была непримиримая «борьба с большевизмом».

Но вернёмся ненадолго в тот ноябрьский день 1944 г. После заседания министр Богемии и Моравии во дворце Черни дал торжественный банкет на шестьдесят человек. Для рядовых членов КОНРа вечер устроили в Пражском автомобильном клубе, который очень быстро превратился в банальную пьянку.

Пражское торжество было продолжено в Берлинском доме Европы. 18 ноября там состоялся торжественный вечер по случаю создания КОНР. Зал, вмещавший около полутора тысяч человек, был заполнен почти исключительно русскими. Духовенство заняло первые ряды. Вместе с ними расположились военнопленные, доставленные прямо из лагерей.

В этот день Власов ещё раз зачитал Манифест.

Произнёс пламенную речь и протоиерей Александр Киселёв. В частности, священник сказал: «Вы, глубокочтимый генерал Андрей Андреевич, вы, члены Комитета спасения народов России, и мы все, рядовые работники своего великого и многострадального народа, станем единодушно и смело на святое дело спасения отчизны. Не гордо, потому что «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать», но мужественно и смело, потому что «не в силе Бог, а в правде». Помните, как говорил отец былинного богатыря Ильи Муромца в своём наставлении сыну — «на добрые дела благословение дам, а на плохие дела благословения нет»^{364}.

Вряд ли А. Киселёв, понимал, как и многие другие присутствующие в зале, что КОНР — это мертворождённое дитя. Фикция «Комитета Власова» вполне подтверждается дальнейшими событиями, о которых писал Ф.П. Богатырчук:

«Когда я в один из следующих дней пришёл к Закутному, то он меня сразу огорошил сообщением, что он только что от Власова и от него узнал приятную — вернее сказать, навязываемую нам — схему рабочих

взаимоотношений с немцами. Оказывается, все наши распоряжения и решения только тогда имеют законную силу, когда они одобрены соответствующими немецкими комиссарами... Все управления и сколько-либо крупные учреждения имели своих эсэсовцев, которым мы должны были представить наши планы. Комиссары связывались с соответствующими учреждениями и после консультации с ними говорили нам, приемлемо ли наше постановление или предложение либо нет»^{365}.

В своём труде Е. Андреева дополняет историческую картинку КОНР такими деталями:

«Документация о дискуссиях в КОНР и деятельности его различных секций и подкомиссий для потомства не сохранилась. Поспешность, с которой русские старались привести организацию в состояние действия, беспорядок, царивший в последние месяцы войны, бомбардировки союзников — всё это не способствовало сохранности документов; протоколы же заседаний КОНР и списки лиц, участвовавших в них, были намеренно уничтожены власовской канцелярией перед эвакуацией КОНР из Берлина, чтобы эта информация не попала в советские руки.

КОНР должен был представлять различные слои советского общества и национальности СССР. Из тридцати семи действительных членов, подписавших манифест, тринадцать человек были членами Красной Армии, девять — советскими университетскими преподавателями, семеро представляли старую эмиграцию, была одна крестьянка; среди остальных членов было двое заводских рабочих. По линии представительства национальностей СССР в КОНР, кроме русских, входили украинцы, белорусы, казаки и представители народов Кавказа и Туркестана. После пражского съезда КОНР разросся до 102 членов, но полного списка имён не сохранилось. Хотя назначение в члены КОНР теоретически было чисто внутренним делом «власовской акции», фактически необходимо было получить согласие немецких властей. Предполагалось, что полный состав Комитета будет встречаться ежемесячно для утверждения различных решений, принятых его подкомиссиями. После первоначальной встречи в Праге и подобной же церемонии обнародования манифеста в Берлине 18 ноября, второе заседание КОНР состоялось 17 декабря 1944 г., а третье и последнее имело место 27 февраля 1945 г. в «Ричмонд Отель» в Карловых Варах в Чехословакии, после эвакуации КОНР из Берлина. В марте и апреле полный состав КОНР не заседал, состоялось только собрание президиума, на котором обсуждались, главным образом, трудности вооружения и расположения частей КОНР»^{366}.

Здесь стоит отметить, что КОНР был создан тогда, когда до поражения Германии и её капитуляции оставались считанные месяцы. Отсюда следует вполне закономерный вопрос: на что надеялся Власов и его сподвижники? Ведь в отличие от других, Андрей Андреевич не мог не понимать, на что он идёт. При этом же очевидно: обратной дороги у предателя не было. За время своего предательства он зашёл так далеко, что эта жизнь сотрудничества с врагом засосала его окончательно.

Однажды летом 1943 г. в берлинском предместье Власов встретился с капитаном РОА Н. Старицким, из бывших белогвардейцев, прибывшим в отпуск с Восточного фронта. Эта встреча примечательна следующим разговором:

«Затем он обратился ко мне: «Теперь, когда я вас ознакомил со здешней обстановкой и нашими надеждами, я хочу задать вопрос. Вы знаете немцев лучше, чем я, скажите — можно ли вообще работать с ними?»

Я отвечал: «Если мы не можем работать с ними, то что должны мы делать? Я — возвращаться обратно во Францию, вы — в лагерь пленных, и оба пассивно созерцать происходящие события? Если же мы хотим влиять на них, мы должны в них участвовать. Какие же к тому возможности? В рядах Красной Армии ни мне, ни вам нет места, пока она не сбросит коммунистическое руководство. В рядах англичан и американцев славословящих Сталина-патриота, нам также нет места, так как наши стремления к свержению Сталина и его власти им не выгодны, и они не дадут нам действовать в этом направлении. Их существование — на карте, а Гитлер — их главный враг. Нравятся или не нравятся нам немцы, но только здесь есть возможность для нас влиять на события, имея в руках оружие».

Мой ответ не удовлетворил Власова. «Хорошо, — сказал он, — тогда я спрошу иначе: что будут делать немцы дальше в отношении русского вопроса? Я вам обрисовал обстановку и сообщил о своих надеждах».

Я начал издали, сказав, что теряю надежду на изменение немецкой политики, указав, что считаю Гитлера таким же фанатиком, как и Сталина. «Один — фанатик мировой революции, другой — теории расового господства немцев на Востоке. По-видимому, факты жизни не учат фанатиков»... Власов остановил меня.

«Всё это верно, — сказал он, — но как вы представляете себе, что практически будут делать немцы в ближайшее время?»

Я видел, что Власов ждал прямого ответа, без всяких теоретических обиняков.

«Я не верю в скорое изменение немецкой политической линии в отношении русского вопроса, — сказал я. — Немцы будут продолжать свою нынешнюю политику, спекулируя вашим именем. Но их уже два раза сильно разбили: раз под Москвой, — вы участвовали в этом, — второй раз под Сталинградом. Они будут разбиты ещё и третий и четвёртый раз. Вот тогда можно ждать, что они искренно придут к вам. Но я боюсь, что будет слишком поздно».

Эффекта, произведённого этими словами, я не предвидел. Власов молча высоко поднял кулак и со страшной силой обрушил его на стол, так что подбросило массивный письменный прибор. «Вы первый мне сказали то, о чём я сам ночами думаю», — сказал он, продолжая давить кулаком на стол»^{367}.

Позднее, пытаясь объяснить позицию Власова под немцами, Н. Старицкий напишет:

«... безнадёжность положения Германии была Власову достаточно ясна. О том свидетельствует его ответ, перед разговором с Гиммлером, на предупреждение своего ближайшего немецкого советника капитана Штрик-Штрикфельдта, что «уже поздно». Власов тогда ответил последнему: «Не могу уклониться, когда столько людей пошло за мной и я должен идти до конца».

Этот конец не связывался Власовым с концом борьбы Германии. Создание армии должно было объединить разрозненные силы и дать им пережить поражение Германии, чтобы включиться затем на стороне других сил, которые должны были заменить Германию, в борьбе с коммунизмом. К этой цели и стремился Власов в беседе с Гиммлером, не раскрывая свои карты. Завуалированно он раскрыл их в своей речи два месяца спустя, в Праге, при провозглашении своего манифеста: «...Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь со стороны Германии. Эта помощь в данное время — единственная реальная возможность организовать вооружённую борьбу против сталинской клики...» — подчеркнул Власов в своей речи»^{368}.

Но ещё более точно, позицию Власова выразил Юрий Финкельштейн:

«Найдя покровителя в лице Гиммлера, Власов стал терять старых друзей. Его покинул «домашний святой» Вильфрид Штрик-Штрикфельдт. Не пожелал немецкий офицер, к тому же кадровый разведчик, сотрудничать с СС и Гиммлером. 14 ноября 1944 г. он ещё присутствовал на «пире во время чумы» — торжестве в Праге, когда был обнародован Манифест движения и создан декоративный Комитет освобождения

народов России (КОНР) с Власовым во главе. Всей душой сочувствуя военнопленным, А. Солженицын тем не менее назвал этот Манифест «по-прежнему ублюдочным, ибо в нём не разрешалось мыслить Россию вне Германии и вне нацизма». Всё в Праге было под стать этому «ублюдочному Манифесту» и завершилось грандиозной пьянкой. Пили по-чёрному. Впрочем, так пили уже не первый год.

Штрик-Штрикфельдт советовал Власову, огласив Манифест, выйти из игры, заявив, что правительство Гитлера не сдержало своих обещаний. Он понимал, что углубление связи с нацистами (теперь уже непосредственно с Гиммлером — худшим из них) ведёт как Власова, так и всё Движение к позору и гибели. Лучше уж вернуться в лагерь для военнопленных или оказаться в тюрьме! Генерал ответил, что «миллионы людей надеются на него ...и он не может бросить их, он должен идти по этому пути до горького конца».

По воспоминаниям Фрёлиха, Власов холодно расстался со своим верным другом и советчиком. Штрик-Штрикфельдт действительно «вышел из игры» и отправился в тихое поместье писать мемуары — историю власовского движения. Власов такой возможности не имел, а потому прощание с Штрик-Штрикфельдтом «было чисто формальным. Поведение Власова, — пишет Фрёлих, — было для меня ещё одним доказательством влияния на него советской школы, а именно: не следует выражать симпатии к другу, попавшему в немилость».

Но не смог генерал просто так отпустить «домашнего святого», не излив ему душу, не попытавшись найти себе оправдание. «Я действовал не из честолюбия, — говорил Власов. — Я не рассчитывал ни на что. Обстоятельства просто заставили меня действовать так, а не иначе...»^[369].

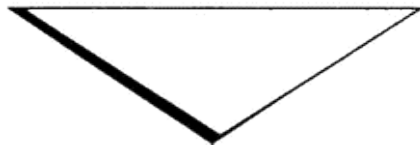
Словом, Власов не пошёл против Сталина. Кому, как не ему, было знать о том, что идти против Сталина у него «кишка тонка». Власов, оказавшись в руках обстоятельств, пошёл против своей Родины, против своего народа, и лишь в последнюю очередь против той власти, благодаря которой он и стал тем, кем оказался в немецком плену.

В том числе и поэтому Власов был объявлен немцами номинальным «вождём» Русского освободительного движения лишь за считанные месяцы до поражения Третьего рейха, когда об этом не догадывался только больной или ленивый человек.

И тем не менее «время идёт, а личность и судьба генерала Власова до сих пор остаются в центре бурных дискуссий, где эмоции преобладают над реальным знанием, — пишет Ю. Финкельштейн. — Это и заставляет говорить о «феномене Власова», в котором отразился трагический пласт

русской истории её советского периода»[\[370\]](#).

Что ж, точнее уже и не скажешь!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРВЫЙ ДОПРОС ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА (Б. Соколов. ВПК № 30 (447) ЗА 1 АВГУСТА 2012)

Что же сообщил немцам пленный советский военачальник?

«Этот документ сохранился в конверте, приклеенном к альбому «Волховская битва», который был издан ограниченным тиражом в декабре 1942 г. 621-й ротой пропаганды 18-й германской армии. Он оказался в распоряжении немецкого коллекционера, обратившегося ко мне с просьбой помочь в поисках российского музея или коллеги, заинтересованных в том, чтобы находка попала в Россию.

Фрагменты публикуемого ниже протокола уже печатались в № 4 «Военно-исторического журнала» за 1991 г. (перевод с экземпляра, хранящегося в архиве Лубянки), но с полным его текстом я ознакомился впервые. Вот он.

«Секретно.

Рапорт о допросе командующего 2-й советско-русской ударной армией генерал-лейтенанта Власова.

ЧАСТЬ I

Краткие сведения относительно биографии и военной карьеры

Власов родился 1.9.1901 г. в Горьковской области (так в тексте. — Б.С.). Отец: крестьянин, владелец 35–40 моргенов земли (морген — 0,25 га, следовательно, площадь надела — примерно 9–10 га, то есть отец Власова был середняком, а не кулаком, как утверждала советская пропаганда. — Б.С), старая крестьянская семья. Получил среднее образование. В 1919 г. учился 1 год в Нижегородском университете. В 1920 г. вступил в Красную Армию.

«Власов ничего не скрывал от немцев и рассказывал противнику все, что знал или слышал. Однако ничего не указывало на возможность его перехода на службу к врагу».

В. первоначально не был принят в Коммунистическую партию, как бывший семинарист.

1920 г. — посещает школу младших командиров. Затем командует взводом на врангелевском фронте. Продолжает армейскую службу до окончания войны в 1920 г. Затем до 1925 г. — командир взвода и исполняющий обязанности командира роты. 1925 г. — посещает училище средних командиров. 1928 г. — училище старших командиров (в

автобиографии, датируемой 16 апреля 1940 г., комбриг А.А. Власов сообщал: «В период 1928–1929 гг. окончил тактико-стрелковые курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» в Москве». — Б.С.). 1928 г. — командир батальона, 1930 г. — вступает в Коммунистическую партию с целью продвижения по службе в Красной Армии. 1930 г. — преподает тактику в офицерском училище в Ленинграде. Начиная с 1933 г. — помощник начальника отдела 1а (оперативного отдела) в штабе Ленинградского военного округа (в автобиографии А.А. Власова, написанной 16 апреля 1940-го, говорится: «С февраля 1933 г. переведен в штаб Ленинградского военного округа, где занимал должности: пом. начальника 1-го сектора 2-го отдела — 2 г.; пом. начальника отдела боевой подготовки — 1 год, после чего 1,5 г. был начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела ЛВО»). 2-м отделом в ту пору действительно именовался оперативный отдел. — Б.С.). 1930 г. — командир полка. 1938 г. — в течение короткого времени начальник штаба Киевского военного округа, после участия в советско-русской военной делегации в Китае. В этот период повышен в звании до полковника. По окончании командировки в Китай 1939 г. — командир 99-й дивизии в Перемышле. 13 месяцев командир этой дивизии. 1941 г. — командующий мотомеханизированным корпусом в Лемберге (Львов. — Б.С.). В боях между Лембергом и Киевом мотомехкорпус был уничтожен. После этого назначен командующим Киевским укрепрайоном. В то же время переведен в только что сформированную 37-ю армию. Из окружения в районе Киева вышел с небольшой группой людей. После этого был временно назначен в распоряжение генерала (в действительности маршала. — Б.С.) Тимошенко с тем, чтобы восстановить подразделения материального обеспечения Юго-Западного фронта. Через месяц уже переведен в Москву для вступления в командование только что сформированной 20-й армией. Затем — участие в оборонительных боях вокруг Москвы. По 7 марта — командующий 20-й армией. 10 марта — перевод в штаб Волховского фронта. Здесь начинал свою деятельность тактическим советником при 2-й ударной армии. После смещения командующего 2-й ударной армией генерала Клыкова принял командование этой армией 15-го апреля.

Данные по Волховскому фронту и 2-й ударной армии.

Состав Волховского фронта на середину марта: 52-я, 59-я, 2-я ударная и 4-я армии.

Командующий Волховским фронтом: генерал армии Мерецков.

Командующий 52-й армией: генерал-лейтенант Яковлев.

Командующий 59-й армией: генерал-майор Коровников.

Командующий 4-й армией: неизвестен.

Характеристика генерала армии Мерецкова.

Эгоист. Спокойная, объективная беседа между командующим армией и командующим фронтом проходила с большим трудом. Личный антагонизм между Мерецковым и Власовым. Мерецков старался задвигать Власова. Очень неудовлетворительное ориентирование и неудовлетворительные приказы штаба фронта 2-й ударной армии.

Краткая характеристика Яковлева.

Достиг хороших успехов в военной области, однако не удовлетворен своим использованием. Кадровики часто обходили его с продвижением. Известен как пьяница...

Структура 2-й ударной армии.

Известные бригады и дивизии. Примечательно, что те части 52-й и 59-й армий, которые размещались в Волховском котле, не находились в подчинении 2-й ударной армии.

На середину марта подразделения 2-й ударной армии выглядели очень измотанными. Они понесли большие потери на протяжении тяжелых зимних боев. Вооружение имелось в достаточном количестве, но не хватало боеприпасов. В середине марта уже было плохо со снабжением и положение ухудшалось изо дня в день.

Информация о противнике на середину марта была низкого качества.

Причины: недостаток разведывательных источников, было захвачено всего несколько пленных.

Штаб 2-й ударной армии полагал в середине марта, что армии противостоят примерно 6–8 немецких дивизий. Было известно, что в середине марта эти дивизии получили значительное пополнение.

В середине марта перед 2-й ударной армией стояли следующие задачи: взятие Любани и соединение с 54-й армией.

В связи с подчинением 2-й ударной армии Волховскому фронту, а 54-й армии — Ленинградскому фронту не удалось согласовать приказы по совместной атаке на Любань.

Сведения о реальном положении 54-й армии доходили до штаба 2-й ударной армии очень редко и в большинстве не соответствовали действительности и преувеличивали успехи армии. С помощью таких методов Мерецков хотел побудить 2-ю ударную армию быстрее двигаться к Любани.

После соединения 2-й ударной и 54-й армий следующей задачей был разгром германских войск, сосредоточенных в районе Чудово — Любань.

Конечной задачей Ленинградского и Волховского фронтов зимой 42-го года, как полагает Власов, является освобождение Ленинграда военными средствами.

В середине марта план соединения 2-й ударной армии с 54-й армией сводился к следующему: сосредоточение сил 2-й ударной армии для удара на Любань через Красную Горку, укрепление фланга в районе Дубовик — Еглино с помощью 13-го кавкорпуса, проведение вспомогательных атак на Кривино и Новую Деревню.

По мнению командующего 2-й ударной армией, этот план провалился по следующим причинам: недостаточная ударная мощь, слишком измотанный личный состав, недостаточное снабжение.

Они придерживались плана продвижения к Любани до конца апреля.

В начале мая генерал-лейтенант Власов был вызван в Малую Вишеру на встречу со штабом фронта, во главе которого временно стоял генерал-лейтенант Хозин с Ленинградского фронта (М.С. Хозина, который командовал Ленинградским фронтом, с 23 апреля по 8 июня включавшим в себя также войска временно упраздненного Волховского фронта, сделали козлом отпущения за гибель 2-й ударной. 8 июня он был снят с должности с убийственной формулировкой: «За невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение». Но, строго говоря, противник перерезал коммуникации 2-й ударной еще до того, как Хозин стал командовать войсками Волховского фронта. — Б.С.). На этой встрече Власов получил приказ эвакуировать Волховский котел. 52-я и 54-я армии должны были прикрывать отступление 2-й ударной армии. 9 мая состоялась встреча командующего 2-й ударной армией с командирами дивизий, командирами бригад и комиссарами в штабе армии, которым он впервые объявил о намерении отступить.

Примечание. Показания перебежчиков о 87-й кавдивизии впервые поступили 10 мая в штаб 18-й армии, последующие известия поступали между 10 и 15 мая.

Между 15 и 20 мая войскам были отданы приказы об отступлении. Между 20 и 25 мая отступление началось.

Для эвакуации Волховского «котла» имелся следующий план.

Сначала отвод служб тыла, тяжелого снаряжения и артиллерии под охраной пехоты с минометами. Затем следует отступление оставшейся пехоты на три последовательных рубежа:

1-й рубеж: Дубовик — Червинская Лука;

2-й рубеж: Финев Луг — Ольховка;

3-й сектор: рубеж реки Кереть.

Отступление 2-й ударной армии должно было прикрываться с флангов силами 52-й и 59-й армий. Части 52-й и 59-й армий, находившиеся внутри Волховского «котла», должны были выйти из него в восточном направлении в последнюю очередь.

Причины неудачи отступления: крайне плохое состояние дорог (разлив), очень плохое снабжение, особенно боеприпасами и провиантом, отсутствие единого руководства 2-й ударной, 52-й и 59-й армиями со стороны Волховского фронта.

О том, что 30 мая прорванное кольцо окружения было вновь замкнуто германскими войсками, 2-й ударной армии стало известно лишь через два дня. В связи с этим замыканием окружения генерал-лейтенант Власов потребовал от Волховского фронта: 52-й и 59-й армиям сбить немецкие заслоны любой ценой. Кроме того, он переместил все находившиеся в его распоряжении силы 2-й ударной армии в район восточнее Кречно, чтобы открыть с запада германский заслон. Генерал-лейтенанту Власову непонятно, почему со стороны штаба фронта не последовало всем трем армиям общего приказа о прорыве германского заслона. Каждая армия вела бои более или менее самостоятельно.

Со стороны 2-й ударной армии 23 июня было сделано последнее напряжение сил, чтобы пробиться на восток. Одновременно силы 52-й и 59-й армий, задействованные для прикрытия флангов с севера и юга, перестали контролировать положение (буквально: *kamen... ins Rutschen* — соскользнули, сползли. Во фрагменте протокола допроса, опубликованном в «Военно-историческом журнале», дан более щадящий для командования 52-й и 59-й армий, но не соответствующий тексту немецкого оригинала перевод: «Одновременно для прикрытия флангов пришли в движение с севера и юга части 52-й и 59-й армий». — Б.С.) 24 мая (вероятно, описка, должно быть: 24 июня. — Б.С.) единое руководство 2-й ударной армией стало невозможно и 2-я ударная армия распадается на отдельные группы.

Генерал-лейтенант Власов особенно подчеркивает уничтожающее воздействие немецкой авиации и очень высокие потери, причиненные заградительным огнем артиллерии.

Как полагает генерал-лейтенант Власов, около 3500 раненых из 2-й ударной армии вышли из окружения на востоке вместе с незначительными остатками отдельных частей.

Генерал-лейтенант Власов считает, что около 60 000 человек из 2-й

ударной армии были либо взяты в плен, либо уничтожены (по всей вероятности, Власов имеет в виду потери за март — июнь. Для сравнения: за этот период 18-я немецкая армия потеряла 10 872 человека убитыми и 1487 человек пропавшими без вести, а также 46 473 человека ранеными, а всего 58 832 человека, что меньше, чем одни только безвозвратные потери армии Власова. Немецкие безвозвратные потери оказываются впятеро меньше безвозвратных потерь одной только 2-й ударной армии. А ведь армия Линдемана в это время сражалась и против 52-й и 59-й армий, значительная часть соединений которых тоже оказалась в «котле» и понесла ничуть не меньший урон, чем армия Власова. Кроме того, против 18-й немецкой действовали 4-я и 54-я армии. Можно предположить, что безвозвратные потери этих трех армий были как минимум втрое больше безвозвратных потерь 2-й ударной. — Б.С). О численности частей 52-й и 59-й армий, находившихся в Волховском «котле», он не мог сообщить никаких сведений.

Намерения Волховского фронта.

Волховский фронт хотел вывести 2-ю ударную армию из Волховского «котла» на восток и сконцентрировать ее в районе Малой Вишеры для восстановления, удерживая при этом Волховский плацдарм.

После восстановления 2-й ударной армии планировалось развернуть ее в северной части Волховского плацдарма с тем, чтобы выдвинуться на Чудово со 2-й ударной армией с юга и 54-й и 4-й армиями с севера. В связи с развитием обстановки генерал-лейтенант Власов не верит в осуществление этого плана.

По мнению генерал-лейтенанта Власова, план военного деблокаирования Ленинграда будет продолжать осуществляться.

Реализация этого плана будет существенным образом зависеть от восстановления дивизий Волховского и Ленинградского фронтов и от поступления новых сил.

Власов полагает, что с силами, имеющимися в настоящее время, Волховский и Ленинградский фронты не в состоянии развернуть крупномасштабное наступление в районе Ленинграда. По его мнению, имеющихся сил едва достаточно, чтобы удерживать Волховский фронт и линию между Киришами и Ладожским озером.

Генерал-лейтенант Власов отрицает необходимость комиссаров в Красной Армии. По его мнению, в период после финско-русской войны, когда не было комиссаров, командный состав чувствовал себя лучше.

ЧАСТЬ II

допроса командующего 2-й советско-русской ударной армией генерал-

лейтенанта Власова

Комплектование.

Старшая возрастная группа из числа призванных, известная ему, — 1898 г. р., младшая возрастная группа — 1923 г.р.

Новые формирования.

В феврале, марте и апреле проводилось широкомасштабное развертывание новых полков, дивизий и бригад. Основной район новых формирований должен находиться на юге, на Волге. Он, Власов, плохо ориентируется в новых формированиях внутри России.

Военная промышленность.

В Кузнецкой индустриальной области, на юго-восточном Урале, создана значительная военная промышленность, которая теперь усилена промышленностью, эвакуированной с оккупированных территорий. Здесь есть все главные виды сырья: уголь, руда, металл, но нет нефти. В Сибири могут иметься только небольшие малоиспользуемые месторождения нефти. Производство продукции увеличивается за счет сокращения продолжительности производственного процесса. Мнение Власова таково, что промышленности в Кузнецкой области будет достаточно для обеспечения минимальных потребностей Красной Армии в тяжелом вооружении, даже при потере Донецкой области.

Продовольственное положение.

Продовольственное положение, можно сказать, устойчивое. Полностью нельзя будет обойтись без украинского зерна, однако в Сибири имеются значительные земельные площади, недавно освоенные.

Иностранные поставки.

В газетах уделяется большое внимание поставкам из Англии и Америки. Согласно сообщениям газет якобы поступают вооружение, боеприпасы, танки, самолеты, а также продукты питания в большом количестве. У него в армии были только телефонные аппараты американского производства. Иностранного оружия в своей армии он не видел.

О создании второго фронта в Европе он слышал следующее: в Советской России существует всеобщее мнение, нашедшее также отражение в газетах, что еще в этом году англичане и американцы создадут второй фронт во Франции. Это было якобы твердо обещано Молотову.

Оперативные планы.

Согласно приказу Сталина № 130 от 1 мая немцы должны были быть в течение этого лета окончательно изгнаны из России. Началом большого русского летнего наступления было наступление под Харьковом. С этой

целью большое количество дивизий весной переброшено на юг. Северным фронтом пренебрегли. Этим можно объяснить то, что Волховский фронт не смог получить новых резервов.

Наступление Тимошенко не удалось. Власов, несмотря на это, верит, что, возможно, Жуков начнет среднее или большое наступление от Москвы. У него имеется еще достаточно резервов.

Если бы новая тактика Тимошенко, «эластичная оборона» (вовремя ускользать), была бы применена на Волхове, то он, Власов, вероятно, вышел бы со своей армией из окружения невредимым. Он недостаточно компетентен, чтобы оценить, насколько широко эта тактика может быть применена, несмотря на действующие установки.

По мнению Власова, Тимошенко является во всяком случае наиболее способным руководителем Красной Армии.

На вопрос о значении нашего наступления на Дону он объяснил, что поставки бензина из Закавказья могут иметь для Красной Армии критическое значение, так как замена закавказской нефти едва ли может быть найдена в Сибири. Потребление бензина внутри России уже строго лимитируется.

В общем плане он отмечает, что весьма примечателен тот факт, что он как командующий армией не был информирован об оперативном положении в более широком масштабе; это хранится в таком секрете, что даже командующие армиями не обладают сведениями о планах командования в их собственных зонах ответственности.

Вооружение.

Он не слышал о конструировании сверхтяжелых 100-тонных танков. По его мнению, наилучшим танком является Т-34. 60-тонный КВ, на его взгляд, слишком громоздок, в особенности учитывая, что его броневая защита нуждается в усилении.

Родственники перебежчиков.

В принципе их в России перестали расстреливать, за исключением родственников перебежавших командиров. (Здесь Власов намеренно или случайно дезинформировал немцев. Приказ № 270 Ставки Верховного главнокомандования от 16 августа 1941 г. предусматривал только арест семей перебежчиков, то есть тех, кто добровольно сдается врагу, да и то лишь в случае, если перебежчики являются командирами или комиссарами. Правда, Г.К. Жуков, в бытность его командующим Ленинградским фронтом, направил шифрограмму № 4976 от 28 сентября 1941 г. Политуправлению Балтийского флота: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из

плена они также будут все расстреляны». Вряд ли эта угроза не доводилась до сведения и военнослужащих на Ленинградском фронте. Однако она имела только пропагандистское значение. На практике расстреливать семьи перебежчиков у Жукова руки были коротки. Ведь казнями занималось НКВД, а оно руководствовалось приказом № 270, столь суровых репрессий не предусматривавшим. Власов мог что-то слышать о жуковском приказе, формально отмененном как незаконный только в феврале 1942 г. Возможно, он знал и о телефонограмме Сталина военному совету Ленинградского фронта от 21 сентября 1941 г., в которой вождь потребовал, не колеблясь, применять оружие против женщин, стариков и детей, которых немцы будто бы посылали к передовым линиям советских войск, чтобы уговорить их сдаться. Впрочем, там ничего не говорилось о возможном расстреле семей перебежчиков. Не исключено, что бывший командующий 2-й ударной армией уже подумывал поступить на службу к немцам и набивал себе цену: мол, мне тогда придется рисковать жизнью родных и близких. — Б.С.).

Отношение к русским военнопленным в Германии.

Люди не верят, будто бы русских военнопленных в Германии расстреливают. Распространяются слухи, что под влиянием фюрера отношение к русским военнопленным в последнее время улучшилось.

Ленинград.

Эвакуация Ленинграда продолжается днем и ночью. Город будет удерживаться военными средствами при любых обстоятельствах из соображений престижа.

Персональная информация.

Уже около трех месяцев генерал-полковник Василевский занимает должность начальника Генерального штаба Красной Армии.

Маршал Шапошников ушел с этого поста по состоянию здоровья.

Маршал Кулик более не командует. Он был лишен маршальского звания.

Маршал Буденный, по неподтвержденной информации, получил новое назначение — формировать новые соединения в армейском тылу.

Ворошилов — член Высшего военного совета в Москве. Он больше не имеет войск под своим командованием».

Комментарий-послесловие

В принципе нельзя сказать, что допрос экс-командарма помог немцам получить какие-то особо ценные сведения. С 24 июня, когда была потеряна связь со штабом фронта, и до момента пленения 12 июля Власов не имел никакой информации о положении войск. Не случайно перечисленные генералом соединения 2-й ударной даже не занесены в протокол: немецкая

разведка их давно уже выявила.

Не представляли интереса для противника и характеристики тех или иных советских военачальников. Что проку от того, что Мерецков — «очень нервная, рассеянная личность» (будешь нервным после того, как провел несколько месяцев в гостях у Берии)? И какую пользу принесло германскому командованию сообщение о том, что командарм-52 Яковлев сильно пьет? Все равно атаку на позиции этой армии под запой ее командующего не подгадаешь. А сведения о ленд-лизе и сроках открытия второго фронта, изложенные Власовым, были на уровне слухов.

Зато историки Великой Отечественной, полагаю, должны обратить внимание на анализ Любаньской операции. Власов главную вину за ее неудачу возлагал на командование фронта и соседних армий. Причем определенные резоны в показаниях пленного генерала имеются. Ведь отсутствие взаимодействия между 2-й ударной и армиями, пытавшимися ее вызволить, то, что Власову не были подчинены дивизии соседних объединений, оказавшиеся вместе с ним в «котле», — вина фронтового командования. И Сталин как будто не предъявлял обвинения командарму в окружении возглавляемой им армии, поскольку последовательно снял с должности командующего фронтом Мерецкова и Хозина именно за неказание помощи Власову. Провал же снабжения 2-й ударной, на что указывал Власов как на одну из основных причин разгрома, был предопределен слабостью советской транспортной авиации.

Любопытно, что Власов ставил Тимошенко как полководца выше Жукова, хотя именно под началом последнего генералу удалось достичь наибольших успехов. Вероятно, Андрею Андреевичу более импонировала «эластичная оборона» Тимошенко, во многом спасшая Красную Армию в период реализации плана «Блау», чем жуковское стремление наступать любой ценой. Не исключено, что у Власова с Жуковым произошел какой-то конфликт и Георгий Константинович постарался сплавить строптивного командарма на Волховский фронт.

Думаю, Власов ничего не скрывал от немцев и рассказывал противнику все, что знал или слышал. Однако ничего, кроме показаний о расстрелах семей командиров-перебежчиков, не указывало на возможность его перехода на службу к врагу. Этим Андрей Андреевич существенно отличался, например, от взятого в плен под Вязьмой генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, который на первом же допросе у командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока 14 декабря 1941 г. предложил сформировать антибольшевистское правительство в России, которое «может стать новой надеждой для народа». От участия коллаборациониста

Михаила Федоровича спасло то, что фон Бок был скоро снят со своего поста и не смог что-либо предпринять для поддержки инициативы командарма-19. Власов же, как известно, кончил жизнь на виселице».

**ИЗ ПРОТЕСТА (В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА) ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ —
ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА (№ 7У — 37604–42) ПО
УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ВЛАСОВА А.А.,
ЖИЛЕНКОВА Г.Н., МАЛЫШКИНА В.Ф., ТРУХИНА Ф.И.,
БЛАГОВЕЩЕНСКОГО И.А., ЗАКУТНОГО Д.Е., МЕАНДРОВА М.А.,
МАЛЬЦЕВА В.И., БУНЯЧЕНКО С.К., ЗВЕРЕВА Г.А., КОРБУКОВА
В.Д. И ШАТОВА И.С.**

«Преступная деятельность Власова А.А., Жиленкова Г.М., Малышкина В.Ф., Трухина Ф.И., Благовещенского И.А., Закутного Д.Е., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова И.С. в совершении инкриминированных им предварительным следствием и судом преступных деяний подтверждается другими свидетельскими показаниями, а также многочисленными обращениями, докладными записками, учебными программами, наставлениями, антисоветскими газетами, журналами и брошюрами с призывами к вооруженной борьбе с Советским Союзом, различными соглашениями, телеграммами, другими вещественными доказательствами, сгруппированными в томах 7, 8, 9 и 27 настоящего уголовного дела.

В частности, протоколом допроса Власова немцами после его добровольной сдачи в плен (т. 7, л.д. 23–32, 34–43); обращением Власова к командирам Красной Армии и советской интеллигенции с призывом к борьбе против Советской власти от 10 сентября 1942 г. (т. 7, л.д. 66); обращением «Русского комитета», подписанным Власовым и Малышкиным, призывающим бойцов и командиров Красной Армии к борьбе против Советской власти от 27 декабря 1942 г. (т. 7, л.д. 68); докладной запиской Трухина командованию германской армии с указанием на необходимость формирования «РОА» и предложением своих услуг в борьбе против Советской власти (т. 8, л.д. 10–14, 15–18); учебной программой по подготовке агентуры для диверсионно-повстанческой и террористической деятельности на территории Советского Союза, составленной по указанию Трухина в апреле 1945г (т. 8, л.д. 20–22); материалами для пропагандистов с изложением методов «подрывной работы большевистской агентуры в рядах ВС «КОНРа» (т. 27, л.д. 131, 132, 133–135); антисоветскими газетами, журналами и брошюрами с призывами

к вооруженной борьбе с Советским Союзом (т. 9, 50 изданий); временным наставлением по полевой службе штабов ВС «КОНРа» (т. 27, л.д. 15–123); соглашением между председателем «Комитета освобождения народов России» генерал-лейтенантом Власовым А.А. и правительством Великогермании о предоставлении в распоряжение «КОНРа» «необходимых для освободительной борьбы против совместного врага — большевизма денежных средств в форме кредита» от 18 января 1945 г. (т. 7, л.д. 16–17); телеграммой Гимmlера Власову о назначении последнего Гитлером верховным главнокомандующим «РОА» (т. 7, л.д. 12–13) и другими.

Таким образом, бесспорно установлено, что Власов А.А., Жиленков Г.Н., Малышкин В.Ф., Трухин Ф.И., Благовещенский И.А., Закутный Д.Е., Меандров М.А., Мальцев В.И., Буняченко С.К., Зверев Г.А., Корбуков В.Д. и Шагов Н.С., являясь военнослужащими Красной Армии, будучи антисоветски настроенными, нарушив в первые годы Великой Отечественной войны воинскую присягу, изменили Родине и в разное время добровольно перешли на сторону фашистской Германии, то есть на сторону врага.

Находясь на стороне врага, они по заданию руководителей немецко-фашистского правительства и верховного командования вооруженными силами фашистской Германии на протяжении 1941—1943 гг. проводили ярую изменническую деятельность, направленную на вооруженную борьбу против Советского Союза, а 14 ноября 1944 г. вошли в созданный Гимmlером так называемый «Комитет освобождения народов России» («КОНР») и по заданию германской разведки создали из числа изменников Родины, белоэмигрантов, националистов и другого антисоветского контингента вооруженные воинские формирования, объединили их, назвав Русской освободительной армией (РОА). Они также организовали шпионаж и диверсии в тылу советских войск, убийства офицеров и солдат Красной Армии, участвовали в них, тщательно готовили совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти, руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Их преступные действия носили согласованный и совместный характер, были объединены единым умыслом и достижением единого преступного результата — свержения при помощи фашистской Германии и ее вооруженных сил Советского правительства, ликвидации социалистического строя и установлении на территории Советского Союза фашистского государства.

Все они осуществляли организационную деятельность, направленную

к подготовке и совершению инкриминированных им деяний, участвовали в организации, образованной для подготовки и совершения этих общественно опасных контрреволюционных преступлений, что повлекло за собой тягчайшие последствия — умышленное уничтожение советских граждан, ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости и неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной и государственной тайны и переход на сторону врага, а также подрыв и ослабление власти Рабоче-Крестьянских Советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР и автономных республик, подрыв и ослабление внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции, а также причинило непоправимый ущерб международному авторитету Советского государства и национальной безопасности, промышленности и сельскому хозяйству, противодействовало нормальной деятельности учреждений и организаций, то есть все они без исключения совершили преступления, предусмотренные ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников», ст. 58–1 «б», 58–8, 58–9, 58–10, ч. 2 и 58–11 УК РСФСР.

Вина всех осужденных по настоящему уголовному делу лиц в инкриминированных им предварительным следствием и судом преступлениях доказана, мера наказания избрана и применена в соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенных преступлений, осуждены они законно и обоснованно, а поэтому реабилитированы быть не могут.

Вместе с тем, в соответствии с п. «а» ст. 5 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» антисоветская агитация и пропаганда, предусмотренные ст. 58–10 УК РСФСР, признаются не содержащими общественной опасности деяниями и лица, осужденные за них, реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения, в связи с чем уголовное дело в отношении всех осужденных по нему лиц в данной части подлежит прекращению на основании ст. 5, ч. 1, п. 2 УПК РСФСР, то есть за отсутствием в деянии состава преступления.

На основании изложенного, руководствуясь ч. 2 ст. 36 Федерального

закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 4, 5, 8 и 9 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», ст. 371 и ч. 1 ст. 376 УПК РСФСР, —

ПРОШУ:

Приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 1 августа 1946 г. в отношении Власова Андрея Андреевича, Жиленкова Георгия Николаевича, Малышкина Василия Федоровича, Трухина Федора Ивановича, Благовещенского Ивана Алексеевича, Закутного Дмитрия Ефимовича, Меандрова Михаила Алексеевича, Мальцева Виктора Ивановича, Буняченко Сергея Кузьмича, Зверева Григория Александровича, Корбукова Владимира Денисовича и Шатова Николая Степановича изменить:

в части осуждения Власова А.А., Жиленкова Г.Н., Малышкина В.Ф., Трухина Ф.И., Благовещенского И.А., Закутного Д.Е., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова Н.С. по ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР приговор отменить и дело в этой части прекратить на основании ст. 5, ч. 1, п. 2 УПК РСФСР, то есть за отсутствием в деянии состава преступления;

считать Власова А.А., Жиленкова Г.Н., Малышкина В.Ф., Трухина Ф.И., Благовещенского И.А., Закутного Д.Е., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова Н.С. осужденными по совокупности совершенных ими преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. ист. 58–1 «б», 58–8, 58–9 и 58–11 УК РСФСР (в редакции 1926 г.), и признать их не подлежащими реабилитации.

В остальной части приговор оставить без изменения.

Генерал-полковник юстиции М.К. Кислицын.

СПРАВКА: Уголовное дело пересматривается в связи с обращением Общероссийского политического общества движения «За веру и Отечество», в лице главы движения иеромонаха Никона (Белавенец). После пересмотра уголовное дело подлежит возврату в ЦА ФСБ России. Гуганов В.А.»

КОММЕНТАРИЙ ПОЛКОВНИКА ЮСТИЦИИ В.Ф. АЛИФЕРОВЦА ПРИГОВОРА ОТ 1 АВГУСТА 1946 ГОДА ПО ДЕЛУ БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А.А. ВЛАСОВА И ДРУГИХ

«С точки зрения общепринятой теории права, судебное разбирательство по делу Власова и других бывших советских военачальников, несомненно, проведено с грубейшим нарушением правовых норм, без соблюдения всех необходимых процедур, в т.ч. с игнорированием стадии судебного следствия, без участия защитников и прокурора. В этом смысле процесс над власовцами ничем не отличался от других аналогичных судебных процессов того времени, когда речь шла о привлечении к уголовной ответственности по небезызвестной 58 статье УК РСФСР. Сегодня, наверное, любому, даже очень далёкому от вопросов юриспруденции человеку, известно, что в те годы никакой состязательности и равенства сторон в судебном уголовном процессе не было, да и не могло быть по определению, в силу существовавшего в стране политического режима. Суд в подобных случаях руководствовался не стремлением к установлению истины, а указаниями лиц высших партийных органов и руководителей репрессивного аппарата. В данном случае, как это усматривается из документов служебной переписки, суд руководствовался указаниями Сталина и Абакумова.

Собственно говоря, приговор по делу был вынесен ещё за неделю до начала судебного заседания. Это было сделано 23 июля 1946 г. на заседании Политбюро во главе со Сталиным. В его решении были чётко назначены и определены как сроки и форма предстоящего процесса, так и мера наказания всем подсудимым.

К слову сказать, советское уголовно-процессуальное законодательство того времени не было ориентировано на правовые системы наиболее развитых, демократических и цивилизованных стран. Поэтому в соответствии с отечественным Уголовно-процессуальным кодексом вполне допустимым было то, что суд, например, мог при рассмотрении дел о «контрреволюционных преступлениях» признать доказательствами протоколы допросов лиц, произведённых в ходе предварительного расследования, без их проверки в судебном заседании и даже без их оглашения. Свидетели по усмотрению суда могли вообще не вызываться и не допрашиваться. Таков был закон.

Вероятнее всего, что и методы, какими допрашивались обвиняемые по этому делу, были не самыми гуманными. Тем более, если принять во внимание то, что многие из оперуполномоченных и сотрудников следственного отдела ГУКР «СМЕРШ», принимавших участие в расследовании уголовного дела, впоследствии были досрочно уволены из органов за нарушения социалистической законности, в т.ч. за применение пыток и истязаний, а кое-кто осуждён и даже расстрелян во главе с самим министром госбезопасности Абакумовым В.С.

Вместе с тем, бесспорно, что Власов А.А. и его соратники по службе в стане врага заслуженно осуждены по инкриминируемым им статьям Уголовного кодекса. Их вина в совершении предательства и измены Родине совершенно очевидна и ни у кого не вызывает сомнений. Доказательств тому превеликое множество, хоть они и не были должным образом и в полном объёме исследованы в суде. В связи с этим, назвать процесс над власовцами политическим (а кое-кто сегодня придерживается и такой точки зрения), а приговор в отношении них несправедливым было бы, по меньшей мере, кощунственным. Они получили то, что заслужили».

К сожалению, не все понимают разницу между судом законным и справедливым.

Суд законный должен быть справедливым, правильным, обоснованным. Суд же справедливый может быть только беспристрастным в соответствии с истиной.

Следовательно, даже если суд над Власовым и его подельниками не признать законным, то не признать справедливым его невозможно».

ДОКУМЕНТ

«Государственный Комитет Обороны Постановление от 18 августа 1945 г. №ГКО-9871сс

О НАПРАВЛЕНИИ НА РАБОТУ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ НЕМЕЦКОГО ПЛЕНА, И РЕПАТРИАНТОВ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА В целях оказания неотложной помощи рабочей силой предприятиям угольной промышленности, черной металлургии и лесозаготовкам Наркомлеса СССР в районах Камского бассейна Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Разрешить НКО СССР во изменение порядка, установленного Постановлением ГОКО от 4 ноября 1944 г. № 6884с, направить для работы на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовки Наркомлеса СССР в районы Камского бассейна военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, прошедших предварительную регистрацию; репатрируемых советских граждан, признанных по состоянию здоровья годными к военной службе и подлежащих по закону мобилизации в Красную Армию.

2. Обязать НКО СССР (т. Смородинова) в соответствии с пунктом 1 настоящего постановления направить до 1 ноября 1945 г. 360 тыс. человек.

3. Организацию в батальоны бывших военнопленных и военнообязанных и направление их в промышленность возложить на НКО СССР.

4. Всех выявленных при регистрации и последующей проверки органами НКВД, НКГБ и СМЕРШ НКО среди бывших военнопленных и военнообязанных лиц, служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, «власовцев» и полицейских в батальоны не включать и передавать Наркомвнугделу для расселения и использования на работах в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД СССР, Печорском угольном бассейне, а также на лесозаготовках в верховьях р. Камы Молотовской области.

Установить, что предусмотренные настоящим пунктом спецконтингенты расселяются в указанных выше районах на положении спецпереселенцев и обязаны отработать на предприятиях 6 лет.

Разрешить НКВД СССР желающим из них выписывать семьи для

совместного проживания, оказывая содействие семьям спецпереселенцев в переезде к месту работы главы семьи и устройству на месте.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин»

(РГАСПИ. Оп. 1. Ф. 644. Д. 457. Л. 194–198,199–202).

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ Ю.Н. АРЗАМАСКИНА «ЗАЛОЖНИКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В 1944–1953 гг.» (М.,2001)

«Что касается судьбы рядовых участников восточных формирований и «добровольцев», то согласно двум общим директивам начальника Тыла Красной Армии и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 18 января 1945 г. все военнопленные офицеры, а также прочие военнопленные и гражданские лица, служившие в составе строевых немецких спецформирований, восточных частей и РОА, полицейские и «прочие подозрительные» подлежали в обязательном порядке направлению в распоряжение НКВД. Они составили так называемый «спецконтингент». По составу власовцы распределялись на служивших (как правило, рядовыми) в армиях фашистской Германии и ее союзников, в восточных воинских формированиях и РОА, в полиции, в органах оккупационной администрации и т.д. К ним причисляли также побывавших в плену советских офицеров, которым за сам факт попадания живым в плен было установлено наказание в виде спецпоселения. Всем было предписано трудоустройство на угольных шахтах и лесоразработках. Расселили власовцев широко. Особенно многочисленные контингенты были в Таджикской ССР, Якутской АССР, Красноярском крае, на Крайнем Севере, Пермской, Иркутской, Кемеровской и Магаданской областях. В марте 1949 г. почти половину контингента (47,4%) власовцев составляли русские, еще 19,8% приходилось на украинцев. Преобладающей социальной группой были рабочие — 94,7%, еще 4,4% приходилось на служащих. Из общего числа спецпоселенцев-власовцев (112 882 человека) — 83 597 человек ранее служили в Красной Армии (2433 — офицерский состав, 9558 — сержантский, 71 606 — рядовой состав). Согласно А.А. Шевякову, в распоряжение НКВД на 1 марта 1946 г. было передано 338 107 человек «спецконтингента» (6,5% от 5 229 160 человек учтенных к этому времени репатриантов), из них 283 092 человека являлись власовцами. В течение 1946–1947 гг. на спецпоселение поступило в общей сложности 148 079 власовцев, которым, как изменникам Родины, по законам СССР полагалось одно наказание — расстрел с конфискацией имущества. Однако в связи с победой в Великой Отечественной войне к ним было проявлено большое снисхождение — освобождение от названной уголовной ответственности,

замена ее на спецпоселение сроком на 6 лет. Все зачисленные в «спецконтингент» сводились в особые рабочие батальоны НКВД и в принудительном порядке направлялись в отдаленные районы страны на постоянную работу на предприятиях лесной и угольной промышленности.

Например, нарком угольной промышленности СССР, добившийся выхода Постановления СНК СССР №3141–950сс от 21 декабря 1945 г. о передаче в постоянные кадры Нарком-угля «спецконтингента» репатриантов, закрепил власовцев, легионеров и полицейских, находившихся в ПФЛ НКВД и в рабочих батальонах, в Кузнецком, Кизеловском и Карагандинском угольных бассейнах, в Красноярском крае, Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР, сроком на 6 лет для работ в угольной промышленности, с оставлением их на положении спецпоселенцев в указанных районах.

Их учет, административный надзор за ними, согласно приказу НКВД № 0027 от 10 января 1946 г., возлагались на отдел спецпоселений, районные и спецкомендатуры НКВД. Передача в постоянные кадры промышленности лишала права спецпоселенцев изменять место работы и место жительства, а содержание на оперативном учете фактически являлось формой лишения свободы. Власовцам разрешался вызов их семей, причем члены семей на учет спецпоселений не ставились и обеспечивались жильем за счет предприятий. Взамен паспортов спецпоселенцам-власовцам полагались временные удостоверения с отметкой «без права выезда с места поселения», а взамен воинских билетов выдавались справки установленного образца. За самовольную отлучку или побег с места поселения, согласно Постановлению СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г., власовцы несли уголовную, а коменданты спецкомендатур — персональную административную ответственность. К марту 1949 г. число власовцев заметно сократилось — до 112 882 человек, без арестованных и бежавших, а к 1 января 1953 г., после массового освобождения власовцев, их на учете состояло всего 56 746 человек, из которых в наличии было только 39 872 человека. Больше всего на этот момент их насчитывалось в Кемеровской области (5101 человек), Красноярском крае (4347 человек) а также в Коми АССР (2540 человек). В 1951–1952 гг., когда 6-летние сроки для власовцев истекали, часть их потихоньку начали определять в тех же местах, но уже на вечное поселение.

Положение изменилось только через два с лишним года после смерти И.В. Сталина и спустя 10 лет после победы в войне. 17 сентября 1955 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии

советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Этим Указом освобождались из мест заключения и от других видов наказаний лица, осужденные на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершенные в 1941–1945 гг. преступления, которые соответствующие статьи Уголовного кодекса формулировали как измена Родине, сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или его отдельными представителями, шпионаж, антисоветская агитация или пропаганда, недоносительство и др. Лицам, осужденным за те же преступления на срок свыше 10 лет, срок сокращался наполовину. Из мест заключения должны были вернуться лица, осужденные за службу в немецкой армии, полиции, специальных немецких формированиях, независимо от срока наказания. Освобождались также от дальнейшего отбывания наказания лица, направленные за эти преступления в ссылку.

Предлагалось снять судимость и поражение в правах с лиц, освобожденных от наказания по этому Указу, и с лиц, судимых ранее и отбывших наказание за названные выше преступления. Кроме того, Указ «предусматривал освобождение от ответственности находившихся за границей советских граждан, которые во время войны сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, а также тех, кто занимал во время войны руководящие должности в полиции, жандармерии и органах пропаганды, при условии, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью и явились с повинной. Явка с повинной рассматривалась как смягчающее обстоятельство и в отношении тех, кто совершил тяжкие преступления. В этих случаях наказание не должно было превышать пять лет ссылки. Амнистии не подлежали только бывшие каратели, осужденные за убийство».

**КУДА ДЕЛИСЬ ВЛАСОВЦЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ (Ю.Ф. Сорокин.
Дуэль. 2005. № 33)**

«В августе 1948 г. моя мама завербовалась на угольные шахты Кузбасса, и мы с ней оказались в городе Прокопьевске. Ехало туда нас много, в двух вагонах. В одном вагоне ехали семейные с детьми и скарбом, в другом — только что демобилизованные фронтовики. От Казани до Прокопьевска мы ехали двадцать суток, и, казалось бы, не до веселья, а вот в их вагоне всю дорогу было весело — это они отряхивались от тяжелого прошлого. Но никто из них и предположить не мог, что тени прошлого, тени их смертельных врагов, власовцев, снова забежали им наперед. И им, бывшим врагам, убивавшим друг друга, суждено было встретиться вновь. И не только встретиться, но и жить вместе, работать вместе, делить горе и радость, выручать друг друга из беды, подвергать себя опасности, спасая, быть может того, кто когда-то в тебя стрелял и лишь по случайности не попал. И даже... породниться.

Привезли нас на шахту им. Кагановича и поселили на окраине города, на пяточке из десяти бараков и двух овощехранилищ. Место это называли «зоной». Что такое «зона», всяк, думаю, знает. Но здесь и в помине не было никаких атрибутов мест заключения — заборов с колючей проволокой, вышек с часовыми. Стояли лишь десяток бараков и два овощехранилища. Кругом были четырехквартирные (их теперь называют «коттеджами») домики шахтеров с большими огородами.

Отчего же это место называли «зоной»? Дело было так. После окончания войны всех власовцев, как известно, вернули в Союз. Их было много тысяч — здоровых, полных сил мужчин. Их, только что с оружием в руках воевавших против своей родины, вместе с чужеземными завоевателями разрушавших, сжигавших свои города и села, убивавших своих сограждан более изощренно, чем немцы, тоже привезли в Кузбасс для работ на угольных коях, но на год раньше нас.

На шахтах, где начали работать мои земляки-волжане, власовцев было, я думаю, более тысячи. До нашего приезда все они жили в бараках, компактно. Строились эти бараки специально к их приезду, и строительный объект условно называли «зоной». Ведь никто не знал тогда, как будут содержаться эти предатели. Все предполагали, что зона будет со строгой охраной. Ведь сюда везли изменников Родины. Зоны как таковой не

получилось, а вот название так и прилипло к этому месту навсегда.

Жили власовцы по тем временам с излишествами, по два-три человека в комнате 12–15 кв. метров. После нашего приезда их уплотнили — один барак отдали нам. Жизнь предателей абсолютно ничем не отличалась от нашей жизни. Работали они, как и все, в зависимости от состояния своего здоровья, кто под землей, кто на поверхности... Продуктовые карточки у нас были одинаковые, зарплата — по труду, нормы выработки и расценки были едиными для всех работающих. Власовцы свободно передвигались по городу, при желании могли съездить в соседний город, сходить в тайгу или за город отдохнуть. Единственное, что их отличало от других (и то лишь сначала) — они были обязаны в неделю раз, потом — в месяц раз отмечаться в комендатуре. Через некоторое время и это отменили.

Власовцы могли обзаводиться семьями. Холостякам разрешалось вступать в брак (значит, они были полноправными, свободными жителями страны), а женившимся до войны — вызывать к себе семьи. Помню, как в наших бараках стало тесно и во дворах зазвенели детские голоса с говором ставропольских, краснодарских, донских жителей. Да и не только их.

Трудно жилось всем. Но все дети учились. Власть открыли в околотке ещё одну школу дополнительно. Я тоже учился в этой школе и свидетельствую, что дискриминация по отношению к кому бы то ни было начисто отсутствовала. Не было такого, чтобы кто-то из детей дразнил другого происхождением, материальным достатком или же прошлым родителей. Я никогда не слышал, чтобы взрослые кричали друг на друга: «Власовец! Бандеровец! Кулак! Немец!» (Немцев привезли в Прокопьевск ещё во время войны, бандеровцев — в 1947 г., а кулаков аж в 30-х гг.).

За пять лет совместной жизни с власовцами (мама вышла замуж за одного из них), я не знал случая дискриминации к ним со стороны властей и героев войны. На одной шахте, на одном участке, в одном забое работали рука об руку, плечом к плечу и друзья, и непримиримые когда-то враги.

Гибли ли власовцы? Да, гибли. Гора есть гора. Она не разбирает — кто герой, а кто мерзавец. Гибли и те, и другие. Если уж говорить начистоту, то героев гибло больше. Ведь они лезли в самую пасть смерти, стремясь выполнить и перевыполнить план, перекрыть нормы выработки, тогда как власовцы осторожничали, не рисковали, от опасных работ отлынивали. Хотя на Доске почета иногда красовались и портреты власовцев.

Было ли насилие? Было. Детей заставляли учиться, взрослых — работать, требуя при этом добросовестной работы. Наказывали за проявление иждивенчества (почему одни должны жить за счет других?) и поощряли отличный труд (поощрение — тоже насилие, так как заставляет

человека подтягиваться до уровня лучших). Такое насилие для нынешних трудящихся — голубая мечта.

...В бараках стало тесно. Наплыв семей власовцев усугубил проблему жилья. Стране было не до того, до начала массового строительства жилья было еще далеко. Как же решалась проблема? Самым смешным образом. Наши бараки стояли на самой окраине города, дальше было голое поле. Это поле за два года полностью застроилось домиками. Образовалось несколько улиц, и «зона» превратилась в большой рабочий поселок. Строительные материалы нигде не продавались, а домики все росли и росли.

За этим стояло разграбление лесных складов шахт. По ночам эти склады кишели расхитителями. Тащили все, что можно было унести одному и вдвоём на плечах. Днем рудничные стояки превращались в столбы, плахи — в стены домиков. И не один представитель правоохранительных органов не поинтересовался этим явлением. Можно было в любое время подойти к застройщику и спросить «откуда дровишки?». Но никто не подходил. Если в описываемое мною время не было еще известно, подпадет ли тот или иной власовец под статью «Измена Родине», то под статью «Расхищение госсобственности» мог попасть любой из них. Думаю, что карательные органы умышленно закрывали глаза на эти нарушения закона. Сегодня, анализируя такого рода «упущения» органов правопорядка, можно сказать, что власовцы тогда были под крылом отца нынешних либеральных демократов Л. Берии. Так что каждый старательный власовец жил в своём доме вместе со своей семьёй, да к тому же имел ещё огород и скотину. Это уже по тем временам — признак сытой и спокойной жизни».

**СОКРАЩЕННЫЙ ВАРИАНТ ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ Г.Х. ПОПОВА
«ВЫЗЫВАЮ ДУХ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА» (А. Меленберг // Новая
газета от 10.09.2007)**

«Глава 12. Суд Истории

Г.Х. Андрей Андреевич! Суд Сталина вы в основном выиграли.

Это доказывается тем, что Сталин был вынужден сделать суд закрытым — чуть ли не впервые в советской истории.

И тем, что суду не удалось согласовать вашу измену и отношение к вам Гитлера и США.

И, наконец, вашим поведением на суде, когда вы прямо взяли на себя полную ответственность за лидерство во всем антисталинском движении.

В общем, в историю России вы вошли.

Но вот прошло более 60 лет. Все эти 60 лет вершится другой суд — суд Истории. Вершится сейчас. Будет вершиться. Как однажды написал Твардовский — «и длится суд десятилетий, и не видать ему конца». Что вы сами считали бы важным для этого суда Истории?

А.А. Для меня, с моей точки зрения, важны такие моменты:

— очищение истории от несуразностей, неясностей, нестыковок и прежде всего явного вранья;

— восстановление правды, особенно фактов, так как интерпретации фактов всегда были и будут различными;

— оценка для меня главного: было ли стратегическое решение начать борьбу со Сталиным правильным вообще и во время войны в частности;

— были ли правильными избранные мною тактики реализации антисталинской стратегии;

— оценка выдвинутой мною в пражском Манифесте модели преодоления социализма. И как идеи модели для всех, кто хочет выйти из социализма. И конкретно для России, для СССР;

— какой реабилитации я хотел бы и от кого в современной России.

Г.Х. Я бы от себя добавил вопрос о соотношении вашей программы и программы демократической России в антисоциалистической революции 1989–1991 гг.

Перейдем к вашим соображениям по всем этим вопросам.

А.А. Прежде всего о лжи. Чего только не нагородили и историки, и общественное мнение под влиянием пропаганды.

Вранье, что я сдал всю Вторую ударную армию немцам. Армия оказалась в котле и держалась в нем до конца по приказу Ставки. Нам разрешили выходить тогда, когда не менее половины армии погибло. Четверть армии вышла из окружения. И только четверть армии попала в плен. Сами. Без моего участия. Я сдал только себя.

Вранье, что главную массу пленных русских составляли части Второй ударной. Это была крупная группировка. Но среди миллионов военнопленных она не могла составлять и сотой части.

Вранье, что главную часть формируемой мною Русской освободительной армии составляли части бывшей Второй ударной. Конечно, те из пленных, кто меня знал как командующего в Красной Армии, охотнее вступали в РОА. Но они не составляли и половины РОА.

Вранье, что в РОА военнопленных заставляли вступать чуть ли не под угрозой расстрела.

Да, перспектива гибели в лагерях заставила многих подать заявление о вступлении в РОА. Но я хотел иметь в РОА только тех, кто готов бороться против Сталина. Мне не нужна была армия, в составе которой будут те, кто готов бежать из нее и подорвать саму идею РОА.

Подавляющая часть РОА — те, кто добровольно и сознательно сделал свой выбор.

Вранье и то, что власовская РОА — власовцы — составляли основную часть русских, помогавших вермахту. Не менее миллиона было таких. А власовцев — пара десятков тысяч. Миф о власовцах как главной силе при немцах понадобился для того, чтобы уйти от того факта, что и без меня сотни тысяч русских избрали путь борьбы со Сталиным.

Теперь о фактах. Надо сказать правду о том, когда мы реально воевали с Красной Армией.

Да, мы были готовы к борьбе. Но на самом деле имело место всего лишь несколько боевых эпизодов при участии первой дивизии РОА. Во всех других случаях РОА приписывают действия других русских формирований, казачьих в том числе.

Нужна правда о том, что нас в вермахте поддерживали не гитлеровцы. Гиммлер изменил отношение к нам летом 1944 г., а Гитлер до последней минуты считал меня опасным.

Нужна правда о том, что прежде всего нашими покровителями в вермахте были те, кто, подобно графу Штауфенбергу, составил заговор против Гитлера. И если нас не привлекли к суду над его участниками, то только благодаря тому, что никто из них под зверскими пытками ничего не сказал об их переговорах с нами.

Ну, а в ряде частных случаев надо правдиво подавать правду. Я, действительно, за годы войны жил с тремя женщинами. Но подавать этот факт как признак моего разложения и готовности к предательству могут только подкупленные пропагандисты, которые не хотят вспомнить, что чуть ли не все генералы и маршалы Красной Армии — начиная с самого Жукова — открыто жили с ППЖ — походными полевыми женами.

Такого рода «правдами» особенно грешат публикации послевоенной эпохи. Теперь о главном. Было ли мое стратегическое решение о борьбе со Сталиным как главной цели моей жизни правильным? Я уверен, что да. К концу тридцатых годов сталинский социализм был построен. И дело не в том, какую ужасную цену заплатила страна за него. Важно другое. Что ждет страну при нем дальше — вот это было очевидным. Эмиграция выход видела в реставрации старого. Троцкий и оппозиция в партии выход искали в замене вождя и его клана. А я думал о преодолении именно этого социализма.

Было ли правильным мое отношение к Сталину в годы войны? Я напомним, что вначале я хотел ему помочь отбиться от Гитлера и затем подтолкнуть к реформам. Но несколько первых же личных встреч убедили меня, что великий тактик в текущих делах является великим догматиком в главном — в курсе на мировую революцию. И как Сталин пойдет на реформы после войны, если он не предлагает их сейчас, когда враг у Москвы, когда его решение о роспуске колхозов и возврате крестьянам земли подняло бы на борьбу миллионы?!

И я сделал вывод: или надо вообще отказаться от идеи борьбы со Сталиным, или эту борьбу надо начать сейчас.

Так родилась идея о правительстве в Ленинграде.

Все другие тактики были определены нереальностью борьбы со Сталиным внутри СССР.

Говоря о суде Истории, я бы на первое место поставил ту модель послесталинской России, которую мы представили в пражском Манифесте. Многие из того, что содержится в нем, стало яснее в свете прошедших десятилетий.

Это было второе, после «нового курса» Рузвельта, более полное и более развернутое видение основ нового строя — некапиталистического и несоциалистического. Вы его сейчас называете постиндустриальным.

Мы, конечно, опирались и на демократические идеи Февральской революции 1917 г. и народные начала Октябрьской революции 1917 г. Но мы уже имели опыт сталинского социализма. Опыт национал-социализма Гитлера и Муссолини. Опыт грандиозного кризиса капитализма 1929 г.

Опыт «нового курса» Рузвельта. И мы понимали, что надо отобрать из всего прошлого самое приемлемое и отказаться от негодного. По существу, то, что мы оставили в своем Манифесте, — это основы нового строя. Суть его — интеграция лучшего из государственного социализма и лучшего из частного предпринимательства. И частная инициатива, и активная роль государства. Все это можно увидеть, прочитав наш Манифест.

То, что этот Манифест не использовало демократическое движение в России, непростительно.

Кстати, ярые нацисты вокруг Гитлера обвиняли наш Манифест именно в том, что он не следует фундаментальным идеям национал-социализма. Ну, а та часть русской послереволюционной эмиграции, которая видела в нас «бывших красных командиров», получила новое подтверждение своей позиции.

Для будущего России национальный вопрос столь же важен, как и социальный. При самых правильных социальных решениях Россия не сохранится как единое государство без правильного подхода к национальному вопросу.

И тут наш опыт очень поучителен.

Нам не удалось объединить всех противников Сталина. Национальные движения распались на два направления: большинство, возглавляемое сепаратистами, сторонниками полного выхода из России, и меньшинство, видящее себя в будущей демократической России. Скажем, Краснов категорически выступал за «Казакую». А вот Шкуро считал, что будущее казаков в России. Кстати, возможно, в том числе, не желая сообщать о самом этом споре, Сталин решил сделать и их процесс закрытым.

Мы выступали и за целостность России, и за право ее народов на самоопределение.

Но самоопределение не во время выхода из социализма. Не во время борьбы за новое. Мы предлагали, как временное решение, сохранить Российскую Федерацию (вместо СССР). И все дележи осуществить путем референдума потом, когда мы победим. А пока все силы надо собрать в единый кулак.

Все враги мощной будущей России внутри Германии выступили против нас — начиная с Гитлера и Розенберга. Нас поддерживали те, кто в основе будущей Европы видел в качестве союзников мощную Россию и мощную Германию.

К концу войны наш подход стал находить все больше сторонников среди национальных движений России, но было уже поздно.

Кстати, враждебное отношение США к нам питалось, видимо, и тем,

что на власти США влияли украинская, прибалтийская и другие диаспоры в США. Они видели во власовском движении вариант все той же единой и неделимой России, из которой они хотели выйти даже ценой ее полного развала.

И, наконец, последнее. О реабилитации.

Я не хотел просить прощения у Сталина. Я хотел остаться ему врагом.

Я не хотел реабилитации при Хрущеве.

Я оставался врагом его попыток капитального ремонта социализма.

Тем более, мне было не на что надеяться при Брежневе и его преемниках.

А вот с новой Россией вопрос гораздо сложнее.

Я не хочу реабилитации от той части нынешней новой России, которая представляет собой частично обновленную, частично перекрашенную бывшую коммунистическую номенклатуру. Я остаюсь для нее врагом.

Я не хочу реабилитации от движения ветеранов войны. Руководство этого движения во многом состоит из ветеранов спецслужб, ветеранов политработников.

Какой реабилитации можно ждать от прокуратуры, состоящей из наследников судивших меня палачей — наследников не по крови, а по духу? Естественно, они сталинский приговор оставили в силе.

А вот о реабилитации в глазах демократического движения новой России я бы по-настоящему мечтал. Пусть не всегда последовательно, пусть с постоянным реверансом к враждебному идее большой России Западу, это движение выступает за те же идеалы, что и наш Манифест.

Я пошел с большевиками, так как поверил в их обещания создать великую процветающую Россию. Меня обманули.

Когда началась война, я — как и все — искренне пел «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой». Я с полной отдачей сил, не щадя жизни, принял участие в самом тяжелом этапе борьбы с гитлеровским нашествием.

Но я не хотел, чтобы меня снова обманули, чтобы борьба с коричневым диктатором позволила еще более укрепиться диктатору красному, дала ему возможность навязать свой режим новым странам и народам Европы. Как это ни было тяжело, я решил начать борьбу с этой трагической для России перспективой. Заслугу свою вижу именно в этом начале.

Ну, а что касается современности — это уже область ваших выводов, Гавриил Харитонович.

Г.Х. В Испании Франко создал единый мемориал всем участникам и

жертвам революции и Гражданской войны. У нас, видимо, что-то подобное немислимо. Нам нужно несколько мемориалов.

Мемориал № 1. Я думаю, что когда-нибудь Ленина вынесут из Мавзолея и похоронят, поставив памятник рядом со Сталиным и другими вождями. Но рядом с ними нужны памятники Троцкому, Зиновьеву, Бухарину, Рыкову, Берии, Хрущеву — всем лидерам большевистского варианта преобразований России. А в Кремлевской стене — таблицы с именами советских руководителей, или расстрелянных советским режимом, или обруганных им.

Мемориал № 2. Я думаю, что после перезахоронения царской семьи в Питере, в Донском монастыре деятелей послереволюционной эмиграции возникает второй мемориал — мемориал врагов большевистского строя.

Мемориал № 3. Революционерам, но врагам большевиков. Эсерам. Анархистам. Меньшевикам. Махно. Спиридоновой. Антонову.

Мемориал № 4. Мемориал тем, кто боролся за новую, постиндустриальную, демократическую Россию. И первым в этом мемориале должен стоять памятник вам. И — очень близко к вам — памятник Андрею Дмитриевичу Сахарову. Вы оба очень близки. Оба оказали советской системе огромные услуги в самые тяжелые для нее времена. Оба награждены высшими орденами этой системы.

Оба осознали бесперспективность этой системы для будущего России и необходимость отказа от нее. Она — вполне логично — объявила вас предателями. Но при этом попыталась предательство системы представить как предательство народа и страны.

Я не был на суде, назвавшем вас, Андрей Андреевич, предателем. Но я был в том зале Большого Кремлевского дворца, где тысячи народных депутатов СССР, подавляющее большинство съезда, визжали, вопили, бесновались — осуждая стоявшего на трибуне Андрея Дмитриевича Сахарова как предателя. Там я окончательно понял, что есть ситуации, когда, только став предателем в глазах господствующего класса и манипулируемой им части масс, можно остаться подлинным, настоящим Гражданином и Патриотом.

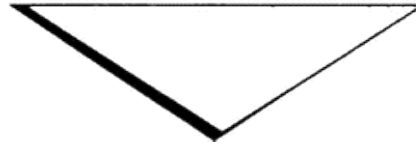
В вас я вижу предтечу антисоциалистической народной революции 1989–1991 гг.

Вы были родоначальником того варианта антисталинизма и антисоциализма, который основан на идеях, актуальных и сейчас.

И пока наше современное демократическое движение не осознает своего родства именно с вами, который сумел в тяжелейших условиях устоять между Сталиным, Гитлером и Западом, — оно не будет прочным и

перспективным.

Думая о вас, Андрей Андреевич, я не раз вспоминал слова Льва Николаевича Толстого: «Говорят, одна ласточка не делает весны. Но неужели оттого, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться? Если так дожидаться всякой почке и всякой травке, то весны никогда не будет».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Советские войска на марше во время Битвы за Москву

И.В. Сталин выступает на параде 7 ноября 1941 г.

А.А. Власов (внизу слева) в советской газете среди советских военачальников — героев Битвы за Москву

А.А. Власов в плену

Советские военнослужащие сдаются в плен

Колонна советских военнопленных

Добровольные помощники немцев (хиви) готовят себе обед

Добровольные помощники немцев (хиви) из числа советских пленных рядом с подводой

Командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков среди бойцов. 1942 г.

Пленный генерал-лейтенант А.А. Власов на допросе у генерал-полковника Линдемана

А.А. Власов с немецкими генералами

А.А. Власов

Генерал Андрей Власов и Мария Воронова

А.А. Власов в штабе 18-й полевой армии вермахта

*А.А. Власов в Дабендорфе. На заднем плане -начальник личной канцелярии генерала полковник
К. Кромиади*

А.А. Власов с немецкими офицерами и военнослужащими РОА

Пропагандист Русской освободительной армии (РОА) зачитывает советским военнопленным воззвание генерал-лейтенанта Власова

Советские военнопленные записываются в РОА на деревенской улице

А.А. Власов и гауляйтер Вены, экс-глава гитлерюгенда Б. фон Ширах

Генерал-майор Ф.И. Трухин среди власовцев и остовцев

Генералы Ф.И. Трухин и А.А. Власов в окружении офицеров в Дабендорфской школе РОА

А.А. Власов и русские офицеры РОА

А.А. Власов перед строем военнослужащих РОА

Генералы РОА Ф.И. Трухин, Г.Н. Жиленков и А.А. Власов на съезде КОНР в Праге

А.А. Власов, Г.Н. Жиленков и оберфюрер СС Э. Креггер на приеме у рейхсминистра пропаганды рейха доктора Йозефа Геббельса 1 марта 1945 г.

Бойцы РОА общаются с чехами из башни броневедомобиля

Повешенные коллаборационисты. Германия, 1945 г.

Суд на А.А. Власовым и его соратниками. 1946 г.

ВЛАСОВ КАК «МОНУМЕНТ ПРЕДАТЕЛЬСТВУ»

Личность генерала Власова до сих пор вызывает острую полемику в обществе. Используя новые документы, Олег Смыслов рассказывает о судьбе пленного генерала и объясняет, почему его личность стала «монументом предательству». В книге обильно цитируются документы из личного и судебного дел Андрея Власова, некоторые публикуются впервые. Книга издается в авторской редакции.

ЖЖ военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-2595-4

9 785444 425954

comments

ССЫЛКИ

Филатов В.И. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005.

2

Там же.

3

Там же.

4

Там же.

Катусев А.Ф., Оттоков В.Г. ВИЖ. 1990. № 6.

6

Там же.

7

Там же.

8

Там же.

Пекарев С. Аргументы недели. 15 марта 2007. №11.

10

Там же.

Филатов В.И. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005.

Интернет: Портал-Кредо. Исследователи личности генерала Власова...
2009.

Млечин Л. Адольф Гитлер и его русские друзья. М, 2006.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

ЦАМО РФ, РГВА. Учётно-послужные карты на А.А. Власова.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529 (в документе опечатка, правильно 1-й курс).

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529 (орден указан ошибочно, Власова тогда не наградили).

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Там же.

ЦАМО РФ. Учётно-послужная карта на А.А. Власова.

Сувениров О. 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009.

Млечин Л. Адольф Гитлер и его русские друзья. М., 2006.

Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981.

Свод законов СССР № 57. Ст. 469. М., 1935.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Пальчиков П. Два лика генерала Власова. Москва. 2007. №5.

Сувениров О. 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

Комкоры. Том 1. М., 2006.

Там же.

Филатов В.И. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Сувениров О. 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009.

Там же.

Там же.

Окороков А. Русские добровольцы. М., 2007.

Окороков А.В боях за Поднебесную. Интернет: Чекист.Ру.

Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. М., 1979.

Чуйков В.И. Миссия в Китае. М., 1983.

Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. М., 1979.

Чудодеев Ю.В. По дорогам Китая 1937–1945 гг. М., 1989.

Командармы. М., 2005.

Пальчиков П. Два лика генерала А.А. Власова. Москва. 2007. № 5.

Катышев А. Ф., Оппоков В.Г. ВИЖ. 1991. № 4.

Командармы. М., 2005.

Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. М., 1979.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Гамзин М., Забродин А. Интернет: Хронограф. Тайна смерти генерала Власова.

Киселёв В. Интернет: Земляк генерала Власова.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Гамзин М., Забродин А. Интернет: Хронограф. Тайна смерти генерала Власова.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Кошунцева Ф. Интернет: Новое дело. В Гагинском районе собираются открыть музей...

РГВА. Ф. 36862. Оп. 1. Д. 13.

Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Там же.

ЦАМО РФ. Учётно-послужная карта на А.А. Власова.

Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Командармы. М., 2005.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Там же.

Свод законов СССР № 57. Ст. 469. М., 1935.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Там же.

Краснов В. Неизвестный Жуков. М., 2000.

Там же.

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 30.

Краснов В. Неизвестный Жуков. М., 2000.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том 1. М., 1985.

РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

РГВА. Ф. 36862. Оп. 1. Д. 12.

Комкоры. Том 1. М., 2006.

РГВА. Ф. 36862. Оп. 1. Д. 12.

Антипенко Н.А. На главном направлении. М., 1967.

Комкоры. Том 1. М., 2006.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Интернет: Механизированные корпуса РККА. 4-й механизированный корпус.

Бондаренко А. Красная Звезда. 22–28 августа 2007 г.

Интернет: Механизированные корпуса РККА. 4-й механизированный корпус.

РГВА. Ф. 25147. Д. 77. Оп. 1.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

РГВА. Ф. 25065. Д. 104. Оп. 1.

Замулин В.Н. Курский излом: Решающая битва Отечественной войны.
М., 2007.

Интернет: Механизированные корпуса РККА. 4-й механизированный корпус.

Мелътюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2002.

Филатов В.И. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005.

Интернет: Механизированные корпуса РККА. 4-й Механизированный корпус.

Окороков А. Особый фронт. М., 2007.

Долматовский Е. Зелёная брама. М., 1989.

Комкоры. Том 2. М., 2006.

Окороков А. Особый фронт. М., 2007.

Бондаренко А. Красная Звезда. 22–28 августа 2007 г.

Тымкив С. Киевские ведомости. 23 января 2007. № 13.

Крещанов А., Кузяк А., Осипов А., Продан О. Сборник. 1941. Оборона Киева. Киев, 2002.

Там же.

Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. М., 2000.

Тымкив С. // Киевские ведомости. 23 января 2007. №13.

Там же.

Комкоры. Том 1. М., 2006.

Пальчиков П. Два лика генерала Власова. Москва. 2007. №5.

Комкоры. Том 1. М., 2006.

Карпов В. Жуков на фронтах войны. М., 1996.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Там же.

Там же.

Командармы. М, 2005.

Владимов Г. Генерал и его армия. М., 1997.

Командармы. М., 2005.

Богомолов В.А. Сердца моего боль. Том 2. М., 2008.

Исаев А. Интернет: Командовал ли А.А. Власов 20-й армией в декабре 1941 г.?

Сафир В. Суровая правда войны. М., 2005 г.

Карпов В. Жуков на фронтах войны. М, 1996.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

ЦАМО РФ. Ф. 20 А. Оп. 6631. Д. 1.; оп. 6631. Д. 2.

Бек А.А. Собрание сочинений. Том 2. М., 1974 г.

Александров К. Интернет: Предатель или порядочный солдат?

Саңдалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Там же.

На приёме у Сталина. М, 2008.

Батиев В. Власов. Том 1–4. Франкфурт-на-Майне, 2001–2004.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Тамонов Ф. //ВИЖ. 1967. № 1.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 213.

Разгром немецких войск под Москвой. М., 1943.

Там же.

Советские танковые войска 1941–1945. М., 1973.

Батиев В. Власов. Том 1–4. Франкфурт-на-Майне, 2001–2004.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 87.

Плиев И.А. Сборник. Кавалерия в боях за столицу. М., 1966.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1427.

Суворов В. Тень победы. Минск, 2003.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Богомолов В. Сердца моего боль. Том 2. М., 2008.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Там же.

141

ЦАМО РФ. Учётная карточка награждённого А.А. Власова.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Из коллекции ЦАМО.

Щёлоков А.А. НВО, 13 октября 2006.

Гладков Т.К. Медведев. М., 1985.

Пальчиков П. Два лика генерала Власова. Москва. 2007. №5.

Иванова И. Интернет: Трагедия Мясного Бора.

Пальчиков П. Два лика генерала Власова. Москва. 2007. №5.

Катусев А.Ф., Оттоков В.Г. ВИЖ. 1991. № 4.

Пальчиков П. Два лика генерала Власова. Москва. 2007. №5.

Командармы. М., 2005.

Вторая ударная в битве за Ленинград. Ленинград, 1983.

Иванова И. Интернет: Трагедия Мясного Бора.

Решин Л.Е., Степанов В.С. // ВИЖ. 1993. № 3.

Трагедия 2-й ударной армии. М., 2002.

Там же.

Перемышленникова Н. // Источник. 1998. № 4.

ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 97. Д. 91.

Там же.

Хозин М. ВИЖ. 1966. № 2.

Слухай И.А. Генерал Иван Катышкин. М., 2008.

Слухай И.А. Генерал Иван Катышкин. М., 2008.

Решин Л.Е., Степанов В.С. // ВИЖ. 1993. № 5.

Там же.

165

Интернет: Записка начальнику ОО НКВД Волховского фронта
1.07.1942.

Семёнов Ю. Интернет: Репортёр.

Орлов А. //Отечество. Апрель 2001. № 1.

Там же. *Рихтер К.* Дело генерала Власова.

Орлов А. //Отечество. Апрель 2001. № 1.

Андреева Н. //Новая газета. 22 февраля 2007. № 13.

Андреев С. Интернет: Поисковики нашли штаб генерала...

Окороков А. Особый фронт. М., 2007.

Комкоры. Том 1. М., 2006.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. //ВИЖ. 1991. № 4.

Пальчиков П. Два лика генерала Власова. Москва. 2007. №5.

Там же.

Там же.

Новобранец В. Я предупреждал о войне Сталина. М., 2002.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. СПб., 2001.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. // ВИЖ. 1991. № 7.

Гамзин М, Забродин А. Интернет: Хронограф. Тайна смерти генерала Власова; Левкое В. Интернет: Тайна Агнессы; Киселёв В. Интернет: Земляк генерала.

Квицинский Ю. Генерал Власов: путь предательства. М, 1999.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990.

Лукин М.Ф. // Огонёк. 1964. № 47.

Командармы. М., 2005.

Письмо М.Ф. Лукина. // Край Смоленский. 1991. № 3.

Сувениров О. 1937. Трагедия Красной Армии. М, 2009.

Решин Л.Е., Степанов В.С. // ВИЖ. 1992. № 12.

Командармы. М., 2005.

Письмо М.Ф. Лукина. // Край Смоленский. 1991. № 3.

Там же.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990.

Википедия: Власов Андрей Андреевич. Интернет.

Там же.

Там же.

Кудряшов В. Закончится ли спор о генерале Власове? // История. 2005.
№ 9.

Там же.

Александров К.М. Мифы о генерале Власове. М., 2010.

201

Там же.

Там же.

Там же.

Речь Патриарха Кирилла на встрече со слушателями Военной академии Генштаба. Газета.ру. Интернет. 31.05.2011.

Современный толковый словарь русского языка. М., 2004.

Конвенция (III) об обращении с военнопленными. Женева, 12 августа 1949. МККК. Интернет.

Общевойские уставы Вооружённых сил Российской Федерации. М, 2008.

Перемышленникова Н.М. Ты у меня одна. Письма генерала Власова жёнам (1941–1942) // Источник. 1998. № 4.

Там же.

210

Там же.

Там же.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или История власовского предательства // ВИЖ. 1991. № 4.

Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005.

Катусев А. Ф., Оппоков В.Г Движение, которого не было, или История власовского предательства // ВИЖ. 1991. № 4.

Там же.

Пять дней из жизни Фридриха Паулюса в России. Дневник оперуполномоченного КРО ОО НКВД Донского фронта старшего лейтенанта ГБ Тарабрина. Достоинство. Интернет.

Ласкин И.А. У Волги и на Кубани. М, 1986.

Википедия: Паулюс, Фридрих. Интернет.

Там же.

Александров К.М. Мифы о генерале Власове. М, 2010.

Шлеев В.В. Письмо из плена // Отечественная история. 1995. № 4.

Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия русской освободительной армии. 1944/1945. М, 2005.

Шлеев В.В. Письмо из плена // Отечественная история. 1995. № 4.

Там же.

Русский военно-исторический журнал. 1994. № 2; Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.) под редакцией А.Ф. Киселёва, Э.М. Шагина. М., 1996.

Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские // ВИЖ. 1992. № 12.

Там же.

Там же.

Шлеев В.В. Письмо из плена // Отечественная история. 1995. № 4.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М, 2006.

231

Там же.

Там же.

Исаев А. Командовал ли А.А. Власов 20-й армией в декабре 1941 г.?
Актуальная история. Интернет.

Там же.

Там же.

236

ЦАМО. Ф. 148 а. Оп. 3763. Д. 84. Л. 3.

Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские // ВИЖ. 1993. № 3.

Карпов В. Жуков на фронтах войны. М, 1996.

Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские // ВИЖ. 1993. №3.

Перемышленникова Н.М. Ты у меня одна. Письма генерала Власова жёнам (1941–1942) // Источник. 1998. № 4.

Богомолов В.А. Сердца моего боль. Том 2. М., 2008.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М.,2011.

245

Там же.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

247

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 6. Л. 4.

Муриев Д.З. Провал операции «Тайфун». М., 1982.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

252

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 7. Л. 249.

Маганов В.Н., Иминов В.Т. Это был один из наиболее способных наших начальников штабов // ВИЖ. 2002. № 12; ВИЖ. 2003. №1.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 7. Л. 63.

Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М.,2011.

Там же.

257

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 12. Л. 330.

Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М.,2011.

Там же.

260

ЦАМО. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

РГВА (РГАСА). Том 2. Путеводитель. М., 1993 г.

262

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 103. Л. 118.

Там же. Л. 119.

Там же. Л. 73–74.

266

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 103. Л. 15.

267

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 104. Л. 19–22.

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 103. Л. 15.

269

ЦАМО. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Там же. Из справки, составленной по материалам личного дела 28 февраля 1940.

271

ЦАМО. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 499. Л. 5–11.

Там же.

Смирнов А. Большие маневры // Родина. 2000. № 4.

Там же.

Там же.

Будницкий О. За первый квартал 1941 г. в ВВС РККА из-за катастроф и аварий погиб 141 человек. Коммерсант Наука. 27 июня 2011. №3.

Там же.

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 103. Л. 119.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 481; ЦАМО. Ф. 33. Оп. 1458. Д. 212.

281

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 2; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 670.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11495. Д. 20; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 50.

283

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 524.

Жирнов Е.У. руководства и армии недостаточно подготовки и сообразительности // Власть. 20 июня 2011. № 24.

285

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М.,2011.

Комкоры. Военный биографический словарь. Том 1. М., 2006.

Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М.,2011.

Жирнов Е. У руководства и армии недостаточно подготовки и сообразительности // Власть. 20 июня 2011. № 24.

Там же.

Там же.

Перемышленникова Н.М. Ты у меня одна. Письма генерала Власова жёнам (1941–1942) // Источник. 1998. № 4.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 259. Л. 348.

Там же.

Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М., 2011.

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.

Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М.,2011.

Письмо полковника Тётушкина. Умри, а держись // Родина. 2005. № 4.

Катусев А. Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или История власовского предательства // ВИЖ. 1991. № 4.

Там же.

Александров К.М. Мифы о генерале Власове. М., 2010.

Катусев А. Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или История власовского предательства // ВИЖ. 1991. № 7.

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. СПб., 2001.

Заика Л., Бобренёв В. Жертвы и палачи. М., 2011.

311

Там же.

312

Там же.

313

Там же.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006 г.

315

Там же.

316

Там же.

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.

Заика Л., Бобренёв В. Жертвы и палачи. М., 2011.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006 г.

320

Там же.

321

Там же.

Окороков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М, 2007.

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.

Казанцев А.С. Третья сила. М., 2011.

Фрëлих С. Генерал Власов: Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кëльн, 1990.

Петров И. Два замечания о М.А. Зыкове. Интернет.

Петров И. Сетевая словесность. Онлайн-дневник. Зыков. Интернет.

Там же.

329

Там же.

Петров И. Сетевая словесность. Онлайн-дневник. Зыков. Интернет.

331

ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 267. Л. 57.

332

2-я гвардейская Таманская Краснознамённая стрелковая дивизия.
Забывтый полк. Интернет.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945. СПб., 2001.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945. СПб., 2001.

Окороков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007.

342

Там же.

Смыслов О.С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М, 2009.

Фрëлих С. Генерал Власов: Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кëльн, 1990.

Окороков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006.

Фрëлих С. Генерал Власов: Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кëльн, 1990.

348

Там же.

349

Там же.

350

Там же.

351

Там же.

352

Там же.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М, 2006.

Там же.

Там же.

Фрëлих С. Генерал Власов: Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кëльн, 1990.

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006.

359

Там же.

Окороков А. Мемуары «власовцев». М., 2011.

Фрëлих С. Генерал Власов: Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кëльн, 1990.

Рейтлингер Д. Цена предательства. Сотрудничество с врагом на оккупированных территориях. 1941–1945. М., 2011.

Генерал Скобелев. Военно-историческая серия «Белые войны». М., 2011.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006.

Окороков А. Мемуары «власовцев». М., 2011.

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.

367

Старицкии Н. Первая встреча с Власовым // Доброволец. Август 1954.
№ 20.

Старицкии Н.К. истории освободительного движения // Доброволец.
Январь 1955. № 25.

Финкельштейн Ю. Генерал Власов и «немецкие друзья» // Вестник. 25 мая 1999. № 11 (218).

370

Там же.